

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Университет российской академии образования

*К 80-летию Нижегородского государственного
архитектурно-строительного университета*

**ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Первая международная научно-практическая
конференция по культурологии

Сборник научных статей и докладов

Нижегород
2010

ББК 94,3; я 43

И 32

Сборник подготовлен к изданию кафедрой культурологии Гуманитарно-художественного института Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета и посвящается 80-летию Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

В сборник включены материалы статей и докладов конференции Первой международной научно-практической конференции по культурологии, где обсуждались общие и частные проблемы, связанные с изучением и сохранением всемирного культурного наследия в целом и отечественного наследия культуры в частности.

Сборник научных статей и докладов может быть рекомендован студентам, преподавателям высших учебных заведений, а также всем тем, кто интересуется вопросами истории, философии, культурологии, этнографии.

Авторы несут ответственность за содержание своих статей.

Редакционная коллегия:

Филиппов Ю.В.

Фирсова А.М.

СЕКЦИЯ 1. ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Теоретические вопросы изучения и сохранения культурного наследия

СОЦИОДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ

Зеленов Л.А., ННГАСУ

Немногие помнят прекрасную работу по культурологии известного французского ученого А. Моля с таким же названием: «Социодинамика культуры» (М.: Прогресс, 1973). В этой работе автор представил два важных аспекта исследования культуры: социальный и динамический. Что касается социального аспекта, то это уже стало банальным в культурологии: культура – это надприродное, человекотворное, социальное образование. Но динамический (процессуальный, временной, деятельностный) аспект бытия культуры недостаточно исследован. А это имеет и самое прямое и важное значение для анализа проблемы «национальная культура: преемственность и сохранение».

Динамический аспект анализа культуры мы понимаем в самом широком смысле слова, как все деятельностные функции бытия культуры: создание, накопление, сохранение, трансляция, репродуцирование, деформация, пропаганда, экспозиция, тиражирование, правовое оформление и пр. и пр. Пока культурологи лишь эмпирически называют эти функции, а нужен системный типологический анализ ДВИЖЕНИЯ культуры. Для такой типологии нужен принцип. Таким принципом может быть принцип ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, деятельностного бытия культуры.

Он позволяет начать с этапа СОЗДАНИЯ культурных ценностей. При всей внешней простоте этот этап имеет множество теоретически значимых аспектов: кто создает, зачем создает, какими механизмами, для кого создает и т.д. В конечном счете, вся эта проблематика разворачивается по блокам деятельности, давно исследованным Общероссийской академией человековедения (Антропология. Общая теория человека. Н.Новгород: НАСА, 1991).

Эти компоненты деятельности вполне могут служить методологическим основанием построения ТЕОРИЙ КУЛЬТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА: субъект, объект, средства, процесс, условия, результат, система, среда.

Созданные культурные ценности всех видов должны вписаться в социум, в социальную среду, совместиться с существующими культурными явлениями, образцами, обрядами и т.д. Этот этап можно назвать этапом ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ. Он достаточно длительный и тоже предполагает деятельностный анализ с теми же 8 компонентами, блоками проблем: субъект,

объект, средства, процесс условия, результат, система, среда. Это разделы ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ.

Закономерно встает вопрос о СОХРАНЕНИИ (консервации) культуры. И это третий этап ее бытия. Он тоже сложен, потому что касается как официальных (государственных), так и публичных (общественных) акций. Иначе говоря, это тоже деятельность, деятельность по сохранению, консервации культурных ценностей. И здесь тоже приходится обращаться к компонентному анализу деятельности, обращенной на консервацию, сохранение. Это те же 8 компонентов: субъект, объект, средства, процесс, условия, результат, система, среда. Значит, и ТЕОРИЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ должна включать в себя названные 8 разделов.

Культура, воплощенная в своих памятниках (культуремах, артефактах) – это мертвый, потенциальный резерв общества. Он должен работать, функционировать, проявлять себя. Этот четвертый этап бытия культуры можно назвать ЭКСПОЗИЦИОННЫМ. Понятие «экспозиции (представления)» здесь используется в самом широком смысле: выставки, фестивали, телепередачи, печатная продукция, кино, аудиовизуальные подачи, репродукции, тиражирование, аукционы и пр. и пр. Это все разные формы и средства ЯВЛЕНИЯ культуры публике. Конечно экспозиционная деятельность тоже предполагает ее теоретическое построение. Значит опять необходимо обращаться к 8 компонентам деятельности как базовым основаниям разделов ТЕОРИИ ЭКСПОЗИЦИИ КУЛЬТУРЫ.

Само явление феноменов культуры не может не вызвать к ним вариативного отношения: от отрицания до восторга, от подражания до отвержения, от фальсификации до кражи, от имитации до «пиратства» и т.д. Мы имеем в виду все возможные альтернативные (негативные или позитивные) отношения к культуре. Это все разные формы социального бытия культуры, которые в целом можно назвать АКСИОЛОГИЧЕСКИМ бытием культуры. Это пятый этап ее существования. Он тоже деятельностный, поэтому и построение ТЕОРИЙ АКСИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ должно опираться на уже названные выше 8 компонентов деятельности.

При всех своих, позитивных и негативных оценках культура нуждается в ТРАНСЛЯЦИИ, в передаче, иначе она безвозвратно умрет: новые поколения должны ее знать, впитывать, опираться на нее в своей деятельности. Эта передача осуществляется в различных формах, и при помощи разных средств. И это тоже деятельность, а значит и разделы ТЕОРИИ ТРАНСЛЯЦИЙ КУЛЬТУРЫ должны быть выстроены по тем же 8 компонентам.

Сохраненная и транслированная культура должна ФУНКЦИОНИРОВАТЬ в системе социума, выполнять свои гуманистические функции, очеловечивать людей, объединять их, воспитывать, образовывать, обучать и т.д. Для этого она и нужна, обществу, а значит социодинамический этап бытия культуры, который мы называем ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ должен входить в анализ культурологии. Само понятия «функция» вполне естественно предполагает деятельностное рассмотрение функционирования культуры. Следовательно, шестой раздел культурологии в ее социодинамическом ас-

пекте предполагает возможность построения ТЕОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ по тем же разделам, которые обозначены выше.

Наконец, каждую историческую культуру (египетскую, индийскую, китайскую, греческую, ацтекскую, культуру инков и майи, русскую и т.д.) ждет впереди историческое бытие: быть забытой, востребованной, фальсифицированной, деформированной и т.д. У каждой культуры есть прошлое, настоящее и БУДУЩЕЕ, ее перспективы, ее судьба. Современные процессы глобализации актуализировали эту проблему перспектив. В нашем понимании этот этап можно назвать этапом ПРОГНОЗИРОВАНИЯ. Методов прогнозирования сегодня достаточно много. Не все они научно состоятельны, но культурология призвана анализировать и оккультные позиции. Это предполагает построение специального седьмого раздела культурологии (ТЕОРИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ). Разумеется, с теми же 8 разделами.

Итак, анализ культуры в ее СОЦИОДИНАМИЧЕСКОМ аспекте позволяет выделить следующие разделы СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ:

1. Теория культурного творчества.
2. Теория институционализации культуры.
3. Теория сохранения культуры.
4. Теория экспозиции культуры.
5. Теория аксиологии культуры.
6. Теория трансляции культуры.
7. Теория функционирования культуры.
8. Теория прогнозирования культуры.

Каждая из этих теорий как теория соответствующей деятельности (создание, сохранение, институционализация и т.д.) может основываться на соответствующих ей компонентах деятельности: субъект, объект, средства, процесс, условия, результат, система и среда.

Это позволит создать целостную концепцию СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ по единому генетическому (движение) и системному (деятельность) основанию.

МНИМОСТИ В КУЛЬТУРЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Кондаков И.В., РГГУ, г.Москва

1. Каждый, кто помнит книгу П. Флоренского «Мнимости в геометрии», понимает, что мнимые явления можно обнаружить не только в математике, а обсуждение проблем мнимости в различных сферах ведет к углублению представлений о реальности. Особую актуальность сегодня приобретает осмысление *мнимостей в культуре*, поскольку различение действительных и мнимых культурных ценностей в современном мире и культурном наследии особенно трудно.

2. Мнимости в культуре возможны различного порядка. Прежде всего, культурными мнимостями следует считать никогда не существовавшие артефакты культуры. Например, никогда не существовала «Велесова книга» как

памятник древнерусской языческой словесности VI – VIII вв. Точно так же никогда не происходили события, реконструируемые с помощью «Новой хронологии» Фоменко и Носовского. Не существует 26-й симфонии Малера (розыгрыш Г.Н. Рождественского), романов Достоевского «Атеист» и «Дети» (неосуществленные замыслы писателя), второго тома «Мертвых душ» Гоголя (сожженного автором), «Хазарского словаря» как исторического документа или научного труда (роман М.Павича). Это – мнимости, так сказать, *онтологические*.

3. Подобные (но не тождественные) мнимости часто возникают в проблемном поле культуры в результате не критического отношения к источникам и антиисторизма исследователя, приписывающего деятелю культуры участие в событиях, к которым он не имел и не мог иметь никакого отношения (пространственно, хронологически, по обстоятельствам, идейно и т.п.); знание информации, которым он не обладал; убеждения, которых у него не было, – т.е. изымающего его из его культурно-исторического контекста и помещающего в иной, ему чуждый. Так, было бы ошибкой видеть Пушкина предшественником «Великого Октября» на том основании, что он написал: «Октябрь уж наступил...» и «на обломках самовластья напишут наши имена», а Л. Толстого – упрекать в незнании основ марксизма и невнимательном прочтении ленинской статьи «Лев Толстой как зеркало революции». Эти мнимости культуры можно назвать *гносеологическими*.

4. Третьего рода мнимости в культуре имеют место в процессе творчества. Создание инновативных ценностей и смыслов – непривычных, выламывающихся из принятой парадигмы – как содержательно, так и формально, – вольно или невольно ставят эти смыслы и ценности в ряд не только актуальных значений культуры, но и – потенциальных, невольно обрекая самые новые и новаторские произведения на почти неизбежное непризнание, подчас резкое и длительное. К сожалению, лишь время истории, притом довольно продолжительное, может подтвердить или опровергнуть статус мнимости этих смысло-ценностей культуры. В. Хлебников и Мандельштам, С. Прокофьев и А. Шнитке, В. Кандинский и П. Филонов, Вс. Мейерхольд и А. Тарковский долго ждали своего места в русском и мировом искусстве XX века (и это лишь первые пришедшие на ум великие имена). Мнимости в культуре, связанные с резким ценностно-смысловым «опережением» творца – своих реципиентов, можно назвать *эвристическими*.

5. Четвертый тип мнимостей в культуре, напротив, связан не с проблемой новаторства, а с проблемой эпигонства. Сколько ценностей культуры (прежде всего искусства, в меньшей степени – науки и философии), поначалу представлявшихся яркими и значительными, впоследствии оказались ничтожными, подражательными, вторичными, пустыми... Тем чаще творцы подобных произведений старались всеми силами добиться успеха и признания, не пренебрегая при этом самыми низкими и примитивными, но эффективными средствами. Триумф у публики современников Пушкина – В. Бенедиктова, Ф. Булгарина, Н. Кукольника, А. Марлинского, М. Загоскина, О. Сенковского и др. – до сих пор необъясним, но мнимость их творчества не вызы-

вает ни у кого сомнений, несмотря на былую популярность. Современная массовая культура буквально переполнена *эпигонскими* мнимостями во всех видах творчества, жанрах и стилях. Недолговечность их популярности, хрупкость успеха и противоречивость оценок в общественном мнении – характерный симптом мнимости этих явлений.

6. Пятый тип мнимостей относится к числу *спекулятивных*. Все разновидности рекламы и саморекламы, того, что сегодня называется PR, порождают эффект искусственного раздувания ценности, смысла и значения тех или иных культурных явлений, которые в результате кажутся крупнее и значительнее, нежели являются фактически. Цели манипуляций с общественным сознанием и потенциальной аудиторией могут быть различными; чаще всего манипуляторами преследуются цели достижения успеха – прежде всего коммерческого («раскрутка», рейтинг популярности и т.п.), далее – агитационно-пропагандистского (социальный, политический и др. имидж), психологического. В любом случае, мнимая ценность того или иного спекулятивного явления культуры предопределяется целенаправленным применением соответствующих манипулятивных технологий, а не свойствами самих явлений культуры, вокруг которых совершаются манипуляции.

7. Парадоксальность культуры состоит в том, что названные 5 типов мнимостей (можно построить и другую типологию, включающую еще больше типов мнимых явлений) представляют собой единое пространство и постоянно пересекаются между собой, являясь взаимодополнительными явлениями. Так, онтологические мнимости сочетаются с гносеологическими, эвристические мнимости в своем противостоянии мнимостям эпигонским постоянно вступают с ними в диалог – то в одну сторону, то в противоположную (ср. антиномии: Пушкин – Булгарин, Чайковский – Минкус, Чехов – Потапенко, Булгаков – Билль-Белоцерковский, Маяковский – Безыменский и т.п.). Мнимости спекулятивные, как «шлейф», сопровождают все четыре предшествующих типа мнимостей культуры, то усиливая, то ослабляя ценность каждой из них, создавая вокруг них особый «ореол».

8. Культурное наследие, взятое в целом, состоит из действительных и мнимых культурных ценностей, не только сосуществующих между собой, но и тесно взаимосвязанных друг с другом (таковы мифы). Другое дело, что в процессе сохранения культурного наследия постоянно встает вопрос о том, что в наследии является действительным и мнимым; каковы критерии и принципы их различения и отделения одного от другого; «от какого наследства мы отказываемся» и почему; что в наследии нужно охранять и спасать, а что – критиковать, изменять и уничтожать (например, в процессе выбора между руинированным оригиналом архитектурного памятника и новоделом; между научным открытием и журналистской сенсацией).

9. Разные страны и сообщества, различные исторические эпохи и культурно-политические силы по-разному отвечали и отвечают на эти вопросы, и поэтому деятельность по сохранению или присвоению наследия то и дело превращается в острую борьбу *за* и *против* культуры. Красные и белые, советские и эмигранты, представители официоза и андеграунда, пролетариат и

интеллигенция, верующие и атеисты, партийные и беспартийные, гуманитарии и «технари», ученые и журналисты по-своему различают действительные и мнимые ценности культуры, а объективные и субъективные критерии их анализа и оценки то и дело объединяются, переплетаются, путаются.

10. Культура всегда многослойна, и составляющие ее пласты очень противоречиво и конфликтно соседствуют друг с другом. То и дело возникающие смысловые оппозиции приводят к поляризации культуры одновременно в нескольких измерениях (наука и религия, наука и искусство, философия и обыденное знание и т.п.). Один и тот же артефакт культуры нередко принадлежит сразу разным культурным пластам, и в одном отношении является положительным, а в другом – отрицательным. Например, эстетически-положительное одновременно может являться нравственно-отрицательным; коммерчески-позитивное может нести в себе эстетически-негативное; явление религиозной культуры может иметь самодовлеющее эстетическое содержание и т.д.

11. Всякая ценностно-смысловая напряженность подобного рода порождает мнимость культуры. Существует множество механизмов и информационных каналов, поддерживающих или дезавуирующих мнимости культуры, способствующих переводу мнимых ценностей в действительные и наоборот. Важное место в истории каждой национальной и мировой культуры в целом является борьба между действительными и мнимыми явлениями культуры.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ВЕНГРИИ

Хоффер-Матий В., г. Будапешт, Венгрия

Оглядываясь на историю Европы, можно рассказать, что у народов её имеются общие ценности: знания и культура греков, римское право, христианство. Сейчас в европейские ценности входит: демократия, правовое государство, элементарное уважение к личности каждого, равноправие и солидарность. Венгрия очень небольшая страна в середине Европы. И, несмотря на многочисленные войны, грабежи и потери множества культурных ценностей, сохранила свою идентичность и традиции на протяжении тысячи лет.

С вступлением в ЕЭС, где все государства равны и главной основой которого является сохранение каждого национального языка и культуры в отдельности, наш венгерский язык, национальные традиции в этой многонациональности не исчезнут, а наоборот получают возможность развития и сохранения. Да и финансовая поддержка в этом вопросе немаловажна.

Из известных нам источников информации мы знаем, что в любом обществе всегда были люди, которые, начиная с древнейших времён, старались сохранять, копировать и донести до потомков духовное наследие своего народа. В последние столетия особая роль в этом отводилась библиотекам, музеям.

В них копировались, сохранялись, передавались духовное культурное наследие из века в век. Ответственность за сохранение культурного наследия Венгрии была одновременно и практическим требованием, и основополагающим принципом. В результате появились этические традиции, которые являются и частью европейского культурного наследия.

Очень важно обратить внимание на эти принципы, рассматривая работу сотрудников венгерских государственных коллекций, в первую очередь, музеев и библиотек. До XIX века эти коллекции существовали как церковные библиотеки (в основном школьные), и как коллекции древностей или сокровищницы. В конце XIX века они постепенно превращались в учреждения, сохраняющие памятники национальной истории и культурное наследие, своеобразие которого имеет значение для всей Европы.

Венгерский Национальный Музей, основанный в 1802 году, был моделью для других национальных музеев. Исторический Музей, Национальная Галерея и ряд других музеев, в том числе и Национальная Библиотека, которая позже была названа Библиотека Сеченьи в честь ее основателя, все они были частью Национального Музея. Хотя другие музеи были основаны по инициативе разных округов и городов, они развивались по единой системе регистрации, ведения документации и хранения культурных ценностей их деятельность определялось главенствующей ролью Национального Музея.

Также развивалась система непосредственного контакта между музейными профессионалами и кураторами отдельных коллекций. Неразрывность профессионального единения, возможно, является величайшей ценностью венгерских государственных коллекций. Благодаря этому единению были сформулированы и сохранены этические принципы государственных коллекций, без которых и сохранение самих культурных ценностей было бы невозможно.

Зная историю Венгрии XX века, мы можем утверждать, что человеческий фактор сыграл решающую роль в судьбе государственной коллекции. Музейные экспонаты и архивные документы были сохранены и на территории стран изменившихся в своих границах после Первой Мировой Войны. Эти коллекции выжили и в условиях последнего послевоенного смятения. Примечательно, что наибольшие потери претерпели коллекции, которые были эвакуированы из мест их первоначального хранения.

Также неоспорим тот факт, что и зарегистрированные и незарегистрированные культурные ценности, в первую очередь, были сохранены благодаря честности и ответственности профессионалов, работающих в этих учреждениях.

Принцип сохранения национальных культурных ценностей и на сегодняшний день является приоритетным. То что в результате войны огромное количество памятников, относящихся к числу национального культурного наследия, не пострадало, стало возможно прежде всего благодаря принципам музейных работников, которые заключаются в ответственном отношении к своей работе не столько с точки зрения «официальной», сколько с точки зре-

ния профессионального долга, иными словами культурные ценности имеют для них, в первую очередь, не материальную ценность, а духовную.

Целостность культурного наследия человечества в целом становится той меркой, которая обеспечивает необходимые условия для поднятия защиты культурных ценностей на более высокий уровень. Исходя из этой концепции, защита отдельных предметов является выражением принципа глобальной защиты всего наследия. Задача правительства в таких условиях заключается в том, чтобы гарантировать целостность культурного наследия, то есть создать правовую, организационную и финансовую основу для реализации принципов деятельности работников музеев.

Сейчас ведётся работа по восстановлению Шарошпатакской библиотеки и возвращению других предметов нашего культурного наследия. Об истории и значении этой библиотеки вы можете почитать на Интернетe.

На общем собрании ЮНЕСКО в 2003 году было принято Соглашение (Договор) о сохранении духовного культурного наследия, к которому присоединилось 89 стран со всех континентов мира.

Венгрия с 2007 года является членом международного сообщества (которое состоит из 24 человек), которое постоянно наблюдает и помогает в работе немедленного сохранения культурного наследия, которые есть в списке, и готовит каталог правильного сохранения наследия.

Наряду с различными видами культурного наследия (архитектура, произведения искусства, исторические памятники, находки археологов и т.д.) и духовное культурное наследие рассчитывает на международное внимание. Сохранение его – незамедлительная задача, потому что есть опасность исчезновения его.

В 2006 году XXXVIII. был принят закон о духовном культурном наследии, основанный на Соглашении ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 года.

Что же относится к этим духовным культурным ценностям? Духовное культурное наследие (по английски *intangible cultural heritage*) понятие в отличие от архитектурно – строительных и природных культурных наследий словом *intangible* (неосязаемый) выражает не предметную суть, а неуловимую. Духовная культурная – деятельность традиционная и живая одновременно, постоянно заново создаваемая и словом передаваемая дальше. Духовная культурная деятельность никогда не статична, а такое знание, которое, путешествуя от предыдущей генерации до следующей генерации, формируется и существует дальше вновь и вновь.

Духовное культурное наследие живёт в обществах, члены которого продолжают традиции и являются их носителями, закрепляющими и передающими их. Так что в этом случае мы говорим не о памятных, исторических местах, описаниях или в неживых предметах закреплённых памятниках, а живущих в повседневности наследиях.

Культурное наследие может быть традицией, описанием, формой выражения, знанием, способностью (в связи с этим способ, метод изготовления) и культурное место, которое общество признаёт местом своего культурного наследия. Это из генерации в генерацию традиционно передающееся духов-

ное культурное наследие, которое общество снова и снова заново создаёт, тем самым давая чувство общей идентичности и постоянства.

Духовное культурное наследие выражается и распространяется в таких формах:

- а) словесные наследия и формы их выражения,
- б) искусство исполнения,
- в) традиции общества, ритуальные обряды, праздничные события
- г) знания и наблюдения об окружающей среде и их применение,
- д) традиционное народное ремесло.

На территории говорящих на венгерском (сюда относится не только Венгрия, но и Закарпатье, территории Словакии, Румынии, Сербии, Хорватии, Австрии и т.д.), имеется похожее, большие традиции имеющее или заново возрождённое и ставшее живым, огромное духовное наследие.

Например, с древних времён создавшие особенный стиль и до сих пор их носящие регионы, общества народного искусства, известные центральные места народного промысла, особенные технологии, традиции, встряхивающие общество, праздники, или совместно исполняемые ритуальные обряды, фольклор.

Но надо заметить, что цель Соглашения не фестивали и не продолжение традиций, а охрана и сохранение жизни наследия в этих сообществах. В наши дни размножившиеся фестивали служат цели показа культурного наследия на высоком уровне и приобщения многочисленных людей к знакомству с ними, то есть это всё может быть методом, одним из средств сохранения культуры и наследия, но не могут заменить постоянного культурного сохранения наследия.

Полтора года назад в Венгрии началось составление списка (коллекции) произведений искусств духовного культурного наследия Венгрии.

В апреле 2009 года создана Дирекция Духовного Культурного Наследия, координирующая работу венгерских музеев и организаций по программе ЮНЕСКО и имеющая множество задач: идентификация духовного культурного наследия, каталогизация, создание группы профессионалов в этой области, этих специалистов дальнейшее профессиональное развитие, развитие методов исследований, создание доступности к культурному наследию (сайты, телевидение, радио, различные издания журналов, фестивали и т.д.), обучение, конференции, создание базы всех данных методами новейшей техники (дигитализация). Наряду с дигитализацией культурного наследия создать каталоги, библиографии и т.д.

Работа по сохранению культурного наследия Венгрии продвигается успешно.

СПОСОБ ОБЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЙ В КУЛЬТУРЕ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Колесова О. В., ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Одной из составляющих характеристик культуры является анализ доминирующего в ней типа общения.

В 1953 г. Т. Парсонс в «Рабочих тетрадах» по теории действия сформулировал парадигму четырёх функций: адаптации, целедостижения, интеграции, поддержания образца.

Парсонс рассматривает социальный порядок как своего рода системное равновесие, достигаемое за счёт выполнения функциональных потребностей.

Предлагаемая модель с пятью двухэкстремальными переменными, образующими четыре обобщённых типа ценностных иерархий, часто используется им для анализа конкретных социологических проблем. Одна из этих переменных представляет собой дихотомию «конкретное общение» – «диффузное общение». Эта переменная задаётся ценностными стандартами культуры.

Принцип «конкретного общения» заключается в том, что человек выбирает себе социальное окружение, полезное с его точки зрения, для реализации собственных целей. С одними можно поговорить «по душам», они ценят вас за конкретные черты характера; другие важны для вас с точки зрения профессиональной; третьи разделяют ваше хобби и т. д. Совершенно неважно при этом, что эти люди, общаясь с вами, не будут интересны друг другу.

Можно встречаться с ними в разное время, по разным поводам, главное в таком общении то, что каждый человек хорош и нужен в определённых обстоятельствах и для определённого занятия. Разумеется, что нужно иметь в виду, что в чистом виде никто из людей такого принципа не реализует: это всего лишь крайняя точка, направление тенденции. Такая направленность в общении всегда сосуществует в сочетании с элементами другого принципа – «диффузного общения».

Человек, реализующий тенденцию «диффузного общения», отбирает себе друзей, исходя не из их функциональной роли, а по тем их качествам, которые характеризуют их как личность. В данном случае цели, реализуемые человеком, не имеют для него первостепенного значения, более того, для него настолько важен круг общения, что он может отказаться от собственных целей в пользу реализуемых этим кругом ценностей.

Принцип выбора общения здесь зависит от твёрдых, неизменных характеристик личности. Сфера деятельности человека, социальное, материальное положение человека, его конкретные интересы не столь важны как его личные качества. Человек, склонный к диффузному общению, долго вглядывается в своё окружение. Он придирчиво «проверяет» нового знакомого, прежде чем одарит его своим расположением.

Он не просто оценивает поступки и выясняет интересы будущего приятеля или друга, он пытается добраться до мотивов поступков, уяснить для себя иерархию ценностей другого человека. Но уж если он «принимает» но-

вичка «в свои», то настраивается на долгую с ним дружбу и ожидает того же в ответ.

Столь пристальное внимание к внутренней жизни личности обуславливает определённую замкнутость, предопределяемую «диффузным общением». Случайных людей не очень любят в таком кругу, относятся к ним с недоверием.

Разумеется, что в общении каждого отдельного человека, входящего в данный круг, присутствуют и элементы принципа конкретности, но отношение к людям, с которыми общение «конкретно», и тем, с кем оно «диффузно», совершенно несравнимо.

Как уже было замечено, диффузная группа складывается медленно, тщательно отбирая людей, с одной стороны, с другой – произведя этот отбор, она отличается устойчивостью и терпимостью к особенностям проявлений, составляющих её людей. Диффузная группа – это своеобразная ячейка, лежащая в основе традиционной культуры, с важным для неё консервативным началом. Такая группа рассчитана на длительное, спокойное и размеренное существование, где люди не развлекают и не притесняют друг друга, а движутся по своим, хорошо рассчитанным и соотнесённым друг с другом орбитам, пересекаясь в чётко определённых точках. Когда такой «космос» в группе налажен, и каждый знает его законы, тогда события, реакции и установки других становятся вполне предвидимы и ожидаемы, что даёт каждому ощущение свободы.

Очевидно, такой тип общения и позволил П. Н. Милюкову охарактеризовать русскую культуру следующим образом: «Строгий чин русской жизни, детально регламентированный, превращал жизнь в обряд...»

Настрой социальной группы на понимание каждого человека, входящего в её состав, определяет и место личности в этой группе. Оно своеобразно, индивидуально, специально создано для данного конкретного человека, в соответствии с особенностями его характера, способностями, установками. Вся система отношений в группе также индивидуальна и неповторима, поскольку она ориентирована на индивидуальности её составляющие.

Предпочитая диффузное общение конкретному (более удобному в деловой сфере), русский человек склонен верить информации, полученной из первых рук – устно.

Любые вопросы, связанные с экономической ситуацией, перспективами курсов валют, уровнем инфляции, сведения о персоналиях, в том числе сплетни русские предпочитают обсуждать в кругу друзей, бывших сокурсников, знакомых по бизнесу, родственников. Таким образом, события или перспективы приобретают «широкий контекст», так как обрастают огромным количеством сведений, собранных через личные каналы информации.

Общеизвестно, что русским свойственно использовать самые разнообразные личные связи, искать и получать протекцию («руку»), предпочитать решение проблем, подходя к ним «по-человечески», используя личные отношения, «блат».

Соответственно, самые сложные дела мы поручаем не столько профессионалам, компетентным коллегам, а скорее, тем, кому доверяем, на кого, по нашему мнению, можно положиться без риска. Приоритетной характеристикой другой личности является общеизвестная формулировка: «был бы человек хороший».

Исследуя русский менталитет, А. В. Сергеева замечает: «Распределяя свои дела по порядку, русские, прежде всего, учитывают не их практическую пользу, а то, какое эмоциональное и личное значение будут иметь такие встречи в их жизни. Лучшая форма инвестирования времени для них – межличностное взаимодействие. Таким образом, распределение времени у русских подчинено скорее не делу, а эмоциям».

В современном контексте наиболее значимыми становятся такие качества как умение рассчитывать, кооперабельность, пунктуальность, конформизм, целедостигабельность. Эмоциональные предпочтения русских, в этой ситуации, кажутся неуместными. А если говорить о достижении успеха, социального статуса, «достойного» материального положения, так нужно заметить, что эмоциональность и вовсе никак не способствует движению в этом направлении.

Конкретное общение, свойственное европейцам и американцам, в большей степени соответствует современному образу жизни и достижению целей, значимых и, на первый взгляд, очевидных.

Это так, если говорить о внешнем видимом срезе культуры и о сиюминутных потребностях, выраженных в актуальных сегодня ценностях. Если говорить о глубинных составляющих культуры, которые актуальны для человека в силу онтологических характеристик, то можно увидеть следующее. Практически все философы, культурологи, психологи XX века были озабочены проблемой кризиса культуры. Звучание этой темы имело различия по форме, но содержательно отражало мысль о том, что искусственное победило естественное, утилитарное победило духовное, рациональное – эмоциональное. Проблема виделась в том, что человек живой с его потребностью радоваться, печалиться, мечтать, со всей многомерностью и многозначностью оказался лишним, неуместным, досадно несовершенным в мире, который так долго сам создавал.

Даже само понятие «общение» постепенно вытеснило другое понятие «коммуникация». Необходимо заметить, что понятия эти совсем не тождественны.

Г. С. Батищев, к примеру, считает, что общение это онтологическая категория. Это утверждение легло в основу его концепции «глубинного общения».

Общение, по Батищеву, – это установление на глубинном уровне универсальной общности между субъектом и всеми другими. Это определение глубинного общения Батищева вполне коррелирует с пониманием диффузного способа общения Т. Парсонса и отражает потребность русского человека жить «в тепле коллектива».

Понятие «коммуникация» отвечает содержательно способу конкретного общения. В процессе коммуникации, по Батищеву, человек отделяет от себя нечто для сообщения другому, всё остальное удерживая в себе, и, уже не ожидая понимания в ответ, постепенно привыкает к подобной ситуации. Он создаёт вокруг себя удобную поверхность жизни, сквозь которую уже невозможно пробиться: «Психо-коммуникативные навыки превращаются в искусство замаскировать и отсутствие реальной общности, и, что гораздо хуже, – устало-злое нежелание её искать, к ней стремиться, становиться достойным её. Никому себя не адресуя, человек отсутствует также и внутри самого себя. И всё больше умерщвляет себя душевно и духовно – при физической видимости жизни».

Проблема опустошённости, одиночества, заброшенности человека в этом мире – острейшая проблема современности. Конкретное общение, коммуникация не позволяют человеку чувствовать себя по-настоящему востребованным, значимым. Без реализации этих естественных потребностей человек чувствует себя ущербным.

Способ общения, сформированный в русской культуре, как бы мы его не назвали, «глубинным» или «диффузным», ориентирован на то, чтобы человек на эмоциональном уровне чувствовал себя удовлетворительно. Таким образом, при всех «издержках» и «минусах», проявляемых в деловой сфере, ментально свойственный русским способ общения является своеобразным способом сохранения целостности человека и в этом смысле имеет существенное преимущество.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ЕЕ НОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Зеленов П.Л., ННГАСУ

Уже само понимание культуры как совокупности социальных ценностей предполагает необходимость ее сохранения как социальной памяти человечества. Но функция сохранения, на которой основана функция преемственности, межпоколенной передачи еще не исчерпывают весь потенциал культуры и отношение к ней новых поколений. Мы имеем в виду необходимость развивать культуру, т.е. не консервативно, а творчески относиться к культурному наследию. Отсюда становится понятной диалектическая пара понятий, характеризующих культуру: «традиции и новации».

Возможность двоякого, в равной мере одностороннего отношения к культуре (консервативного и новаторского) должна быть преодолена концепцией диалектического единства традиций и новаций. В этом единстве традиции и новации на каждом историческом этапе занимают разное место и выполняют разные роли. В эпохи качественных перемен в обществе доминирует новационная деятельность, а в эпохи стагнации – традиционная. Нам важно, прежде всего, подчеркнуть, что сама новационная, креативная, творческая деятельность не может существовать и развиваться без опоры на тра-

диции, без использования исторически накопленного опыта, который концентрируется в культуре. Об этом свидетельствует, например, опыт футуризма, дадаистов, «ничевоков» и других модернистских направлений, да и печальный опыт российских «пролеткультов».

Современный постмодернизм стремится по форме преодолеть отрицательное отношение к прошлому, к традиционной культуре, но он решает проблему по содержанию не в духе диалектического единства, а в духе эклектического совместительства: «пусть расцветают все цветы». Такой подход основан на идеологии плюрализма, который давно заявлен в философии прагматизма (Джемс, Дьюи, Хук, Пирс и др.). Изъяны этого подхода, теоретически развиваемые, например, Бодрийяром или Бартом вызвали в настоящее время критику постмодернизма в целом (см. работы В.А. Кутырева, А.С. Балакшина и др.). Основательную и аргументированную критику этого отношения к культуре дает профессор И.А. Гобозов в своей работе «Куда катится философия (От поиска истины к постмодернистскому трёпу)». (М.: Савин С.А., 2005).

Анализ истории науки показывает, что там, где новаторский подход был основан на традиционном (классическая физика И. Ньютона и теория относительности А. Эйнштейна) всегда достигались положительные результаты. А, скажем, оккультное отношение некоторых современных биологов к концепции Ч. Дарвина не дает позитивных результатов. Подобное можно сказать об отношении современных экономистов к экономической теории К. Маркса или современных теоретиков менеджмента к классической теории социального управления. Непрофессиональный «экономизм» и непрофессиональный менеджмент сегодня и приводят к глобальному кризису. А в основе этого непрофессионализма лежит пренебрежение к традиционной науке или игнорирование ее достижений.

Так или иначе, но с нашей точки зрения все современные научные поиски в области экономики, менеджмента, теории новаций и инноваций и в других отраслях должны основываться на накопленном потенциале исследователей прошлых поколений.

Нельзя не сказать об обилии литературы, монографий, диссертаций в современной исторической, философской, культурологической науках, посвященных исследованию взглядов и учений ряда религиозно-философских деятелей 19-20 вв.: Н. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова, И. Ильина и многих других. Сохранять это наследие надо, издавать работы авторов надо, но необходимо и продолжать развивать их концепции, если они этого заслуживают. Иначе получается механическое переложение старых учений без творческого отношения к ним, без попыток новационного подхода. Традиция без новаций – пуста, как новация без традиций» бесплодна.

Необходимо единство традиций и новаций, а сами новации нуждаются в инновационной деятельности, потому что только тогда они входят в плоть культуры:

КУЛЬТУРА = Традиции + Новации + Инновации.

Б. Изучение и сохранение традиционного культурного наследия

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Савина Н.В., ВГИПУ

Традиционная культура народа является фактором, обеспечивающим а) сохранение и самостоятельное естественное развитие культуры развития этносов в условиях глобализации; б) такое существование и развитие культуры этносов именно на гуманистических началах и в) самостоятельное естественное существование и развитие самих этносов как этносов в условиях глобализации.

В традициях самостоятельной этнической культуры в качестве первостепенного значащего начала можно выделить творческую составляющую народа. В основе традиционной народной культуры этносов заложены нравственные принципы, составляющие ценности народного воспитания.

Отражением этих принципов служит этнокультурное творчество народа, сохранившееся в пословицах и поговорках, в сказках, былинах, песнях, легендах, играх, хороводах, традиционных народных праздниках – в фольклоре (народной мудрости) народа. В ходе этногенеза каждый народ создаёт собственную систему воспитания, эффективность которой заключена в природосообразности и способности сохранять в интересах саморазвития этническую среду. Этническая культура сохраняет в себе опыт многих поколений, но она обращена и в будущее, так как использует этнокультурный опыт для организации жизни современных поколений, воспитывая их на лучших традициях своего народа.

Воспитание в традициях национальной культуры формирует у индивидов общества, образующих в его составе некоторый этнос, такое миропонимание, которое адекватно для сохранения и развития данного этноса, будь то народность или нация. Это позволяет человеку существовать в природных (географических) исторических и геополитических условиях с использованием накопленного багажа своих предков как бы по инерции, по привычке. Такие навыки, ставшие привычкой в окружении конкретной среды обитания, помогают сберечь силы и здоровье, а также воспитывать физически и нравственно здоровое подрастающее поколение.

Можно сказать, что весь комплекс самобытной национальной культуры ориентирован на сохранение физического и духовного здоровья человека, позволяющего ему выжить и оставить здоровое потомство, сохранить сложившийся биогеоценоз на своей этнической земле.

Таким образом, возрастающий сегодня интерес к фольклору и этнографии обусловлен своеобразием и исторической глубиной народных традиций.

Народную традиционную культуру нельзя представлять только как сферу народного художественного самодеятельного творчества, как это при-

нято считать, а надо видеть в ней сложный комплекс духовной и материальной культуры, охватывающий все стороны практической деятельности общества, в том числе и художественные аспекты народных традиций.

Традиционная народная культура этноса выступает важнейшим фактором, определяющим, в конечном счёте, развитие этноса в процессе глобализации современной цивилизации. Именно традиции народной культуры позволяют этносу сохранять и развивать свою идентичность. Традиционная народная культура служит своеобразным корнем культуры этноса в глобализируемом мире.

Полемизируя с распространённой точкой зрения, согласно которой сфера применения традиций особенно широка в архаических и докапиталистических обществах, а в современном обществе их действенность снижается, приходим к выводу, что правомерно говорить не о снижении значения традиции в современном обществе, а об ускорении циклов селекции традиций из новаций и о сокращении жизненного периода современной традиции. Эта особенность генезиса традиций отражает наблюдаемую тенденцию ускорения общественного развития.

Гуманизм акцентирует такие стороны человеческой сущности и её реализации, которые возвышают человека над животными (над законами жизни зверей), которые исключают превращение одного человека в жертву и добычу другого человека. Гуманизм стремится укрепить в человеке человечность и вдохнуть в него веру в самого себя. Особенностью отношений, называемых в народе человечностью, является то, что это «отношения людей как индивидуальностей, а не как носителей экономических, политических и идеологических статусов». Разумеется, в действительности люди не существуют пока вне статусов. Речь идёт об отношениях людей друг к другу, не сводимых к отношениям, порождаемым их экономическими, политическими, идеологическими статусами.

Невозможно отказываться от традиционной народной культуры этносов, не отказываясь одновременно и от самого глубокого и естественного гуманизма, гуманизма, рождающегося не из идеологических прозрений, а из самой гущи народной жизни, гуманизма как самой человечности человека. Поэтому, сохранение и развитие традиционной народной культуры этносов до сих пор есть самая адекватная реализация гуманизма.

Следует особо отметить важную роль традиционной народной культуры в самосохранении и развитии этносов и наций в пору глобализации, сопряжённой с трансформацией межэтнических отношений. В основе «механизма» самосохранения народа лежат внутренние «конструкционные» связи, присущие этому этносу как целостности и обеспечивающие его выживание. И тут традиции народной культуры этносов являются одним из главных компонентов этнохранительных сил, под которыми понимаются исторически выработанные и передаваемые от поколения к поколению и развиваемые каждым последующим поколением социальный опыт, а также и потребность и способности индивидов растить и воспитывать себе подобных индивидов как достойных представителей своего народа.

Ибо традиция, воплощающая в себе процесс получения и трансляции культурного опыта, сама является важнейшим механизмом сохранения ценностей и образцов этнической культуры. Вместе с тем, традиция в жизни этноса – это не только трансляция специфических культурных образцов от поколения к поколению, но и соблюдение строгого следования таким образцам. Благодаря действию механизма традиции структурируется опыт социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других этносов в стандартных ситуациях.

Функционирование традиций обеспечивается не юридическими установлениями, а силой общественного мнения и авторитетом самих традиций. Традиционная народная культура этноса определяет и нормирует с позиции иерархии ценностей этноса все аспекты его жизнедеятельности. Традиции народной культуры на всех уровнях в большей или меньшей мере определяют возможности развития этноса при вхождении его в глобализируемый мир: 1) каждый индивид, прежде чем он станет сознательным, должен усвоить достижения народной культуры своего этноса, закодированные в виде традиций; 2) любая деятельность индивидов какого-либо этноса осуществляется на основе традиций, в диалоге с ними, поэтому традиции народной культуры можно понимать как информационные модели успешной деятельности индивида; 3) выбор объекта деятельности осуществляется на основе опыта предшествующих поколений, механизмом хранения, функционирования и передачи которого выступают традиции.

Таким образом, традиционная культура является фундаментальным фактором, определяющим, в конечном счёте, развитие этноса в процессе глобализации современной цивилизации и выступающим главным условием сохранения этноса в процессе глобализации на гуманистических началах.

«ПРИНЦИП НЕЗАВЕРШЁННОСТИ» В ТРАДИЦИОННЫХ РУССКИХ ОБЫЧАЯХ

Холодилова М.Н., ГХИ ННГАСУ

В любой культуре, формировавшейся в ближайшие 4 – 5 тысяч лет, проявляются две известные стратегии мышления: сетевая правополушарная как более древняя эволюционная основа и сравнительно недавняя – левополушарная линейная, которую, как правило, связывают с типом логики, разработанной Аристотелем.

Правополушарное мышление может быть описано как сеть коротких и разветвлённых элементарных линейных операций, охватывающая событие или задачу как можно более полно, трехмерно. Быстрый перебор путей решения позволяет получить несколько результатов и одновременно расширить рамки известного за счёт взаимосвязей с разнообразной информацией. Это означает, что налицо эволюционный процесс «достраивания» мыслительных возможностей, то есть их ориентация на незавершённость. В культуре это выражается, в том числе, и как система представлений о времени.

Для традиционного мышления очень важно не только осознание времени как феномена и его течения, но и попытка мифо-магического воздействия на него. «Прекратить» следует только что-то очень нежелательное, связанное с проявлениями зла или «чужого», непонятного. Любому же проявлению блага необходимо обеспечить длительность и цикличность, сознательно «растянуть» «хорошее» время или замкнуть его в сакральный круг. Высшее мифо-магическое действие – пересоздать время и воспроизвести его. Говоря нашим языком, это означает введение нового обычая.

Те обычаи и верования, которые призваны поддерживать мифо-магический «канал времени» во всех его мыслимых формах, могут проявляться в нашей повседневной жизни достаточно неожиданно. Это, прежде всего, календарный цикл, который мы с удовольствием воспроизводим по разным поводам: Новый год, дни рождения или иные даты, связанные с дорогими для нас людьми, а для верующих – всё разнообразие религиозных праздников. Память о некоторых событиях или переживаниях не требует «календарности»: возвращения в те места, которые мы любим, не привязаны к датам. Особо значимым для русских всегда было лето. Характерный пример: на севере нашей области в некоторых деревнях осенью при виде отлетающих на юг журавлей было принято кричать: «Колесом дорога!».

Ряд обычаев, которым следуют в быту, безусловно, имеет сакральный смысл, особенно когда речь идёт о жилище. Повсеместно распространены поверья о том, что в доме должны остаться недостроенными или неотделанными какие-нибудь незначительные элементы: не прибита доска в углу, не выстругана часть стены над иконами, чуть несимметрична резьба и пр. Приходилось слышать, что некоторые иконописцы намеренно оставляли и оставляют малозаметные погрешности, которые, однако, никогда не затрагивают лица святых. Это может быть пятнышко под ногами фигур, не до конца доведённая в уголке позолота, нерастушёванный мазок краски и т.д.

Всегда доставляет удовольствие дополнять интерьер тем, на чём «глаз отдыхает», хотя надо иметь специальные антропологические знания и соответствующую тенденцию мышления, чтобы связать это с древним фетишизмом. Однако если внимательно проанализировать эти вещи, налицо окажется совокупность наиболее востребованных личностью архетипов и, разумеется, среди них обязательно будет доминирующий.

Не менее значимы аграрные и промысловые верования. Жестокие жертвоприношения эпохи неолита давно сменились бескровными обрядами, но обычай оставлять пучок колосьев в поле «Илье-пророку на бороду» был призван обеспечить милость духов урожая. (Разумеется, современная техника теряет урожай по иным причинам). То же делали и с «Ондрейновым» овсяным снопом. При сборе ягод в лесу или на болотах принято оставлять хотя бы несколько необобранных кустиков; то же касается и рябины. Эти обычаи по праву можно считать экологическими, но неосознаваемая память о духах здесь несомненна. У северорусских поморов бытовал обычай не стирать крошки с части стола, когда родные уходили в море на охоту за зверем. Вдобавок не полагалось заканчивать те изделия, в которых неизбежным было

множество узлов или петель (сети, носки, фуфайки и пр.). Отметим, что это не «улавливало добычу в сети», а позволяло не «запетлять» дорогу охотников к дому.

Всё это лишь небольшая доля примеров поддержания «мирового равновесия», благоприятных времён и долгой жизни.

«Правополушарная логика», исследованию которой положил начало Л.Леви-Брюль, действует одновременно во всех возможных измерениях культурного пространства и обеспечивает в конечном итоге полноценную логичность и необходимость всех существующих обычаев. Каждый из них, в свою очередь, имеет многосмысловую структуру, то есть является фиксированным культурным текстом. Однако эта фиксированность не исключает некоторые микроэволюционные процессы в их функционировании, которые в конечном итоге влияют на бытие культуры в целом. Парадоксальные внутренние смыслы многих наших поступков доносят до нас традиционные ценности, позволяющие любой культуре быть незавершаемой.

ИДЕАЛ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВДЫ

Москвин К.С., ННГАСУ

Слово «правда» всегда играло важную роль в русской культуре. С. И. Ожегова даёт, значение слова «правда»: «Порядок, основанный на справедливости, честности. Искать правды. Стоять за правду».

Расцвет разветвлённости семантического поля лексемы «правда» приходится на период древнерусской культуры. Количество значений этого слова в те времена поистине труднообозримо. А. Л. Юрганов в своей книге «Категории русской средневековой культуры» пишет: «Правдой (или неправдой) в Древней Руси определяли едва ли не все деяния человека. «Правду» можно было дать, то есть отнестись справедливо, либо принести клятву. «Правду» можно было взять: например, в суде, если бросают жребий, надеясь на волю Божию. «Правду» можно было затерять, утратив представление о добре и зле. Её можно было иметь, относясь справедливо, и погубить – собственной виной. Человек мог жить по «правде», потому что она – Божьи заповеди и церковные правила. И мог судиться по ней, потому что «правда» – суд, а также судебные испытания и даже пошлина за призыв в суд свидетеля».

Помимо многозначности, слово «правда», особенно с большой буквы, входило в число сакральных наименований, а именно – обозначало различные грани космического идеала и высших сил, стоящих за этим идеалом. Так, включали в свои рассуждения о природе Божественного и ставили Правду наряду с Христом, Благодатью и Верой такие средневековые философы, как Ермолай Еразм и Максим Грек.

Для России православной путь искания правды – это путь странника и аскета. Для того чтобы обрести истину, высшие формы духовности, выступает область индивидуальной активности, предполагающая разрыв с повседневным миром. Уход в монастырь, реализация уединенного образа жизни,

странничество – таковы распространенные последовательные формы достижения высшей духовности. Русский странник или старец – отшельник все они вступали на путь разрыва с миром, добываясь таким образом высшей правды. Чтобы достигнуть истины человеку прежде всего следует подчиниться требованию очищения – предпринять нравственные усилия или специальные духовные технологии по обузданию чувственных страстей, овладеть ступенью просветления, помогающие сосредоточить мысль – воображение на Сверхмировом начале. Единение с Богом удавалось реализовывать единицам из тех, кто вступал на этот путь. Из среды таких лиц выходили величайшие мыслители и пророки. Эти люди достигли высшей правды и истины, за ними шли, их высот стремились достигнуть.

Одним из ярчайших сторон искания Правды был подвиг юродства – сознательное самоуничижение для достижения высшей истины и красоты духовной. Юродство – это явление свойственное именно Руси. Калики переходящие языческих времен, несущие слова правды и утешения и юродивые православия, и ищущие чистоты духовной и обличающие грех земной равнозначно. В.В. Зеньковский отмечает, что очень часто встречается мнение, что в основе русского восприятия христианства с самого начала был преувеличенный аскетизм и скрытое в нем гнушение миром. Это мнение неверно. «Аскетизм у русских людей всегда был явлением производным. Русский аскетизм восходит не к отвержению мира, а совсем к другому – к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире, и тем зовет нас к освобождению от плена миру. В основе аскетизма лежит не негативный, а положительный момент: он есть средство и путь к преображению и освящению мира. Видение небесной правды и красоты вдохновляет к аскетизму».

Искания правды – это одна из форм индивидуальной и коллективной духовности. Она определяет состояние духовности народа и согласно одному из ведущих индийских философов – мистиков 20 века Шри Ауробиндо Гхошем «Духовность не есть интеллектуальность, не идеализм, не поворот ума к этике, к чистой марали или аскетизму; это и не религиозность, не страстный эмоциональный подъем духа – даже не смесь всех этих превосходных вещей... Духовность в своей сущности есть пробуждение внутренней действительности нашего существа, нашей души – внутреннее устремление познать, почувствовать и отождествить себя в ней, войти в контакт с высшей действительностью имманентной в Космосе и вне Космоса, а также в нашем существе».

Согласно отечественным аналитикам русской культуры (И. Ильин, Н. Лосский, Н. Бердяев и др.), исследовавшим своеобразие русской духовности, русскому характеру свойственно искание Света, Добра и Правды. Правдоискание можно объяснить особым состоянием души которое ведет к таким свойствам как бескорыстная любовь, безграничная свобода, мудрость. Эти состояния в свою очередь предполагают развитие человеком в себе высшего нравственного начала, способности прозревать истину, видеть мир как все-

общую гармоничную целостность и др. Правда в сознании русского человека сочеталась с Космосом и высшим Божеством.

Образ правды можно сопоставить с утопическими понятиями средневековой Европы. Например, для Эразма Роттердамского это образы Добра, трудолюбия, жадности, глупости и т.д.

Но в отличие от европейских апокрифов в русской культуре это не просто аллегория определенного понятия, а одна из двух фундаментальных космических сил (противоборство Правды и Кривды). Данные силы воспринимались в мифологизированном народном сознании как реально существующие.

Известный литературный критик Н. К. Михайловский в 70-е гг. XIX века в статье «Письма о правде и неправде» писал: «...как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина – только отражение справедливости в области теории; что истина и справедливость не могут противоречить друг другу!»

Основой идеала правды является скорее этическая сторона, опирающаяся на социальный идеал. Соотношение Правды и Кривды – это порочный социальный порядок.

Слитность этического, социального и космического уровней в образе Правды вполне соответствует миропониманию древнего и средневекового человека, в частности, господствовавшим в те эпохи представлениям о движущих силах исторического процесса. Как пишет Л. В. Скворцов, историческому сознанию древности и средневековья не было свойственно видеть в качестве движущих сил истории ни объективные законы общественного развития, ни действия масс.

Основная идея в поисках коллективной социальной правды на русской земле – миром правит ложь (Кривда, которая крайне негативно оценивалась народным сознанием).

Однако если в окружающей реальности Правда борется с Кривдой и часто проигрывает последней, то в область будущего народное мировоззрение безоговорочно помещает полную победу Правды над Кривдой не только на небе, но и на земле. «Начала и концы народной социальной утопии (и – шире – всей суммы воззрений народа на социум) связаны с идеалом Правды, который народная социальная утопия, разветвляющаяся на множество течений в многовековом пути, пронесла от истоков Древней Руси до устья на грани XIX – XX веков», – пишет А. И. Клибанов. «Идеал этот представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает – мы говорим о народной социальной утопии – представление и убеждение, что предельно совершенное состояние является изначальным и непреходящим достоянием человеческого рода на земле..., насильственно отчуждённым, однако, и подлежащим возврату по законной принадлежности. Таковы общие рамки идеала, названного народом Правдой».

ИДЕИ РЫЦАРСТВА И КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Карцева Т.В., РГГУ, г. Москва

Тема рыцарства и крестовых походов, занимающая значительное место в западноевропейской культурной традиции, никогда не была особенно значимой для русской культуры. Это и понятно – как средневековый феномен, крестовые походы, за исключением нескольких коротких эпизодов, прошли мимо русских территорий. Рыцарские идеи также не прижились на русской почве и почти не нашли отклика в русской культуре: пути ее развития в эпоху Средневековья значительно разошлись с западноевропейскими соседями. Царствование Петра Первого и его наследие приблизили Россию к Европе, но в этот период рыцарская идея переживает кризис и на Западе, все больше отходя в область истории и литературы.

Некоторые отголоски данной тематики можно найти и в русской литературе периода романтизма («Сцены из рыцарских времен», «Скупой рыцарь», стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный» А.С. Пушкина, некоторые произведения В.А. Жуковского) и Серебряного века (цикл о Прекрасной Даме и пьеса «Роза и крест» А.Блока, некоторые стихотворения Н.Гумилева, М.Волошина); отчасти, это влияние можно заметить и в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.

И если в целом отношение к рыцарской идее, хотя и по понятным причинам несколько отстраненное, было окрашено в романтические тона, то крестовые походы в русской культуре стали скорее именем нарицательным, причем с ярко выраженным негативным оттенком.

Отчасти подобное восприятие является проявлением общего негативного отношения к крестовым походам в современном обществе, где они ассоциируются со средневековым религиозным фанатизмом и нетерпимостью, военной и духовной агрессией и отказом от межкультурного диалога. Для России же история крестовых походов окрашена негативными красками еще и потому, что они являются и причиной, и определенным символом окончательного разделения христианского мира на Запад и Восток.

Четвертый крестовый поход на Византию и разграбление Константинополя в 1204 году явились последней каплей в череде драматических событий, которые на долгие века сделали практически невозможным какой-либо конструктивный диалог между восточным и латинским христианством. По крайней мере для России, которая всегда считала себя духовной наследницей Византии, и где идея Третьего Рима до сих пор не отошла окончательно в историческое прошлое.

Кроме того, при упоминании крестовых походов в современной России мало кто вспоминает о первых походах в Палестину с целью освобождения Гроба Господня; гораздо более близкой темой здесь является противостояние

северных и северо-западных русских земель и ордена Св. Марии Тевтонской в XIII веке.

Военные кампании тевтонских рыцарей в псковских и новгородских землях были также объявлены папой Иннокентием IV крестовыми походами (к указанному времени крестоносная идея претерпела определенные изменения и стало возможным расширительное ее толкование как борьбы за экспансию латинского христианского мира и торжество христианских идей не только с неверными на Востоке, но и с язычниками на границах Европы и еретиками в самой Европе). Неудивительно, что крестоносцы в России устойчиво ассоциируются с «псами-рыцарями».

Однако был период в истории России, когда она оказалась вольной или невольной продолжательницей дела рыцарей-крестоносцев. Вообще, крестовое движение, рассматриваемое в более широком контексте, позволяет продолжить его историю значительно дальше XIII века. Так, после падения Константинополя в 1453 году Европа оказывается лицом к лицу с серьезной угрозой в лице Османской империи.

Для защиты христианских территорий в Европе формируются антитурецкие Лиги, которые объявлялись священными, а участие в них приравнивалось к участию в крестовых походах. После знаменитой осады турками Вены в 1683 году, создается антитурецкая коалиция (1684 – 1697), также названная Священной. Определенное участие в борьбе с турками принимала в это время и Россия. В правление царевны Софьи русские войска под предводительством князя Василия Голицына дважды выступали в поход против турок и крымских татар. Хотя эти походы и нельзя назвать удачными, однако под Карловицким мирным договором, закрепившим победы христианского мира, стояла, в том числе и подпись русского посла.

После реформ Петра, преобразовавшего Московское царство в Российскую империю, Россия в определенном смысле перенимает у Европы эстафету борьбы с турками. В истории насчитывается семь русско-турецких войн, последняя из которых (1914-1917) практически привела Россию к овладению Константинополем, чему помешала революция 1917 года. Некоторые другие аспекты так называемого Восточного вопроса: проект Екатерины II по полному изгнанию турок из Европы и восстановлению Греческой (Византийской) империи; острые споры вокруг прав на иерусалимские святыни между католиками и православными; пафос набравшего силу в России второй половины XIX века движения в поддержку православных народов Балкан, приведшего в результате к их независимости от Османской империи – все это позволяет говорить о том, что идеи крестового похода в широком смысле этого слова, трансформировавшиеся в новых исторических условиях, не были полностью чужды русской культуре.

Говоря о преломлении рыцарских и крестоносных идей в истории России, нельзя обойти и еще один символический эпизод и символическую фигуру – российского императора Павла I. Этот во многих отношениях необычный государь, по воспоминаниям современников, с детства был пленен романтикой крестовых походов, прекрасно был знаком с их историей и сам

мечтал стать рыцарем-крестоносцем. Эта его мечта стала одной из немногих осуществившихся: исторические обстоятельства сложились таким образом, что орден иоаннитов-госпитальеров, один из первых духовно-рыцарских орденов Святой Земли, обосновавшийся к этому времени на Мальте и испытывавший серьезные политические и финансовые затруднения, обратился к российскому государю с просьбой о помощи. Павел I взял орден под свое покровительство и стал его Великим магистром – эпизод совершенно уникальный и для русской истории, и для истории духовно-рыцарских орденов.

Отдельным и весьма любопытным отражением все той же темы явилось появление в пост-петровской России (как и в Европе, на волне нового интереса к средневековой мистике) масонов, розенкрейцеров, а также возрождение некоторых духовно-рыцарских орденов уже в Новейшее время.

И если организации масонов и розенкрейцеров в России были тесно связаны с аналогичными в Европе, то, например Орден российских тамплиеров, о деятельности которого стало известно в основном благодаря частично открытым архивам ОГПУ-НКВД являлся достаточно независимой и самобытной структурой (возможно, вынужденно независимой в условиях советской России).

Русская историографическая традиция обращалась к теме крестовых походов нечасто; тем не менее, некоторые из этих обращений заслуживают упоминания. Она начинается со знаменитого «Паломничества в Иерусалим» Даниила Черниговского, современника первого крестового похода, который в начале XII века предпринял паломничество в Святую Землю и стал очевидцем многих происходивших там событий. Его свидетельства высоко ценятся и современными западными историками крестовых походов и Латинского Востока.

Из значительных работ по истории крестовых походов конца XIX – начала XX века, безусловно, стоит упомянуть работы видного российского византиста XIX века Ф.И. Успенского, который неоднократно касался темы крестовых походов в своих исследованиях истории и культуры Византии, а также известного историка и медиевиста О.А. Добиаш-Рождественской, чьи исследования крестовых походов и средневековых паломничеств на Восток, написанные в 1920е- 1930е годы, были опубликованы и в Европе, и в США. К сожалению, российская школа медиевистики, подававшая большие надежды в указанный период, по объективным причинам не смогла в достаточной степени проявить себя в прошлом веке, однако в настоящее время есть причины надеяться на исправление ситуации.

АЛЬТЕРНАТИВА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВА

Толмачева Д.В., ННГАСУ

В современном обществе появляется все больше мирных движений направленных против технократии и цивилизационных достижений. Движений исключающих общепринятый цивилизационный прогресс и несущих протест современному потребительскому образу жизни.

Сегодня наблюдается двоякая ситуация. С одной стороны происходит гуманизация производства, когда техника позволяет решать сложные вопросы науки, экономики, социологии, проблемы безопасности, освобождает от рутинного тяжелого физического труда. Но с другой стороны роботизация повседневности, автоматизация всех сторон жизни может привести к деструкции жизненной среды человека, изменению культурной реальности, асимметрии в пользу технического. Поэтому, и появляются движения, альтернативные цивилизационному прогрессу, например, такие как дауншифтинг и экопоселения.

Дауншифтинг – очень новый и очень спорный термин, характеризующий последние изменения в социальной структуре развитых государств. Так, в Европе больше распространен термин дауншифтинг, в США – «добровольная простота», а в Австралии – «резкое изменение».

Что касается российского общества, то несмотря на то, что в интернете в последнее время появляются разнообразные сообщества дауншифтеров, еще рано говорить о формировании классового слоя в стране. В России по-прежнему очень высока значимость материальных ценностей, стабильности и достатка. Но уже сегодня такое явление как дауншифтинг – есть следствие конфронтации личностных ценностей и навязываемых извне искусственных, технократических ценностей, согласно которым человек превращается в объект манипуляций. Капиталистическое применение техники, влечет за собой усиление эксплуатации, закрепощение на корпоративном образе жизни, чтобы в любой момент сотрудник был готов приступить к работе и мог принести максимальную прибыль.

Согласно проведенному интернет-анкетированию, люди становятся дауншифтерами по нескольким причинам. Первая связана с желанием иметь более сбалансированную жизнь, уменьшить количество стрессогенных факторов. Следующая причина связана с тем, что дауншифтинг становится реакцией на противоречие между личностными ценностями, верованиями и идеями, проповедуемыми в организации. Так же причина возникновения дауншифтинга связана с поиском более удовлетворяющей человека жизни. Например, создатель сайта «Дауншифтинг в России» в своей статье Дауншифт – путь к счастью или побег от реальности? пишет: «... для того, чтобы стать настоящим дауншифтером, нужно четко представить дальнейшие задачи. Добровольный спуск по карьерной лестнице должен стимулировать личност-

ный и духовный рост». Наконец, последняя причина связана со здоровьем и экологией.

Идеи «близости к природе», «ухода в природу» широко распространены во всех современных индустриальных обществах. Чем более заметной становится быстрая деградация окружающей среды, тем громче звучат протесты против индустриализации, роста потребления и глобализации, и тем более массовым становится экологическое движение. Оно существует как протестное явление против искусственной, техногенной среды и как поиск нового образа жизни, более дружественного по отношению к окружающему миру.

Воплощением нового стиля жизни, служат сообщества людей, стремящихся жить в гармонии с природой – экопоселения, или экодереvни.

Довлеющее воздействие искусственной среды, является одной из определяющих причины возникновения в современной культуре феномена социальной отстраненности, представленного дауншифтингом и переездом части общества в экопоселения.

Основной мотивацией экопоселений выступает здоровый образ жизни, а основной мотивацией дауншифтинга – психологическое благополучие. Цель экопоселений состоит в комбинациях поддерживающих человека со стилем жизни меньше всего довлеющего на окружающую среду, а цель дауншифтинга состоит в комбинациях поддерживающих человека со стилем жизни наименьшего давления техногенной, искусственной среды.

Следовательно, дауншифтинг как движение вниз по социальной лестнице от излишней экспансии «искусственного», в конечном счете, приводит человека к личностной гармонии, а экопоселения образуют люди перешагнувшие ступень дауншифтинга, уезжают поближе к природе и «естественному», отказавшись от благ цивилизации. Экопоселения, как феномен выражают более активное и глубокое отстранение от искусственной среды.

РОССИЙСКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА

Смирнова Т.Е., ННГАСУ

В XIX веке Россия ежегодно проводила большое количество промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок. Организация промышленных выставок в России отражала особенности развития российской промышленности, которые были связаны с влиянием на этот процесс правительства, стремившегося оградить отечественных производителей от иностранной конкуренции. Поэтому все крупнейшие промышленные выставки в России, начиная с первой в 1829 году, являлись общегосударственным делом и носили чисто национальный характер. Организация этих выставок находилась в ведении Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Для их подготовки создавались специальные комитеты, которые разрабатывали программу, вели переписку с экспонентами, формировали экспертные комиссии для оценки

представленных экспонатов и присуждения наград. За лучшие изделия предполагались следующие награды: похвальные медали – золотые и серебряные; публичные похвалы и одобрения в описании выставки; денежные премии за отличные изделия домашнего производства.

В октябре 1828 г. на заседании Мануфактурного Совета были утверждены правила об устройстве выставки мануфактурных изделий в Петербурге, был разработан план ее организации, установлены сроки открытия. Это была первая российская промышленная выставка, следующие за ней выставки решено было назначать через два-три года, а кроме того, разрешалось открывать выставки в Москве и Варшаве, исключением стала выставка 1896 г., проходившая в Н. Новгороде. Согласно правилам, экспонировать разрешалось изделия всех родов, все представленные изделия должны были иметь фабричные клейма и знаки, подтверждавшие их российское происхождение. Первая промышленная выставка в Петербурге открылась 15 мая 1829 г. и продолжалась три недели, до 8 июня. Цель выставки – познакомить публику с успехами мануфактурной промышленности, посредством наград и поощрений побудить производителей к дальнейшему усовершенствованию их изделий.

В первой мануфактурной выставке приняли участие 326 фабрикантов, ремесленников, купцов, мастеров и художников из 33 губерний Российской Империи. Был привезен 4041 экспонат общей стоимостью около двух миллионов рублей. Общее число посетителей достигло около 11 тыс. человек. Выставкой заведовал специальный комитет под председательством Ф.И. Герарда. На выставку допускались граждане всех сословий во все дни недели, кроме вторников и пятниц, когда выставку посещали только дворяне и купечество по особым билетам, выдаваемым комитетом выставки. Все экспонаты тематически делились на 15 отделов. На выставке демонстрировались машины и инструменты от частных заводов камергера Всеволожского, купца Домлера, нашатырь заводчика Бауэра из Москвы, артиллерийские снаряды, утюги, чайники от Златоустовской оружейной фабрики, тонкое полотно от Александровской мануфактуры и от Ярославской мануфактуры господ Яковлевых. Посетители выставки убедились, что многие российские товары совсем не уступают аналогичным иностранным и могут составить им достойную конкуренцию. Промышленное производство России было представлено продукцией Адмиралтейских Ижорских заводов, Императорской Александровской мануфактуры, Санкт-Петербургского и Александровского чугунных заводов и других. 108 участников выставки были отмечены медалями, учрежденными в честь выставки, 82 экспонента были удостоены «публичной похвалы». Первая Российская промышленная выставка позволила сделать несколько выводов относительно дальнейшего экономического развития страны в целом:

- был дан толчок к дальнейшему усовершенствованию продукции и ее качества как следствие борьбы с представленными на выставке конкурентами;

- выставка показала, что многие изделия, выдаваемые за иностранные, сделаны отечественными производителями, и их продукция может составить достойную конкуренцию изделиям, изготовленным за рубежом;
- успех первой выставки доказал необходимость проводить такие выставки регулярно.

Первая Московская выставка была открыта с 17 мая по 6 июня 1831 г. в Доме Российского Благородного Собрания на Большой Дмитровке. Для организации выставки был создан особый «Комитет по Устройству в Москве Выставки Российских изделий» во главе с председателем – тайным советником князем С. И. Гагариным. Выставка работала ежедневно, за исключением суббот. За время работы выставки ее посетило 125 тыс. человек. В восемнадцати основных залах и комнатах верхнего и бельэтажа выставили около 6000 различных предметов. Экспозиция начиналась с зала «первообразных и полуобработанных материалов», где находилась шерсть, шелк, пряжа, сало, воск и другое промышленное сырье. Следующие семь залов заполняли произведения ткацкого искусства. В следующих залах располагались канаты, фламское полотно, равендук (парусиный холст), музыкальные инструменты, черепаховые и костяные сувениры и др. В одиннадцатой комнате экспонировали химические произведения, к которым в то время относили также сахар. Двенадцатый зал полностью посвятили машинам, механизмам и экипажам, два последующих – изделиям из кожи. Крупнейшими экспонентами были Олонецкие казенные и Адмиралтейские Ижорские заводы. Помимо них, казенные учреждения представляли Императорский Горный Корпус и Санкт-петербургский Воспитательный Дом. Среди участников встречались представителей самых разных слоев общества.

Московская выставка по числу участников, по богатству ассортимента изделий и количеству посетителей была более обширной, чем Петербургская. Это объяснялось прежде всего тем, что изначально, в 1829 г. не были понятны цели и задачи выставки, а первая промышленная выставка пробудила интерес у промышленников к мероприятиям такого рода. А также месторасположение Москвы – в центре промышленного района – тоже объясняет то, почему Московская выставка была более популярна.

В дальнейшем промышленные выставки проводились в Петербурге в 1833, 1839, 1849 и 1861; в Москве в 1835, 1843, 1853; в Варшаве в 1841, 1845, 1857. 16-я промышленная выставка, которая, фактически, подвела итоги развития страны в XIX веке, прошла в 1896 году в Нижнем Новгороде. Решение о проведении XVI Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде было принято Александром III 23 июля 1883 года. Определяющей причиной этого решения стали многовековые традиции и опыт устройства международных ярмарок в крае, сначала под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря, а с 1817 года – на Стрелице Оки и Волги. В выставке 1896 г. участвовали 9700 экспонентов, при этом 2/3 общего числа участников были удостоены различных почетных наград, а

370 получили золотые медали. XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка была открыта 28 мая 1896 года. Среди участников выставки были такие признанные русские ученые, как Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, А.С. Попов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Докучаев. Здания и павильоны выставки были спроектированы в различных архитектурных стилях мастерами архитектуры А.Н. Померанцевым, А.Н. Ропетом (И.Н. Петров), В.П. Цейдлером, В.В. Суловым, Л.Н. Бенуа, А.Н. Векшинским и другими. Всего выставочный городок включал 20 отделов. Подробный осмотр выставки длился около двух недель. Для облегчения передвижения по её обширной территории обществом «М.М. Подобедов и К^о» была устроена электрическая железная дорога. Одной из самых известных достопримечательностей выставки стала знаменитая водонапорная сетчатая башня В.Г. Шухова, сооружения и конструкции которого широко известны во всем мире.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде имела огромное общественное значение и получила известность как выдающееся явление всей русской торгово – промышленной и культурной жизни. Она ярко продемонстрировала достижения русского промышленного капитала. В общем же и целом главную свою задачу – успешное представление успехов российской промышленности и художественных достижений – выставка выполнила. Это была последняя промышленная выставка дореволюционной России. Её можно назвать кульминацией развития отечественной выставочной культуры XIX века. Дальнейшее развитие этой традиции, уже в XX веке смяли войны и революции.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ СУДЬБЫ: ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Нечайкин А.В., МОУ УСОШ, Республика Коми

На пороге третьего тысячелетия наша страна столкнулась с рядом проблем: разгул преступности, коррупция, поражающая своим размахом, упадок семейных ценностей, алкоголизм, наркомания, многие из которых обусловлены духовно-нравственным кризисом российского общества.

В своей статье «Россия, вперед» от 10 сентября 2009 года Дмитрий Медведев подчеркнул: «У российского народа, как у каждого великого народа, яркая, героическая, вызывающая уважение и восхищение и в то же время – противоречивая, сложная, неоднозначная история... И многое ещё предстоит сделать для защиты нашего исторического наследия от искажения и политических спекуляций. Мы должны смотреть на своё прошлое трезво. Видеть в нём и грандиозные победы, и трагические ошибки, и примеры для подражания, и проявление лучших черт национального характера».

Однако богатый исторический опыт России позволяет надеяться, что народ достойно выйдет из этой пропасти. Наша страна не раз переживала трудные времена, периоды смуты и внутренних раздоров, история церковно-

го раскола в XVII веке, государственный террор, репрессии – яркие тому примеры. Соответственно, всё большее значение придаётся науке и системе образования, которые должны обеспечить сохранение исторической памяти народа. Важно, чтобы молодое поколение усвоило традиционные ценности, богатую культуру, опыт, накопленные за более чем тысячелетнюю историю.

Целью данной работы является изучение родословной родов Чупровых–Дуркиных, выявление особенностей мировоззрения существования старообрядцев – местного населения. Для достижения поставленной цели мы определили следующие задачи:

1. Изучение истории, быта, традиционных ценностей русских старообрядцев на примере семей Чупровых и Дуркиных, проживающих на территории Усть – Цилемского района;
2. Влияние важнейших событий конца XIX – середины XX вв. на историю семей рода Чупровых – Дуркиных;
3. Изучение вклада рода Чупровых – Дуркиных в развитие родного края;
4. Изучение социальной мобильности колхозного крестьянства, в частности, особенностей формирования сельской интеллигенции.

Освоение Печорского края началось в конце XV века. На притоке Печоры, реке Цильма были разведаны медные и серебряные руды. В 1542 году новгородец Иван Дмитриевич Ластка, дальний родственник Ивана Грозного получил разрешение построить слободу на Печоре, в устье реки Цильмы которая активно заселялась русскими переселенцами.

Во второй половине XVII века в результате реформ патриарха Никона произошёл раскол Русской православной церкви. Вожди церковной оппозиции Аввакум, Никифор, Лазарь и Епифаний в 1667 году были сосланы в Пустозёрск. Путь их лежал через Усть-Цильму. Согласно преданию, Аввакум призывал усть-цилём хранить старую веру вопреки гонениям. Начинается активное заселение бассейнов рек Пижмы, Цильмы и Нерицы, где создаются скиты: Великопоженский и Омелинский. Великопоженский скит – центр печорских старообрядцев, становится культурным центром. Здесь была своя школа грамотности, иконописная мастерская и библиотека, что повлияло особым образом на формирование традиционной культуры усть-цилём.

Изучая истории усть-цилемских семей, их традиционные ценности, мы выяснили, что:

1. Оказавшись в тяжёлых условиях, старообрядцы смогли выжить благодаря трудолюбию, вере и взаимопомощи.
2. Усть-цилёма сохранили свою веру, обычаи, культуру, то есть самобытность.
3. Формирование местной интеллигенции происходило во многом за счет коренного населения.
4. Усть-цилёма всегда принимали активное участие во всех важнейших событиях страны.

Т.о., семья, труд и религия помогли усть-цилёмам выжить в тяжёлое время, решать задачи, поставленные государством и с уверенностью смотреть в будущее.

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ, ИСТОКИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Таниева Г. М., ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Обращаясь к социальному аспекту роли музыки в жизни человека, необходимо осмыслить, какие функции она имеет, что несет обществу, людям, отдельному человеку. Свою идентифицирующую роль музыка осуществляет через многообразные функции: коммуникативную, познавательную, эстетическую, этическую. Доминирование тех или иных функций музыки в разные исторические периоды происходит в зависимости от уровня производительных сил, характера производственных отношений, идеологии и политики, общественных потребностей, нравственных и эстетических идеалов.

В произведении искусства всегда присутствует ценностная доминанта. Ценностную доминанту, как зерно музыкально-образного смысла, можно обнаружить в творчестве композиторов – классиков: мировоззренчески-религиозную у И.С.Баха, С.Губайдулиной и В.Мартынова, эстетико-мировоззренческую – у Ф.Листа, Р.Вагнера, А.Н.Скрябина, поднимавших значение художника в жизни общества до мессии.

Революционно-мировоззренческую, наполненную демократическими идеями и идеалами своей эпохи (братство и свобода) у Л.Бетховена, пантеистическую (социально-нравственную) – у Н.А.Римского-Корсакова и Г.Малера. Идеи раскрытия внутреннего индивидуального мира человека, исключительного по своим душевным движениям, вызвали к жизни романтическое искусство XIX века, ценностной доминантой которого стало выражение разрыва мечты и действительности и бегство от окружающего мира.

Ценностной доминантой неоклассицизма первой половины XX века стали, наоборот, анти романтические настроения, отстранение от чувственной лирики, обусловленные переоценкой ценностей, наступлением технического прогресса, приоритетом рационального подхода к решению важных жизненных проблем.

Смысловое содержание в музыке, так же как в искусстве вообще, имеет социальную окрашенность. Крестьянский фольклор и городская песня, аристократическое искусство и искусство мещанского круга различаются между собой по стилю и эпохе в искусстве. Если классическое искусство 18-го века – это искусство аристократическое по своим социальным истокам, то ранняя романтическая музыка – искусство прежде всего мещанское. Возникновение и развитие романтического искусства проходило в другой социальной среде. Стоит оговориться, что на самом деле социальная база любого художественного явления сложна и противоречива. Искусство определенного социально-

го слоя в процессе исторического развития принимается представителями иных слоев и наследуется ими. Это свидетельствует о наличии общечеловеческого начала в искусстве. Общечеловеческое содержание, выражаемое в произведениях искусства, согласно Г.И. Куницыну, – это то, что способствует прогрессу общества и личности, «что связано с движением общества к свободе во всех ее гуманистических проявлениях, ... это истина, добро и красота в их социально-конкретном выражении».

В ряду художественных ценностей, которые предстоит освоить каждому человеку, на первом месте стоят ценности национальной культуры, в которой человек родился и развивается. Личное, национальное, а затем интернациональное составляют сложный мир духовной жизни, который требует постоянной работы над преодолением языковых трудностей, над развитием интеллекта и эмоциональности.

Социальная эффективность воздействия музыки используется в идеологии, так как искусство, в том числе, музыка, выражает психологию и мироощущение определенных социальных слоев, раскрывает их общественную позицию и нередко приобретает более или менее ярко выраженное политическое значение. В советский период истории большое внимание уделялось партийности искусства вообще и музыкального искусства в частности. В одни исторические эпохи в художественном творчестве господствует «атмосфера неучастия», другие общественные эпохи, как например сталинизм в России и IV республика во Франции, побуждают писателя к «ангажированному» творчеству.

Особый пласт политизированного искусства составляет советская музыка XX века, отразившая не только господствовавшие политические установки и идеи социалистического реализма, но и существенные стороны советского мироощущения. Адекватная оценка этого периода еще не дана, сейчас можно наметить лишь первые подходы к этой проблеме. С одной стороны идеологизация искусства, носившая нередко конъюнктурный характер, стала причиной того, что немалое количество произведений советских композиторов оказались произведениями-однодневками, написанными «на злобу дня». С другой стороны, в советский период было создано огромное количество произведений, имеющих художественную ценность, воплотивших подлинную человеческую жизнь, например балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева или Седьмая симфония Шостаковича. Это произведения о лучших сторонах человеческой сущности, обнаружившихся в борьбе за утверждение вечных ценностей, за человеческое счастье.

Такие произведения, как кантата к 20-летию Октябрьской революции и «Здравица» С. Прокофьева, музыка к кинофильмам о революции 1905 года, 11-я симфония, оратория «Песнь о лесах» Д. Шостаковича, «Патетическая оратория» Г. Свиридова наряду с утверждением культа личности, выражают высокий строй чувств и глубокое человеческое содержание. Они останутся яркими свидетельствами жизни страны на протяжении значительного периода ее истории.

Творчество советских композиторов развивалось в русле мировой художественной культуры XX века. Ему были свойственны характерный для эпохи накал чувств, напряженность переживаний, интеллектуализм. В ней не наблюдалось «формализма», «модернизма», «авангардизма», но присутствовали национальные художественные традиции и высокий эстетический уровень. Одной из аксиом советской музыкальной критики была установка на доступность художественного творчества широким слоям населения. Крайностям западного новаторства противопоставлялась российская художественная традиция, опора музыки на народные традиции, на духовное наследие русской музыкальной классики. Правомерность такого похода тем более очевидна, что в современных социальных условиях, при разрушении социалистического порядка чуждые нам прежде авангардистские устремления такими и остались. Теперь против них не ведется широкой пропагандистской борьбы, но они по-прежнему неохотно принимаются общественностью. Как и раньше, их игнорирует основная масса исполнителей, они служат объектом интереса узкой прослойки музыкантов-профессионалов, которые не столько восхищаются художественными достоинствами этого творчества, сколько занимаются вопросами его анализа.

В целом, политизация музыкального творчества советского периода особенно сильно коснулась массовой песни, киномузыки, произведений кантатно-ораториального жанра. Большую роль она играла в опере. Синтез музыки и слова, музыки и сценического действия, был направлен на создание политически ангажированных произведений.

Наряду с произведениями академических жанров подобные процессы происходили и в других областях музыкального художественного творчества, таких, например, как авторская песня. Важный вклад в изменение норм массового художественного творчества внесла популярная музыка Западной Европы и Америки.

«Проблематика так называемой политической музыки глубоко противоречива. Здесь следует учитывать различные, порою разнонаправленные тенденции. Ни при каких обстоятельствах не следует поступаться эстетическим и композиционно-техническим совершенством произведения, нужно сохранить его подлинную художественность», отмечает Шнейдер. Это возможно только в том случае, если художник верит в те идеи, которые он воплощает в своих произведениях, если выполняемый им социальный заказ совпадает с его собственными мыслями и чувствами, с требованиями его совести.

В разные исторические периоды и в разных социальных условиях музыка разных стилей и направлений обращается к социально-политической проблематике, участвует в общественных процессах, связанных с политической жизнью современного ей общества.

ВАЛЬС В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX – XX ВЕКОВ

Пуляева Е.В., ГИИ, г.Москва

Вальс был не только популярнейшим танцем XIX века, он сыграл важную роль и в веке XX. Будучи представителем как легкой, развлекательной музыки и одновременно так называемой музыки серьезной, вальс был популярен и востребован различными социальными слоями и этническими группами. Вальс можно рассматривать не только как жанр музыкальный, но и как жанр культуры. Говоря о вальсе как о музыкальном жанре, мы имеем в виду, прежде всего, его бытование в качестве самостоятельного музыкального произведения. Жанр культуры более широкое понятие; здесь речь идет о проникновении вальса в другие жанры, он становится одной из частей более крупного произведения: оперетты, балета, оперы, симфонии, концерта и др. С одной стороны, это тот же вальс с трехдольным ритмом и неистовым кружением, но с другой стороны, проникнув в другие жанры, вальс наделяется чертами, свойственными этим жанрам.

Изучение вальса как музыкального жанра и как жанра культуры предполагает рассмотрение не только музыкальной формы произведения, но и того контекста (социального, политического, культурного), в котором оно было создано и в котором оно бытовало. Важную роль играют его создатели и те, для кого оно создавалось.

Через развитие вальса можно, с одной стороны, показать изменение вкусов и пристрастий тех, кому его музыка была адресована, да и в целом среды бытования вальса, с другой – развитие собственно жанров, в которых, так или иначе, проявил себя вальс (жанры оперы, балета, симфонии, инструментальной музыки, танцевальной музыки). Кроме того, расширение сферы бытования вальса происходило за счет преодоления национальных границ. Родившись в Вене, вальс перестает принадлежать лишь Австрии и ее столице, а становится популярным и в других странах: во Франции, Германии, России и др.

Зародившись в народной среде, вальс со временем проникает и в среду аристократическую. Однако путь к всеобщему признанию был нелегким: аристократической и буржуазной среде многое в новом танце казалось неприемлемым, неприличным, вызывающим.

Но запреты не помогали, и XIX век прошел под символом вальса. Наступила новая танцевальная эпоха. Великосветскую церемонность менуэта вытесняли большая простота нравов, естественная общительность в поведении, свобода и раскованность чувств, пришедшие с новым танцем.

Интересно, что часто как в художественной литературе, так и в устной речи употребляется такое словосочетание как «в вихре вальса» (и ему подобные). Мы наблюдаем, это и у Гете, и у Пушкина в «Евгении Онегине», и у Лермонтова в «Герое нашего времени», не говоря уже о поэзии XX века, где ряд стихотворений написан в форме вальса (Евтушенко, Вознесенский и т.п.).

У Пушкина вальс назван «однообразным и безумным»; и, действительно, по сравнению с другими придворными танцами, состоящими из различных фигур, именно вальс состоял из постоянно повторяющихся одних и тех же движений. Определение вальса как «безумного» имеет другой смысл: несмотря на всеобщее распространение, вальс изначально пользовался репутацией непристойного или, по крайней мере, излишне вольного танца. Свою трактовку вальса дал Чайковский в «Евгении Онегине»: он «подает быт через вальс на очень высокой, гибкой технике, психологически же здесь разворачивается один из лучших образов «русской душевной вальсовости»». Вальс превращался в танец любви. Неслучайно именно он был выбран Л.Н. Толстым в качестве первого танца Наташи Ростовской

В 1820 – 30-е годы в России многие композиторы (А. Жилин, А. Есаулов, А. Гурилев, И. Геншта, А. Варламов, А. Верстовский, О. Козловский, А. Алябьев, В. Одоевский, Титовы и другие) сочиняют фортепианные вальсы, которые исполнялись в салонах, на небольших вечерах. К этому времени относится и появление двух вальсов Грибоедова, которые по праву считаются первыми русскими инструментальными вальсами.

Плавный однообразный ритм вальса был очень удобен для всевозможных переделок. Особенно хорошо укладывались в вальсовый размер лирические мелодии с простым ритмическим рисунком – это в первую очередь романсы и городские песни, которые распевались повсюду. Большой любовью пользовались вальсы «Соловей», «Вот едет тройка», «Талисман», «Красный сарафан» и др.

Уже в 1839 году М.И. Глинка пишет свой «Вальс-фантазию» – первый русский симфонический вальс. Именно с «Вальса-фантазии» начинается история русского вальса, история русской вальсовости. Эту линию продолжают произведения в вальсовом ритме П.И. Чайковского, С.С. Прокофьева, А.И. Хачатуряна, Г.В. Свиридова и др.

Творчество Чайковского пронизано вальсовыми мелодиями: это и фортепианные вальсы, романсы, песни, и вальсы из балетов и оперы «Евгений Онегин», симфоний и сюит. Если балетные вальсы в русской культуре – это в первую очередь так называемые переделки венских вальсовых мелодий, то в симфонической музыке и музыкальном театре русский вальс идет своим путем.

Союз вальса и музыкального театра (а позже и кинематографа) был очень прочным и плодотворным: яркие примеры тому балеты и опера «Евгений Онегин» Чайковского, опера «Война и мир» Прокофьева, музыка Хачатуряна к кинофильму «Маскарад», музыкальные иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Метель» Свиридова, вальс Е. Дога из кинофильма «Мой ласковый и нежный друг», музыка к фильмам Дунаевского.

Литература, посвященная вальсу, различна. В целом ее можно разделить на 1) биографии различных композиторов (М.И. Глинки, П.И. Чайковского, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича и др.); 2) чисто теоретические работы по музыкальной форме, музыкальным жанрам, стилям; 3) исследования общего характера: работы по культуре, танцевальной музыке, оперетте.

Из теоретических работ отметим книгу «Музыкальная форма как процесс» Асафьева Б.В., «Стиль и жанр в музыке» Назайкинского Е.В. Из исследований общего характера можно выделить «Рассказы о вальсе» Л.Д. Ауэрбаха, «Очерки по истории танцевальной музыки» М.С. Друскина, «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана, «Светские церемониалы в России XVIII – начала XIX века» О.Ю. Захаровой, «Бал в России XVIII – начало XIX века» А.В. Колесниковой, статью «Бальные танцы и русская музыка» Рыжковой Н.А.

Интересно, вальс как танец был популярен в XX веке не меньше, чем в XIX, несмотря на то, что появляются все новые и новые танцы: танго, фокстрот, твист, рок-н-ролл. Вальсы звучали в садах, парках, на площадях – причем это были новые, современные сочинения. Для сравнения – в Европе также продолжали танцевать вальсы, но вальсы XIX века, и в первую очередь вальсы Штраусов.

К началу XX века вальс перестает быть только танцем или музыкальным произведением, он наделяется определенными смыслами, можно даже сказать, становится символом. С одной стороны, вальс – это легкость, полетность, передача нежных, светлых чувств, но с другой – это и ностальгические (и не всегда радостные) воспоминания, грусть и меланхолия, связанная с расставанием, прощанием.

Таким образом, вальс, с одной стороны, это танец, с другой, – явление культуры: именно с XIX века можно говорить о вальсе в опере, балете, симфонии, сюите, кроме того, вальс становится отдельным симфоническим произведением. Все это вальсы, но вальсы различные по форме, образному и мелодическому содержанию, по своей культурной семантике. Вальс становится не только музыкальным жанром, но и жанром культуры; более того, к началу XX века вальс, наделенный различными культурными и художественными смыслами, становится не просто музыкальным жанром, но и символом. Кроме того, через развитие вальса, изучение его музыкальной и танцевальной формы можно показать изменение вкусов и пристрастий тех, кому его музыка была адресована и в целом среды бытования вальса. Мы видим, что вальс становится неотъемлемой частью культурного наследия России, Европы и мира в целом.

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

Овчинникова Е. А., НПА

Культура России начинается с древнейших времён. За это время накоплено огромное количество национальных богатств. Это литература, музыка, архитектура, театр, кино. Но человечество постепенно начинает забывать о культурных ценностях. Ведь богатство – это не только накопленный материал, но и способность общества сохранять и воспроизводить его.

Одним из менее востребованных направлений искусства является народный танец. Развитие русского народного танца тесно связано со всей ис-

торией русского народа. Каждая новая эпоха, новые политические, экономические, административные и религиозные условия отражались в формах общественного сознания, в том числе и в народном творчестве.

Народный танец – это танец определённой национальности. Это часть народной души. Через хореографию и пластику человек выражает свои эмоции, настроение. Следовательно, танец возникает как отражение его сознания.

Народный артист СССР, хореограф, балетмейстер Игорь Александрович Моисеев писал о народном танце: «Я не вижу более праздничного, жизнелюбивого вида искусства, чем народный танец. Он с детской непосредственностью раскрывает свои чувства, вовлекает в свое веселье. Народный танец румянит щеки, зажигает кровь мышечной радостью. В нем таится такой заряд веселья и бодрости, который в состоянии опрокинуть все печали, заботы и страхи, нависшие над человеком наших дней. У народного танца нет служебного хореографа, он рождается из окружающей среды. И в этом его отличие от классического балета, рожденного рациональным умом».

Сегодня представление о русской танцевальной культуре очень узкое. По Утверждению некоторых хореографов, русского танца вообще нет. Старинный танец утерян, а современный ещё и не родился. 3-4 движения в хаотичном порядке, без ритма, без какого либо артистизма и красоты. Разве это можно назвать танцем или развитием танцевальной культуры. То, что называется сейчас современным танцем сформировано на основе американского и европейского танца. Однородная, монотонная, пульсирующая музыка и бессмысленные движения всеми частями тела.

Если же выйти на улицу и провести опрос, знает ли население какие-нибудь народные танцы, выяснится, что о многих танцах не слышали и многих названий не знают. А ведь это не только красивые танцы, но и очень точные названия, которые указывают на широту русской души: барыня, камаринская, кадриль, коробейники, казачок и т.д.

Например, знаменитая камаринская, но не многие знают, что услышал эту мелодию композитор М. Глинка в селе Камаричи Брянской области. А повелось плясать камаринскую ещё от скоморохов, которые укрывались в брянских лесах от преследования царя Ивана Грозного. И с той поры широкий, удалой нрав камаринской зовёт нас в круг, в пляс, в весёлую карусель колядок, ярмарок, народных гуляний.

Танец имеет огромное значение как средство воспитания национального самосознания. Изучение танцев своего народа должно стать такой же потребностью, как и изучение родного языка, мелодий, песен, традиций, ибо в этом заключены основы национального характера, выработанные в течение многих веков.

Что же произойдёт спустя несколько десятков лет?

Что бы такие направления в русской культуре не исчезли, необходима государственная поддержка, выражающаяся в планировании в области образования. Необходимо в учебных заведениях создать бесплатные кружки народного танца и народной песни.

Культура, в том числе и танцевальная – это то, что способно сплотить людей, позволить им понять свою силу и мощь. Поэтому нельзя допустить того, что бы народный танец стал старомодным и несовременным для нынешней молодёжи.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЮЗ МУЗЫКИ И СПОРТА

Таниева Г. М., ННГУ им. Н.И. Лобачевского

В последние годы в отечественном спорте возникла и набирает силу идея музыкальной стимуляции спортивной работоспособности на учебно – тренировочных занятиях такими видами спорта, которые ранее в нашем сознании казались вообще несовместимыми с музыкой – это различные виды борьбы, бокс, гребля, легкая атлетика, тяжелая атлетика. Аргументируется данная идея прежде всего тем, что с помощью функционального использования музыки на тренировках по этим видам спорта можно существенно повысить выносливость занимающихся, а также поднять уровень проявления их мышечной силы, быстроты и ловкости, в результате чего заметно повышается общая результативность проводимых таким образом занятий. Корни этого явления уходят в глубину минувших тысячелетий и заслуживают изучения и нашими современниками.

Пифагор, победитель Олимпийских игр по борьбе и кулачному бою, всячески способствовал широкому внедрению музыки в физическое воспитание на научно – теоретической основе. Для усиления музыкального воздействия на деятельность человека Пифагор в VI веке до н.э. изобрел гармонический канон монокорд, которым математически измерил музыкальные интервалы на точные пропорции, ввел воспитание при помощи мелодий и ритмов, он предписывал своим знакомым «музыкальное устройство», придумывая чудесные смешения диатонических и хроматических, при помощи которых он легко излечивал страсти души, недавно в них поднявшиеся и зародившиеся в неразумном виде – скорбь, раздражение, жалость, неуместную ревность и страх, разнообразные вожделения, гнев, желание, разнеженность, распушенность, горячность, выправляя каждый из этих недостатков при помощи подходящих мелодий, как при помощи спасительных лечебных составов. А когда его ученики отходили к вечернему сну, он освобождал их от дневной смуты, очищая взволнованное умственное состояние и приутоворяя в них безмолвие, хороший сон и вещие сновидения.

Когда же они утром опять вставали с постели, он отвращал их от ночной сонливости, расслабления и ленности тем или иным другим специальным пением и мелодическими приемами, получаемыми от лиры или голосами... Он еще полагал, что музыка многому способствует в смысле здоровья, если кто пользуется ею надлежащим образом. И, действительно, у него было обыкновение пользоваться таким очищением.

Знаменитым поборником музыкальной стимуляции занятий спортивной борьбой был ученик Пифагора, певец, философ, ученый и самый выдающийся борец античности Милон Кротонский. Он выходил победителем в борьбе на шести Олимпийских играх в течении 540 – 516 гг. до н.э., а также неоднократно первенствовал на других крупнейших межгосударственных спортивных состязаниях того периода и, в частности, на Пифийских, Истмийских и Немейских играх. Подобные спортивные достижения уникальны и не имеют аналогов ни в древнем, ни в современном мире.

Развивая взгляды пифагорейской школы, всемирно известные философы Платон и Аристотель тесно связывают с музыкальной стимуляцией всю систему государственного образования и воспитания. Впоследствии многие поколения древних греков не мыслили без музыки ни физического, ни умственного воспитания, причем в последнем музыка понимается как своеобразная нравственная и интеллектуальная гимнастика. В своем знаменитом трактате «Политика» Аристотель констатирует: «Важнейшими предметами обучения являются для греков: грамматика, гимнастика, музыка и иногда рисование... Предки наши поместили музыку в число общеобразовательных предметов потому, что сама природа стремится доставить нам возможность не только правильно направлять нашу деятельность, но и прекрасно пользоваться нашим досугом».

Платон утверждал, что без помощи музыки гимнастика делает людей слишком грубыми и бездушными. А органическое сочетание музыки и гимнастики позволит государству, по мнению Платона, воспитывать идеальных людей, гармонично соединяющих в себе духовное и физическое совершенство, рассуждая о практическом значении чисто инструментальной музыки, Платон говорит, что ее прикладное применение при выполнении физических упражнений облегчает и скрашивает труд такого рода и указывает, в частности, что инструментальная музыка «весьма пригодна для скорой и без запинки ходьбы».

Для древних греков музыка являлась прежде всего активным стимулятором той деятельности, которая выполнялась под музыку, и только потом средством приятного отдыха и развлечения. Получаемое от музыки эстетическое наслаждение способствовало более легкому и надежному внушению заложенных в ней идей и социальных установок и греческие педагоги этим умело пользовались. Особую слабость древние греки питали к борьбе, которой они предпочитали заниматься под музыку, органично сочетая приятное с полезным. Борьба и музыка как средства воспитания гармонично развитых людей ценилось древнегреческими педагогами очень высоко.

Вот что писал Платон в диалоге по данному поводу: «Чувство ритма и гармонии сопряжено с наслаждением. При помощи этого чувства мы сплетаемся друг с другом в песнях и плясках.... Следовательно, тот, кто не упражнялся в хороводах, – человек невоспитанный, а тот, кто достаточно в них упражнялся, тот воспитан...Музыкальная гармония представляет движения, родственные с движениями нашей души... Она дана нам музами как помощница, которая должна упорядочивать и приводить в согласие с собою вра-

щение нашей души, когда оно бывает полно диссонансов. Для той же цели дан нам и ритм, именно как средство упорядочения тех лишенных мере и грации манер, которые бывают у большинства людей».

Для спортивного возбуждения атлетов и длительного поддержания высокого уровня их работоспособности древнегреческие тренеры пользовались чаще всего музыкой в активных ладах: фригийском и дорийском, а для скорейшего восстановления сил после изнурительных тренировок или состязаний считали наиболее подходящими нежные, расслабляющие мелодии в ионийском или эолийском ладах.

Ведущие современные композиторы – профессионалы пока еще не достаточно серьезно относятся к спортивной тематике и вообще к любимой молодежи моторной, функциональной музыке. Иная картина наблюдалась в античной атлетике, где проблемами музыкальной стимуляции физического воспитания и спорта с энтузиазмом занимались лучшие мыслители общества.

Начиная с VII века до н.э. музыка все более и более прочно входит в обиход Олимпийских, Пифийских, Немейских, Истмийских игр и других массовых спортивных состязаний античного мира.

Наиболее впечатляющая картина массовой музыкальной стимуляции разворачивалась на главных спортивных состязаниях Античного Мира – Олимпийских играх. С первого и до последнего дня Олимпиады на месте состязаний царил музыка. Открывались Олимпийские игры большой торжественной процессией с обязательным музыкальным сопровождением. Согласно традиционному олимпийскому ритуалу, во главе процессии шли глашатаи и трубачи. За ними следовали судьи в торжественных пурпурных одеждах потом шли жрецы и их помощники с животными, предназначенными для жертвоприношения, представители власти и официальные посольства со своими жертвенными дарами из золота и серебра. Затем следовали многочисленные состязатели; процессию замыкали кони и колесницы. Поэтические тексты, исполняемых на Олимпийских играх песен, были ориентированы социальной жизнью и имманентными особенностями спортивной деятельности. Содержание музыкальной стимуляции процесса самих состязаний на Олимпийских играх дифференцировалось в зависимости от вида спорта и возраста участников. Состязания взрослых в пентатлоне (классическое спортивное пятиборье в Древней Греции: бег, прыжок в длину, метание диска, метание копья, борьба) проводились в сопровождении игры на флейте.

Непременной составной частью Олимпийских, Пифийских и других крупных спортивных игр являлись состязания в искусствах. В свое время в них участвовали отец истории Геродот, математик Пифагор, философ Сократ, поэт Пиндар, оратор Демосфен, писатель Лукиан, трагики Эсхил, Софокл, Еврипид и многие другие всемирно известные люди. Основное место в этой части программы отводилось музыке и поэзии, причем для усиления эмоционального воздействия на зрителей поэты читали свои произведения с музыкальным сопровождением. В состязаниях музыкантов – инструменталистов, помимо качественных требований к конкурсному репертуару, большое внимание уделялось громкозвучности исполнения музыкальных произ-

ведений, что диктовалось жизненной необходимостью частого музыкального обслуживания массовых гражданских и военных мероприятий, проводимых на довольно обширных площадях без каких – либо звукоусилителей кроме самого музыкального инструмента. Для воспроизведения звуков, слышимых в дальних рядах слушателей, находящихся порой на достаточно большом расстоянии, от музыканта требовалось огромное физическое напряжение.

«Спорт и музыка всегда идут рядом. У меня проблемы выбора между спортом и музыкой почти не было, но спортом я увлекался всегда. К сожалению, я раньше не увлекался хоккеем, но после знакомства с Ларионовым, мое представление об этом виде спорта резко поменялось. Хоккей – это такое же яркое зрелище, как и хорошее шоу. Спорт и музыка развиваются параллельно, несут во многом одни и те же ценности, требуют такой же отдачи. Мы дышим одним воздухом», гворит Игорь Сандлер, друг известного хоккеиста Игоря Ларионова в прошлом клавишник рок-группы «Интеграл», преуспевающий бизнесмен, совладелец холдинга Альянс Молоко, организатор фестивалей альтернативной музыки «Молочные Братья и Движение Вне...».

Можно с уверенностью сказать, что забытые данные исторического характера способны дать информацию к размышлению для дальнейшего развития практики физической культуры на базе функционального органического союза спорта и музыки.

В. Современные аспекты изучения культурного наследия

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Савичев С.С., ННГАСУ

В XX веке качественно изменились представления о времени и пространстве, изменились не только в рамках научной картины мира, но прежде всего в рамках картины человеческого бытия в целом.

История этого века утвердила свою всемерность в тенденциях глобальных проблем: образование экономических систем мирового масштаба (мировой рынок, международные банки, трансконтинентальные монополии); образование глобальной информационной сети, позволяющей приобщить к делам отдельных стран весь мир; возникновение экологических проблем, решение которых возможно только усилиями всего человечества; войны XX века становятся мировыми, они охватывают десятки народов и государств, при этом масштабы уничтожения человека достигают небывалых размахов.

XX век – это преодоления пространственных ограничений макромира. Усилиями разума человек проникает в тайны микромира и галактические широты космоса. Человек осознает себя частью Вселенной. Его космичность осязается в полетах на другие планеты, в спутниковых системах мировой связи и др.

XX век – это век научно-технической революции. Качественно изменилось значение и место техники в человеческом мире. На смену техниче-

ским устройствам, которые в XIX веке заменяли и усиливали физические способности человека, пришла новая техника, ее приборы и агрегаты теперь стали заменять и во многом усиливать интеллектуальные способности человека. Компьютер изменил и производственную и бытовую культуру нашего мира.

В рамках определенной исторической эпохи в мире всегда существовали различные культуры. В современном обществе особое значение приобрела «массовая» культура.

Интерес к явлению массовой культуры возник довольно давно и на сегодняшний день существует немало исследований, теорий и концепций «массовой культуры». Авторы большинства из них склонны рассматривать ее как особый социальный феномен, имеющий свой генезис, специфику и тенденции развития. Вспомним наиболее влиятельные из этих теорий.

Массовая культура – это семиотический образ реальности, а фундаментальная культура – это образ глубоко вторичный, «вторичная моделирующая система», нуждающаяся для своего осуществления в языке первого порядка.

В этом смысле массовая культура XX века была полной противоположностью элитарной культуры в одном и ее копией в другом. Для массовой культуры характерен антимодернизм и антиавангардизм. Если модернизм и авангард стремятся к усложненной технике письма, то массовая культура оперирует предельно простой, отработанной предшествующей культурой техникой. Если в модернизме и авангарде преобладает установка на новое как основное условие их существования, то массовая культура традиционна и консервативна. Она ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, на простую прагматику, поскольку она обращена к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории.

Можно сказать поэтому, что массовая культура возникла в XX веке не только благодаря развитию техники, приведшему к такому огромному количеству источников информации, но и благодаря развитию и укреплению политических демократий. Известно, что наиболее развитой является массовая культура в наиболее развитом демократическом обществе – в Америке с ее Голливудом, этим символом всевластия массовой культуры.

В XX веке массовая культура заменила фольклор, который тоже в синтаксическом плане построен чрезвычайно жестко. Наиболее ясно это показал в 1920-х годах В.Я. Пропп, проанализировавший волшебную сказку и показавший, что в ней всегда присутствует одна и та же синтаксическая структурная схема, которую можно формализовать и представить в логических символах.

«Массовая культура» (англ. mass culture), в философии, социологии понятие, обобщенно выражающее состояние буржуазной культуры с середины 20 века.

Массовая культура – понятие, которое используется для характеристики современного культурного производства и потребления. Это производство культуры, организованное по типу массовой, серийной конвейерной индуст-

рии и поставляющее такой же стандартизированный, серийный, массовый продукт для стандартизированного массового потребления. Массовая культура – специфический продукт современного индустриального урбанизированного общества.

Массовая культура – это культура масс, культура, предназначенная для потребления народом; это сознание не народа, а коммерческой индустрии культуры; она враждебна подлинно народной культуре. Она не знает традиций, не имеет национальности, ее вкусы и идеалы меняются с головокружительной быстротой в соответствии с потребностями моды. Массовая культура обращается к широкой аудитории, апеллирует к упрощенным вкусам, претендует на то, чтобы быть народным искусством.

Критический анализ массовой культуры акцентировал в ней характеристики «низкой», примитивной культуры, «культуры масс», создающей угрозу «высокой культуре», или подчеркивал использование элитами массовой культуры, возбуждающей «низменные инстинкты» для духовной эксплуатации масс, массовой стандартизации и обезличивания. При более оптимистических подходах массовая культура рассматривалась как в целом вполне удовлетворительная форма культуры, характерная для зрелого индустриального общества с высоким уровнем образования, высоким уровнем жизни, с развитой системой массовых коммуникаций. В современной социологии понятие «массовая культура» все более утрачивает свою критическую направленность. Подчеркивается функциональная значимость массовой культуры, обеспечивающей социализацию огромных масс людей в условиях сложной, изменчивой среды современного индустриального урбанизированного общества. Утверждая упрощенные, стереотипные представления, массовая культура тем не менее выполняет функцию постоянного жизнеобеспечения для самых различных социальных групп. Она обеспечивает также массовое включение в систему потребления и тем самым функционирование массового производства. Массовая культура характеризуется всеобщностью, она охватывает широкую срединную часть общества, затрагивая специфическим образом и элиту, и маргинальные слои.

Массовая культура утверждает тождественность материальных и духовных ценностей, в равной степени выступающих как продукты массового потребления; понятие «бестселлер» приобрело в ней универсальный характер. Для неё характерно возникновение и ускоренное развитие особого профессионального аппарата, задачей которого является использование содержания потребляемых благ, техники их производства и распределения в целях подчинения массового сознания интересам монополий и государственного аппарата, искажения и заглушения протеста.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ХОЛОДНО»/«ГОРЯЧО»

Молчанова О. В., РГГУ, г. Москва

Тексты культуры, подобно природным феноменам, обладают циклическостью и сменяемостью. Поэтому условием сохранения как физической, так и духовной жизни, является познание окружающей действительности, постоянная регистрация изменений в мире. Сколько-нибудь верное понимание мира строится на допущении, что тексты культуры содержат смыслы, ритмично появляющиеся как вызов/ответ на обновляющийся опыт человека. Эти миры смыслов реконструируются в ходе анализа преобладающего в обществе типа коллективной памяти.

Коллективная память представляет собой архив воспоминаний, которые обладают ценностными характеристиками для разных сообществ. Не существует такого элемента культурного наследия, который не выступал в роли «общественного» воспоминания либо для общества в целом, либо для различных субкультурных объединений. Выделяя символы в ценностные поучения, сообщества формулируют собственный культурный Космос на основе релевантного Прошлого. Но рамки памяти помещаются не только внутри, но и вне времени. Значит, осознание прошедшего отсылает к созданию желаемого Будущего и идеализируемого Настоящего. Иными словами, речь идет о мифологизации действительности. Мифотворчество является основным методом, используемым сообществами для консолидации и создания единого поля культурных ценностей. Именно мифосозидательная интенция придает комьюнити идентификационную конкретность, а носителям памяти – чувство принадлежности к группе.

В современном обществе культурная память развивается по двум направлениям. Во-первых, память используется властью в виде ментального конструкта, призванного занять место эфемерной «национальной идеи». Во-вторых, культурная память актуальна для оформления контркультурных движений. Используя собственный набор ценностей, контркультура противопоставляет себя доминирующей культуре. Носители этого радикального вида субкультуры вспоминают «не то» и «не так». Сегодня андеграунд постепенно становится частью массовой культуры. Если же антагонизм между «официальной» и «другой», субкультурной точкой зрения велик, члены протестного движения остаются верными своему кредо. Их идентификация осуществляется через «протест ради протеста», за которым не стоит никаких позитивных предложений. Такой подход не прибавляет им популярности, значит, количество подобных дисперсных диалектов культурной памяти лишь множится. В таком случае изложение их способов конструирования культурного наследия лишь отсылает нас к этнографической традиции исследования памяти и мифотворчества.

Общегосударственная парадигма производства культурной памяти распространяется на всех граждан страны. Потому исследование особенно-

стей такого крупномасштабного мифотворчества позволяет увидеть опасности, которые заложены в небрежном обращении с культурным наследием.

Понятие «нация» в отечественном социально-политическом дискурсе смешалось с понятиями «народ», «этнос». Оттого вероятность конструирования единой «национальной идеи» кажется малоэффективной. Мысль о формулировании общего пространства исторической памяти выглядит в таком контексте менее утопичной.

Общая историческая память объединяет в себе события, которые оказываются важны для идентификации населения страны. Состояние памяти может быть «холодным» и «горячим». «Холодная» память хранит факты и даты, но лишает их практического интереса современности. «Горячая» память не ограничивается абстрактной историей, она переносит имена и события в сферу политики, помогает ретушировать Прошлое с тем, чтобы изменить Настоящее и сконструировать «правильное» Будущее.

Актуальной сосредоточенность на «горячей» исторической памяти становится в обществах, переживающих посттравматический период. В отечественной культуре травма революции, постреволюционного идеологического прессинга наложилась на угнетение, связанное с крахом советской системы и созданием нового прототалитарного государства. В результате в течение многих десятилетий в культуре происходило накопление «стресса» и формирование посттравматического синдрома. Военные победы, спортивные достижения, научные открытия складывались в онтологические метафоры, указывающие на статус государства в мире. Чаще всего, этот статус носил «имперский» характер.

Сегодня следов былого величия остается все меньше. Потому необходимы устойчивые ментальные конструкции, которые могли бы объединить общество. Доказательства имперского Настоящего и Будущего «горячая» память извлекает из героического Прошлого, которое приукрашивается с помощью создания мифопоэтического ореола.

Так, сегодня любые события, например, военные победы, совершенные солдатами-освободителями СССР или миротворцами РФ, превращаются в подвиги. Для подтверждения этой идеи задействуются все современные медиа-технологии. В результате «факты» переходят из категории истории, закреплённой в учебниках, в разряд мифопоэтической Истории, а события далекого прошлого реконструируются по краткому изложению претенциозных произведений. Вся культура мыслится как осознанное противостояние Другим. Иными словами общество, живущее по законам «горячей» исторической памяти, постоянно находится в состоянии напряжения и готовности защищать интересы своей культуры.

Состояние нервозности в социуме связано также с ощущением противоречия между насаждаемыми оценками культурного наследия и опытом изучения истории. Мифы «горячей» памяти выглядят своеобразным «дуплетом», т.е. конструктом, дополняющим элементы культурной памяти в соответствии с идеологическими нуждами. Такая методика позволяет постоянно изменять степень включения мифа в систему актуальной идеологии. В ре-

зультате обыватель с трудом может ориентироваться в различных интерпретациях событий, явлений прошлого. Кроме того, возникает слом дискурсов на уровне межпоколенческой коммуникации.

Обращение власти с культурной памятью напоминает игру «холодно»/«горячо». В определенные моменты истории страны часть культурного наследия подвергается забвению, находя свое отражение в сухих статистических отчетах. Другие воспоминания помещаются в контекст актуальной политической ситуации. В результате подобного мифотворческого «жонгляжа» теряется образ Истины и Истории. Эклектичный способ мышления становится единственно возможным. В такой ситуации обывателю на уровне собственной идентификации приходится либо мириться с неадекватностью идеологии т.н. «объективной реальности», либо отказаться от идеологического прессинга и положиться на собственный морально-этический, эстетический выбор.

Проблема сохранения народной культуры актуализируется в современных условиях усиления процесса глобализации. Некоторые исследователи в последнее время противоположностью глобализации называют регионализацию. В принципе и глобализация и регионализация достаточно корректны в своем противопоставлении, потому что оба понятия фиксируют лишь Пространственный, Территориальный аспект: глобализация на Планете, а регионализация в Регионе. Но сущностный анализ глобализации показывает, что она отнюдь не сводится к пространственной интеграции, а преследует иные цели не территориального, а содержательного характера. Процесс глобализации, начавшийся по констатации Генерального секретаря ООН Кофи Аннана с 1985 г., в научной литературе был сначала определен как «вестернизация» (западнизация), а в дальнейшем как «американизация» (А. Зиновьев, А. Субетто, В. Ельмеев и др.).

Иначе говоря, глобализация была призвана решать не пространственно-объединительные задачи, а задачи подчинения всех национальных культур одной – американской культуре, американскому образу жизни и мышления. Это и вызвало на планете два протестных движения: антиглобализм и альтерглобализм. Если антиглобализм проявляет себя как резкое отрицательное движение против доминирования не только американской, но и в целом западно-европейской культуры, а значит и подавление других, этнических, национальных культур, то альтерглобализм предполагает сохранение интеграционных процессов, но одновременно и сохранение особенностей, специфики национальных культур.

Противоречивость подобной ситуации можно оценить, если учитывать, что на планете сегодня существует более 6,5 тысяч этносов со своим языком, культурой, историей, которые своеобразны и которые этносы не хотят потерять. Отсюда понятна и проблема Сохранения и Преемственности национальных культур, в частности, русской национальной культуры. Приятно отметить, что не только многочисленные общественные объединения в нашей стране, но и государственные органы проявляют интерес и издают законы о сохранении памятников истории и культуры России (Государственный Фе-

деральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Принятие указанного Закона является своевременным и перспективным. Необходимо учитывать, что по свидетельству министра культуры России А. Авдеева в нашей стране существует 800 тысяч зарегистрированных памятников истории и культуры, но охрана их продолжает желать лучшего. Только за 2008 год практически уничтожены более 2 тысяч из них.

Различные авторы обеспокоены двумя гранями этой проблемы. Скажем, если Ю.В. Ананьев в своей монографии «Культура как интегратор социума» (Н. Новгород: ННГУ, 1996) выражает тревогу по поводу сохранения ОБЩИХ, интеграционных компонентов культуры общества, то В.А. Болдырева в недавней работе «Культура как социальная память человечества» (Н. Новгород: Новация, 2009) аргументирует необходимость сохранения национального своеобразия культур, выражаемых в языке, предметных и процессуальных формах.

Мы убеждены, что своеобразие национальных культур не мешает их общению, взаимодействию. Более того, обогащает каждую из культур достижениями и ценностями других культур. Поэтому речь должна идти не о глобализации и регионализации, а о единстве принципов интернационализма и патриотизма. Концепция патриотизма выражает озабоченность о сохранении особенностей национальной культуры, а концепция интернационализма призывает к взаимосвязям национальных культур во имя единства общего человеческого рода.

ИНТЕГРАЦИЯ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В КУЛЬТУРУ РУБЕЖА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Буткова О.В., г.Москва

На рубеже XX-XXI вв. жанр сказки оказался одним из наиболее востребованных. Сказка – один из наиболее укорененных в традиции и постоянно обновляющихся жанров культуры, существующий в литературе, кино, театре, мультипликации, компьютерных играх и даже психотерапии. Сегодня интерес к сказке усиливается со стороны взрослой аудитории. В жанре сказки создан ряд произведений, ставших «культовыми» феноменами массовой культуры: цикл книг о мальчике-волшебнике Гарри Поттере, созданный писательницей Д.Ролинг, и фильмы, снятые на основе этих книг; трилогия Д.Р.Толкина «Властелин колец» и ее киновариант; «Хроники Нарнии» К.С.Льюиса. Большую популярность snискали «мультфильмы для взрослых» – «Труп невесты» Т.Бартона и работы мастера японской анимации Х.Миядзаки («Унесенные призраками», «Ходячий замок»). Кроме того, во многих произведениях, жанр которых невозможно свести к сказке, присутствуют и сказочные герои, и элементы сюжетов наиболее известных в мировой культуре сказок.

Причины подобного феномена разнообразны. Прежде всего, тесная связь народной сказки с мифологией и магией. Именно поэтому сказку можно назвать наиболее живой наследницей языческой традиции в современном мире. Авторская сказка наследует от народной многие ее черты. Наиболее укорененные в мировой культуре образы (архетипы Юнга) переходят из народной сказки в авторскую. Данные образы претерпевают трансформацию, меняется и характер их эмоционального воздействия на аудиторию. К примеру, образ ведьмы, наделенный в народной сказке амбивалентными чертами, отмечен особой популярностью в современной культуре. Воздействие христианской традиции придало образу стабильную негативную окраску. В наше время этот образ, сохранив многие внешние атрибуты, в большей степени коррелируется с женской мудростью, обладанием тайным знанием и безграничными творческими способностями.

Качественные трансформации претерпевают образы волшебника и колдуна. В системе христианских ценностей колдовство воспринималось грехом, сказка весьма терпима к данному типу магической одаренности. Колдовство воспринимается как способность, которую можно употребить как во зло, так и во благо. В церковных кругах в связи с этим не раз возникали споры вокруг Гарри Поттера и его школы колдовства. Случаи апологии не часты. Известный богослов диакон Андрей Кураев взял мальчика-волшебника под защиту, поскольку Гарри Поттер является в книге олицетворением добра, а значит, полагает Кураев, не стоит подвергать его остракизму. Данная позиция демонстрирует опыт толерантности, ведь даже традиционная церковь разумно полагала, что не следует преувеличивать опасность сказки.

Человеку начала третьего тысячелетия не менее, чем в другие времена, свойственна вера в магию. Наука опровергает суеверия, однако человек, помещенный в хаос реальности, пытается ослабить диктат непрогнозируемого. Отсюда – вера в магическую силу слов и имен, вера в таинственную связь между изображением и предметом. Современная женщина верит, что на нее могут навести порчу. Актуализируется сюжет злой мачехи, которая накладывает на Белоснежку заклятие. Сказка становится связующим звеном между современным человеком и первобытным, языческим миром; делается инструментом диверсификации психологических рисков и опасностей.

Многие сказки, созданные в XX веке, основаны на христианской картине мира. В XIX веке христианские мотивы и символы в сказку вносил Г.Х.Андерсен. В XX веке это делал К.С.Льюис с целью сделать нравственный пафос христианства ближе и понятнее ребенку. Прекрасный лев Аслан становится у него символом Бога, умирающего за грехи людские. В трилогии Д.Р.Толкина в христианском ключе решается тема борьбы Добра и Зла.

Популярны и сказки, вступающие в спор с ортодоксальной христианской картиной мира. Наиболее яркий пример – трилогия «Темные начала» английского писателя Филипа Пулмана, получившая множество престижных литературных премий и вызвавшая резко негативную реакцию в церковных кругах. В произведениях Ф. Пулмана церковь и предлагаемый ею взгляд на мир ассоциируется с несвободой, принуждением, ограничением челове-

ской природы. Успех подобных книг (как и «Кода да Винчи») свидетельствует о достаточно сильном латентном антиклерикализме современной культуры.

Сказка отмечена категоризмом акцентов и оценок. В традиционной народной сказке не бывает «открытого финала». Злодеи наказаны, правда торжествует. В нашу эпоху, когда человека окружает многообразие форм культуры, он порою чувствует себя дезориентированным. Сила сказки в том, что она дает определенный, четкий жизненный сценарий. Соответственно, в ней может содержаться подсказка того или иного выхода из сложных ситуаций. Европейская волшебная сказка в подавляющем большинстве случаев имеет счастливое завершение. Она представляет собой историю о том, как герой или героиня с успехом выдерживают те или иные испытания. Такая история производит психотерапевтический эффект, и такое направление, как «сказкотерапия», достаточно популярно сегодня. Сказка не только убеждает человека в том, что все будет хорошо, она предлагает ему осмыслить те или иные этапы жизненного пути. Она убеждает в возможности исправления ошибки (герою нередко удается пройти испытание и решить задачу лишь с третьего раза). Мысль об исцеляющей силе некоторых историй сильна во многих древних культурах, и современная психотерапия становится лишь продолжением древней традиции – об этом пишет К.Эстес («Бегущая с волками», «Дар рассказа»).

Современная культура воспринимает сказку жанром, являющимся мощным инструментом воздействия на душу человека. Именно в сказке происходят столкновения между различными системами ценностей. Многие апологеты литературы фэнтези утверждают, что религия – низший тип морали, основанный на страхе перед божеством и ожидании вознаграждения. Сказка проповедует секулярную мораль, этику индивидуальной ответственности, начавшуюся с Сократа и Конфуция. Не случайным видится рецепция в сказке двадцатого века мыслителей осевого времени. Взамен заповедей из священных книг современная волшебная сказка предлагает вариацию светской религии. Набор моральных императивов носит не религиозный характер, а отмечен синтезом демократических ценностей. Положительные персонажи сказки проповедуют терпимость, плюрализм мнений, свободу слова, неприкосновенность личной жизни. Философия сказки, ее конфликты, расстановка моральных акцентов, на первый взгляд, очень близки религиозным догмам. Однако обнаруживается качественное отличие. Современное развитие когнитивных наук, психологии, лингвистики позволяет трактовать этику как бихевиористскую область и сделать ее независимой от религии.

Сказка ориентировалась на патриархальное мышление. Современная сказка в одном из своих проявлений является одним из симптомов столкновения религиозного и научного мировоззрения.

Немаловажное обстоятельство: либеральное общество со многими оговорками и с большим нежеланием воспринимает картину мира, которую предлагает ему наука. В этом смысле сказка редуцирует опасность, исходящую от науки, стремится объединить традиционную этику с открытиями ци-

визации, надеждой обезопасить человека как от паники одиночества, так и от угрозы, исходящей извне.

На уровне бытового и социального сознания сказка в современном мире играет традиционную роль связующего звена (безусловно, не единственного) между детской и взрослой культурой. Взаимопроникновение детской и взрослой культур – одна из характерных черт нашего времени. Это подчеркивают и сами авторы современных сказок («Северное сияние» Ф.Пулмана сопровождается подзаголовком «Детская книга для взрослых сердец»). Обнаруживается процесс поколенческой ассимиляции: дети осваивают «взрослые» технологии, взрослые наравне с детьми увлеченно играют в компьютерные игры, основанные на сказках.

Необходимо отметить, что авторская сказка даже в модернизированном варианте непременно опирается на многовековую традицию, развивает мифологические и фольклорные темы, а потому, несомненно, является важной частью культурного наследия.

УТРАТА «ВСЕОБЩЕГО» НАСЛЕДИЯ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА

Стракович Ю.В., ГИИ, г.Москва

Сохранение своего культурного наследия пред лицом многочисленных угроз – потенциального забвения, вытеснения внешними влияниями, физического разрушения и пр. – та важнейшая и сложнейшая задача, с которой сталкивается практически любое общество. Она остается весьма актуальной на протяжении многих веков человеческой истории и, очевидно, не потеряет своего значения и впредь. При этом вступающий в свои права XXI век, помимо традиционных угрожающих культурному наследию опасностей, несет в себе и еще одну – довольно непривычного свойства. Она исходит не столько извне, сколько изнутри самой культуры, являясь естественным следствием происходящих в ней сегодня процессов – процессов, потенциально способных привести к тому, что само понятие «культурного наследия» в том виде, в котором мы его знаем, может попросту перестать существовать.

Под культурным наследием традиционно понимается нечто *объединяющее, общезначимое* – те артефакты, явления, ценности культуры, которые пройдя проверку временем, призванную отделить зерна от плевел, вошли в «сокровищницу», составили золотой культурный фонд человечества, нации или более узкой группы – однако так или иначе *группы, некоей культурной общности*. Сегодня же именно существование культурной общности и оказывается поставлено под вопрос. Несмотря на привычное представление о современном мире как глобальном, фактически существование единой, общезначимой культуры становится сегодня все более проблематичным не только в масштабе всего человечества, но даже в гораздо более узких рамках. Глобальная культура на деле оказывается культурой *фрагментированной*.

В сущности, фрагментация культуры – не есть открытие XXI века. Еще в XX столетии ее провозглашали теоретики постмодернизма, указывая на «ризоматичность», децентрализованность, мозаичность культуры постмодерна. Схожие наблюдения делали и теоретики информационного общества, еще в 1980-х утверждая, что характерная для информационной эпохи демассификация медиа симптоматична и ведет в свою очередь к общей демассификации культуры, к разделению общества на специализированные мини-аудитории практически везде – в политике, религии, множестве областей социальной жизни.

Таким образом, XXI век не породил фрагментированную культуру, однако он усилил тенденции, существовавшие прежде. В результате на данный момент мы можем говорить уже не только о теоретических моделях, провозглашающих культурную фрагментацию, но и о работах, наглядно демонстрирующих, как вчерашние теории укрепляются в статусе неоспоримой реальности сегодняшнего дня. Одной из наиболее известных работ такого рода является «Длинный хвост» К. Андерсона, в которой приводимый автором обширный эмпирический, статистический материал красноречиво свидетельствует о том, что сегодня на смену культуре «общезначимого» действительно приходит нечто иное – максимально специализированная *культура ниш*. В ней человек уже не стремится существовать в том же культурном поле, что и все остальные – невероятное культурное разнообразие провоцирует его создавать собственную нишу, сформированную культурными явлениями, большинству окружающих, быть может, неизвестными, но оптимально подходящими именно ему.

Фактически основания фрагментации культуры Андерсон видит там же, где и теоретики информационного общества – в медиа. Медиа XXI столетия оказываются демассифицированы более, чем когда-либо прежде. Фундаментом их деятельности становится специализация, во многих случаях доведенная до абсолюта феноменом *адресного вещания*, в рамках которого целевая аудитория медиа-потока сужается до одного конкретного потребителя. Адресные медиа, ярким примером которых могут служить интернет-радиостанции подобные Last.fm, по сути дела создают ситуацию, в которой каждый отдельный человек начинает коммуницировать лишь с тем фрагментом культурной реальности, который совпадает с областью его узких, специфических интересов. В результате то, что некогда было общим культурным полем, постепенно размывается и формируются условия, в которых культура становится не столько объединяющим, сколько разделяющим людей началом.

Сегодня влияние централизованных медиа-каналов, равно как и культурных институтов, ориентированных на «всеобщие», «общечеловеческие» культурные ценности все еще достаточно велико. Однако, уже сейчас очевидно, что утрата этого влияния и формирование «узкоспециализированной» культуры в будущем весьма вероятна. Что же произойдет с культурным наследием тогда? Какое содержание будет нести в себе это понятие в мире фрагментированной культуры, фактически – в отсутствие общего культур-

ного опыта? Сопоставим ли вес наследия, связанного со «всеобщим», с суммарным весом наследия множества культурных «ниш», каждая из которых имеет значение лишь для небольшого числа разрозненных индивидов? Кто и как в этих условиях вообще будет что-либо сохранять?

Эти вопросы занимают сегодня многих исследователей, с немалым беспокойством утверждающих: «...базовой культуры больше нет. <...> Мир выстраивается по схеме множественности индивидуальных культурных миров без логических связей и переходов, без смыслообразующих оппозиций».

Смыслообразование – вот то, что может пострадать в отсутствие общего культурного наследия прежде всего. При этом, как верно отмечает М. Кастельс, «отсутствие общего смысла может дать начало широкому распространению процесса взаимного отчуждения людей, когда каждый будет говорить на своем языке, производном от его или ее персонализированного гипертекста».

Данные опасения вполне оправданы и понятны, однако в связи с ними возникает один неизбежный вопрос: чем же является культурное наследие на самом деле? Чем-то подлинно общезначимым, апеллирующим к глубинам, прячущимся в личности каждого, или некоей совокупностью культурных явлений «назначаемых» на роль всеобщих ценностей узким кругом профессионалов, а затем навязываемых в этом качестве остальному обществу? Фактически единственное принципиальное изменение, которое принес с собой XXI век с его системой демассифицированных медиа – невозможность «назначить» культурные ценности, однако в нем по-прежнему существует множество механизмов для того, чтобы к любым ценностям самостоятельно прийти. Если в этих условиях культурный выбор каждого индивида окажется настолько уникальным, что о единой культуре нельзя будет вести речи, не будет ли это значить, что все считавшееся общезначимым долгое время, в действительности никогда не имело общей ценности для всех? Что само понятие «всеобщего» наследия сформировано искусственно, и правы те, кто вслед за В. Кросби утверждает: «Люди не изменились, они всегда были «фрагментированы». Изменяются их привычки в потреблении информации...»? Быть может, для того, чтобы иметь общее культурное наследие, мы действительно слишком различны?

Между тем, люди создавали свои целостные культуры тысячелетиями, из поколения в поколение они их поддерживали, сохраняли, передавали – очевидно, находя для этого некие основания в себе самих. Конечно, это не значит, что опасности, представляемые фрагментированной культурой, не стоит принимать всерьез – сохранение культурного наследия в условиях XXI века, по-видимому, действительно будет требовать новых подходов и немалых усилий. Но в то же время было бы странным полагать, что некоторые, пусть и довольно серьезные, трансформации, происходящие в современном мире, способны превратить в набор разрозненных атомов человечество, пронесшее свое «объединяющее» наследие через века.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Темнухин В.Б., ННГАСУ

Как отмечается в документе ЮНЕСКО 22 С/5, выдающийся памятник мировой литературы «Слово о полку Игоре́ве», имея широкую международную известность и непреходящее значение для становления русской и славянской литератур, продолжает оказывать, наряду с другими величайшими произведениями древних литератур, влияние на мировой литературный процесс, благодаря, главным образом, большой роли заложенным в этом произведении идеям мира и гуманизма. Отсюда вполне очевидно отношение к такому произведению как объекту культурного наследия, требующему всемерного сохранения и, в том числе, мер по созданию его адекватного восприятия в культурной среде современного социума. Однако тот факт, что произведение древней литературы – не музейный экспонат, и его полноценная жизнь возможна лишь при надлежащем, достаточно полнокровном внедрении в современную языковую среду – осознаётся в последнее время довольно слабо.

Примером тому может служить сложившаяся в русской литературе XIX-XX веков традиция прозаических и, особенно, поэтических переводов и переложений «Слова...». Несмотря на их обилие, проблема создания современного произведения, которое давало бы возможность не просто понять древнерусский оригинал, но и полноценно эстетически воспринять его, – эта проблема так и остаётся нерешённой. В чём легко можно убедиться, сравнивая древний текст с его подстрочным переводом и текстами наиболее известных поэтических переложений, рекомендуемых для изучения в общеобразовательной школе.

Анализ показывает, что их текст – это ужасная по смыслу комбинация из древнего и современного русского языков. Ужасная потому, что противоречит и оригиналу, и самой логике.

Между тем, на собственно языковые огрехи накладывается вполне естественная утрата нынешними читателями всей глубины эмоционального восприятия описываемых в «Слове...» событий, неполнота наших представлений об особенностях военно-политической, этнографической и т.д. ситуации того времени.

Кроме того, каждый из переводчиков «Слова...» на современный ему русский язык следует тому или иному литературному направлению или течению, порою недостаточно строго соотнося эстетические требования этих направлений и течений с художественным замыслом древнерусского Автора, что вносит дополнительные искажения в трактовку текста-оригинала.

И, наконец, даже «школьные» издания «Слова...» снабжаются многочисленными и обширными разного рода комментариями, многократно превышающими объём текста самого древнего произведения, отнюдь не улучшая его восприятие, а препятствуя этому, и, в первую очередь, у школьников.

Так стоит ли удивляться, что зачастую в массовом сознании «Слово...» стало восприниматься как нечто отвлечённое, как антиквариат, как образец сухого и пустого академизма, а сам процесс его изучения в школе скорее вызывает отвращение от русской литературы, чем восхищение ею? И не пора ли изменить эту ситуацию, тем более что нынешней России, раздираемой социальными противоречиями, так остро не хватает подлинного единства, которое и является одной из главных тем «Слова...»?

Вот почему с 2004 года в Нижнем Новгороде ведётся работа над созданием принципиально нового стихотворного переложения «Слова о полку Игореве». Переложения, в максимальной степени свободного от недостатков прежних литературных опытов и предназначенного в первую очередь для школьников и лиц, впервые знакомящихся с культурой России.

В качестве промежуточного результата работы это переложение под названием «Каяла» несколько раз (в 2005, 2006 и 2008 году) выходило в свет отдельными изданиями. В 2009 году в рамках этой работы, учитывая рекомендации Нижегородского института развития образования и Министерства образования Нижегородской области, вышла брошюра «Плач Ярославны» с переложением соответствующего отрывка из древнерусского текста. Ознакомиться с перечисленными изданиями можно, в частности, в библиотеке Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета и Нижегородской областной библиотеке им. В.И. Ленина.

Хотелось бы, чтобы эта крайне напряжённая, кропотливая работа не была предана забвению, но получила всестороннюю поддержку ценителей русской культуры, всех заинтересованных кругов как российского общества, так и зарубежья. И, опираясь на неё, была достойно завершена, являя собой реальный пример заботы не только о культурном наследии России, но и о сокровищах мировой литературы в целом.

СИМВОЛИЗМ МЕСТА: ОБЪЕКТЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА

Мерзляков В.Г., ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Современный облик городов во многом отличается от того, каким он был раньше. Но основные характеристики города, такие как выделенность из естественного природного ландшафта, существование вне аграрной сферы производства, сосредоточение в себе функций территориального центра поселений, – продолжают сохраняться.

Особо важно, что город неотделим от своих жителей, благодаря которым осуществляется всё вышеперечисленно, а также формируется особая городская культура. Собственный городской микрокосм.

В городском пространстве возникает общность людей с тесными, пусть даже не всегда явными связями. Все они пропитаны городским образом жизни, они же эту жизнь формируют. Можно сказать, что у города есть тело и душа.

Тело города – его здания, дороги, парки, мосты и вся инфраструктура. К телу города можно отнести и самих людей, которые в нём работают и развивают его.

Душа города – его история и непосредственная жизнь людей. Историю города можно изучить, его внутреннюю организацию тоже. Подобная рефлексия – это своеобразное сознание города.

Однако то, что для нас является обыденными делами и личной жизнью, на сам город воздействует очень опосредованно. Это своеобразное бессознательное города.

Но есть нечто их связывающее, а именно рефлексия и переживание людьми городского пространства, городских мест.

В городах существуют историко-архитектурные памятники, различные монументы, скульптуры – они представляют историческую, художественную и культурную ценность. Но они часто исключены из того личного смыслового пространства, которое формируется в сознании горожан. Не несут символического содержания.

Символом же становится то, что интегрирует индивидуальное, личное и общее, в данном случае это какое-либо место города, его объект. Город существует в физическом пространстве, оно континуально, символическое же пространство может быть разряженным или напряжённым, в зависимости от того, насколько оно связано с человеком. Чем больше эмоций, ассоциаций и воспоминаний, тем оно более плотное.

То, что мы подобным образом выделяем, начинает обладать внутренним содержанием. Мы его носители, но оно проецируется на конкретный объект и место.

Так, например, Нижегородский Кремль можно рассматривать как историко-архитектурный комплекс со своими музеями, но в то же время как место собрания людей, их прогулок, их встреч, свиданий, разговоров, счастья и несчастий.

Таким образом, по типу рефлексии в городе можно выделить объекты исторического значения и объекты смыслового значения. Причём вторые составляют живую ткань городской жизни, представляют всегда настоящее, а не прошлое.

Иногда они могут совпадать, иногда совершенно не пересекаются, но оба совершенно неотделимы от городской среды.

Но первый тип изучается и сохраняется почти всегда, второй же от случая к случаю: только если входит в городскую мифологию, связан с биографией известной личности и имеет достаточный потенциал сохранности.

Но людей много и у каждого есть какие-то свои значимые места.

Подобные места являются осязаемым духом города, но он воплощается лишь тогда, когда известно то, что связано с местом. Есть места, представляющие символическую ценность для одного-двух людей, а есть места, которые значимы для тысяч. Но для кого как – неизвестно.

Между тем современному человеку во многом свойственно отчуждение от реальности и других людей, незнание того, что его окружает. Частич-

но отсюда многие внутриличностные конфликты, пренебрежения к людям, к окружающим предметам и среде.

Наличие значимых мест создаёт то, за что можно зацепиться в меняющемся мире. Знание города и его культуры помогает адаптироваться к его ритму и сложности, одновременно не потеряв себя и даже развив.

Таким образом, можно выявить культуру города и способствовать инкультурации в его пространство, если сделать объекты смыслового значения не замкнутыми в себе вещами, а открытым текстом.

Если раньше пространство городов для жителей было сакрализовано, то сейчас оно десакрализовано, и на первый план в восприятии людей выходит его символизация, приписывание смыслов, романтизация в рамках урбанизма.

Логическим завершением этого процесса видится осознание города как гипертекста и фиксирование его изменчивых состояний, а восприятие (в данном случае городских мест) тоже может считаться частью культурного наследия.

Во-первых, ценность подобного отношения к среде включает в себе не только возможности адаптации, равно социальной и культурной, возможность ретранслирования и развития культуры настоящего в будущее, но и новый потенциал научного изучения жизни города и процессов в нём происходящих. Изучение не только с позиций описания и семиотического анализа объектов, но и изучение более глубоких процессов в культуре и обществе путём введения различного рода пунктов стратификации, наподобие возраста, религии, материального достатка, образования и др., что может дать интересные результаты.

Объекты же имеющие наибольшую смысловую значимость могут приобрести и таковую музейную.

Во-вторых, на практике, например, так же возможно не только через проведение опросов по типу «какие места являются для вас особо значимыми» и их последующий анализ и обобщение, но и построение адекватного отражения символического пространства, что можно достичь через виртуальность.

Так, например, сейчас уже существуют карты, которые представляют собой не только топографию, но и визуальное представление мест. Это фотографии, сделанные простыми людьми и привязанные гиперссылкой к точке на карте. Точно так же можно поступить с нашими воспоминаниями и ассоциациями, дополнив описание конкретного места текстом личного характера.

Сторонний человек сможет прочесть этот текст, и место для него хоть на какую-то долю тоже приобретёт значимость, следовательно одним знакомым местом станет больше, пространство станет более наполненным и менее одиноким.

Кроме того, можно пойти от обратного, а именно узнать все места значимые для конкретной личности. Музеифицированными становятся места, в которых останавливались или через которые проходил маршрут известных личностей, но часто приходится изучить огромное количество архивных ма-

териалов, чтобы их точно выявить. Сейчас же дать собственное описание своих мест и своих маршрутов потенциально может дать каждый человек, и это общедоступно. Какой-то человек может стать или уже быть значимой личностью для общества и культуры, жизнь же другого может быть интересна близким, друзьям, потомкам, как нечто уникальное, либо как часть целого.

Дело остаётся за малым – лишь создать такую среду, через которую подобное может осуществиться.

ФЕНОМЕН ЛЭНД-АРТА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ФЕСТИВАЛЯ «АРХСТОЯНИЕ» 2009

Шилина И.Н., ГХИ ННГАСУ

В начале XXI века, в эпоху идеологической нестабильности и экологических угроз, идея гармоничного универсума представляется особенно значимой. Слияние человека и природы, постижение её эстетического совершенства – мироздания есть путь к постижению идеи гармонии, нахождение которой возможно не только во внешних образах, но и во внутреннем мире души. Эта закономерность поиска гармоничного взаимоотношения между природой и человеком нашла отражение в современном течении искусства – лэнд-арте, что в переводе с английского *land art* означает «земляное искусство». Оно возникло в 60-х годах XX века и содержит в себе характерные черты мироощущения постмодернизма.

Цели лэнд-арта – решение проблемы преобразования природы и включения её в контекст культуры, поиск духовной связи между человеком и природой, отражают потребность современного общества в подобном искусстве. Это особенно важно становится в эпоху переживания глобального кризиса в отношениях человека и природы.

В России лэнд-арт находит свое развитие намного позже, лишь к началу XXI века. Это связано в первую очередь с тем, что в России проблема экологического кризиса встала остро сравнительно недавно.

Одним из первых художников лэнд-арта является Николай Полисский. Именно он вывел «искусство земли» в России за рамки локальных работ одного человека. С 2006 года художник организывает ежегодный фестиваль «Архстояние» в деревне Никола-Ленивец Калужской области. История культурного освоения этой деревни началась много лет назад, когда Николай Полисский и архитектор Василий Щетинин с помощью местных крестьян начали возводить огромные башни, маяки и зиккураты из лозы и сена, придерживаясь при создании арт-объектов концепции лэнд-арта. Объекты стали пользоваться популярностью, и на этой территории стал регулярно, 2 раза в год, проводиться фестиваль лэнд-арта. Сначала осваивали поверхность земли, потом, летом 2008 года, фестиваль с темой «Ноев ковчег» переместился на воды реки Угры. Зимой 2009 года главным событием фестиваля стала величественная «Огонь-баба» – горящая масленичная скульптура. Логичным развитием кураторской идеи стала тема лета 2009 года – «Вне земли», то есть ос-

воение возможностей воздуха, света, цвета, звуков, силовых эффектов, проекций и медийных технологий.

Приглашенные французские гости, бюро ландшафтных архитекторов Atelier 710, представили проект Lenivets [lab]scape. Как следует из названия, это своеобразный проект ландшафтной лаборатории. Создавая новый пейзаж, Atelier 710 строго придерживались экологических принципов, отказываясь от внедрений чужеродных систем и развития места при помощи губительных урбанистических приемов. В рамках проекта по примеру английского парка XVIII века были прорежены местные леса, разбиты регулярные аллеи, а из оставшегося сена, веток, досок и опилок организованы всевозможные павильончики, боскеты, скамейки, шезлонги и мостики. Одними из интересных элементов стали посадка гречишного поля, в целях того, что злаки помогут восстановить почву и привнесение в данный пейзаж стада коров потому, что пастбищное животноводство до сих пор является вполне перспективной отраслью сельского хозяйства для данной местности.

Подобную акцию можно охарактеризовать как экологическую. А вот к лэнд-арту, каким он является в чистом виде зарубежом, она отношение имеет небольшое. Так как обычно художник лэнд-арта не трансформирует окружающую среду, даже в целях её оздоровления, а стремиться создать произведение искусства, слитое уже с имеющимся ландшафтом, заставляя стать частью природы. Его цель не менять, а заставить людей после созерцания работы художника самим изменить окружающую среду. Поэтому авторы произведений «искусства земли» иногда даже умышленно сохраняют урбанистический пейзаж, усиливая противопоставление гармонии природы безудержной мощи и давлению технократической цивилизации.

Другим не типичным объектом фестиваля для концепции зарубежного лэнд-арта является арт-объект «Ротонда» архитектора Александра Бродского. «Ротонда» со множеством разнокалиберных старых дверей из разрушенных домов по периметру – это синтез классической архитектурной формы и воспоминаний о коммунальной квартире и творчестве неофициального советского художника Михаила Рогинского. Внутри она представляет собой двухсветное пространство высотой 6 м, опоясанное галереей с окнами, и с выходом на «крышу» – открытую смотровую площадку, которая предназначена для любования природой. Таким образом, объект состоит из деревянных оконных рам и дверей, которые можно рассматривать как носители природного материала. Но он не был взят из естественной среды, а имеет определенную степень обработки человеком. Что противоречит основной концепции лэнд-арта, так как для своих работ художники обычно используют природные материалы: прутья и ветки, листья, камни, снег и лед, различные растения, т.е. все, что дает сама природа в первозданном виде.

В проекте архитектора Оскара Мадера «Механический лес» так же используются нехарактерные для лэнд-арта материалы, но он более близок к основной концепции «земляного искусства». Вершины деревьев в одной из точек парка приводятся в планомерное движение, т.е. синхронно и в заданном ритме, подвешенным в центре гидравлическим поршнем. Этот проект

сложно назвать традиционным «объектом» – это, скорее, пространственный образ без привнесения «новой материи». Объектом внимания в данном случае становится пустота, организованная качающимися деревьями. Зрителю предлагалось задуматься, как соединить цивилизованную жизнь с естественной, не жертвуя при этом ни комфортом, ни экологией.

Работа же самого организатора фестиваля «Архстояние.2009» Николая Полисского нельзя назвать свойственной зарубежному лэнд-арту. Художник переделал свою прежнюю работу «Вавилонскую башню», которая покосилась от ураганного ветра и превратилась в ходе реставрации в «никола-ленивецкую Пизанскую башню». И внутри нее летом 2009 года расположилась «Гиперболоидная градирня». Обычно художники не реставрируют и не поддерживают жизнь своих работ искусственно, считая что «природа олицетворяет состояние трансформации, и эта трансформация является ключом к пониманию» лэнд-арта. Что делает проекты эфемерными, а срок их жизни зависящими только от природы.

Градирня – это воздухоохладительная башня, неотъемлемый элемент урбанистического техногенного пейзажа с трубами и паром, затягивающим небо. Образ дымящейся градирни стал символом технологических достижений человека. Это рукотворный вулкан, опорная точка любого завода, электростанции, реактора. Возможно поэтому громадная, 15-метровой высоты, плетеная из лозы и веток башня Полисского, содержит внутри и дымоход. Программой фестиваля «Архстояние» предусматривалось, что с наступлением сумерек градирня начнет извергать в небо языки пламени и клубы дыма, предлагая зрителям задуматься о грани между первозданностью природы и стремлении человека ее поработить. Несомненно, факт оснащения арт-объектов подобными спецэффектами выходит за рамки концепции лэнд-арта. Превращая свои работы в часть шоу, художники сближают их больше с концептуальным искусством.

Из выше проанализированных работ можно сделать вывод, что в России феномен лэнд-арта переработан и переосмыслен самобытно. Да и проведение самого фестиваля намного отличается от подобных аналогов зарубежом. Одним из самых масштабных и известных фестивалей лэнд-арта является фестиваль на базе Мюритского национального парка, где произведения «искусства земли» слились с природой, ставь частью нее, что человек созерцает, совершая непринужденную прогулку по парку. В противоположность этому в России «Архстояние» представляет собой некие массовые гуляния с практически спланированной программой открытия и посещения художественных объектов. При этом массовость всего происходящего возможно становится помехой поиска самого главного – единения с природой. Но подобные фестивали как в России, так и за рубежом приносят колоссальную пользу. Современное искусство становятся немаловажной статьей дохода мест проведения фестиваля, делая его туристически привлекательным. Интернациональные совместные действия художников должны ко всему прочему повысить ответственность человека перед природой. Через приобщение к этому местных жителей распространяется философия «искусства земли» –

таким образом, возникает социальное художественное творчество. Что влечет за собой доступность и популяризацию данного течения в искусстве.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО КОСТЮМА

Сироткина А. А., г.Нижний Новгород

Каждая эпоха характеризуется определенным состоянием культуры, получающим свое образное выражение в костюме. Одежда человека – это не только оболочка, внешний признак или случайное, несущественное добавление: она в гораздо большей степени, чем остальное вещественное окружение людей (дом, квартира, мебель, предметы обихода), представляет собой непосредственный символ их индивидуального сосуществования, существования определенной группы, целой нации или целой эпохи. Религия, искусство, философские учения влияют на людскую внешность, а по ней мы всегда можем создать себе представление об этих культурных двигателях в известную эпоху.

В допетровской Руси были созданы неповторимые и своеобразные одежды боярства. Богатство и спесь, чванливость и презрение к «работным» людям, размерный и незыблемый уклад жизни создали свои понятия красоты костюма и облекли его в своеобразную форму. Так родились длинные шубы, подбитые мехом и крытые тяжелыми и негнущимися тканями, длинные, спускающиеся до пола рукава, высокие шапки. Стремление Петра приблизить Россию к европейскому уровню развития промышленности проявилось и в костюмных реформах. На смену неподвижной и неповоротливой одежде, символизирующей отсталую Россию, пришел удобный и сравнительно простой европейский костюм.

Костюм русского купечества хранил до последнего дня своего существования традиции допетровской старины: длиннополую суконную одежду, подстриженные в скобку волосы. Купчихам, чтобы не смешивались с другими людьми дворянского звания, строго запрещалось носить кринолины, и они рядились в торчащие без помощи каркасов ткани, покрывались пестрыми «купеческими шальями». Шали, рисунки которых имели социальное лицо, были купеческие, дворянские, деревенские. Даже носовые платки разделялись по чинам и званиям: кружевной или тонкого батиста – дворянский, фуляровый и клетчатый – для чиновников, бумажный цветной – для мещан.

Если исторический костюм – это правдивое зеркало прошлого, то неотъемлемым дополнением к нему служит современная одежда. Большие и малые события в мире, стране, направления в искусстве, литературные течения, отдельные произведения, прогресс транспорта – все это отражается на форме костюма. Костюм мгновенно реагирует на события в жизни народа, на смену эстетических идеологических течений в духовной сфере. В изменениях костюма раскрывается глубинная сущность человека. Преобразуя действительность, человек как биосоциальная система развивает и свои собственные силы, качества, способности. Причем, развитые способности человека как

деятеля не остаются замкнутыми в нем самом, но, будучи вызванным на свет процессом деятельности, выявляются и реализуются в ней. Способность, сила, которая не функционирует, не есть способность. Поэтому, реальное бытие творческие способности человека обретают лишь в предметной деятельности, в предметных формах социальной жизни.

Большую роль в социальной презентации человека играет одежда – одна из предметных форм социальной жизни. Она выступает как средство общения, как инструмент воздействия на поведение и отношение к ее обладателю других людей. До настоящего времени, чтобы соответствовать обстоятельствам – «быть ко двору» человек должен был несколько раз переодеваться в течение дня: для визитов, для прогулок, для театра. То, сейчас человек, вовлеченный в борьбу за существование, живущий в стране, где врожденная болезнь капитализма – кризис, где экономическая система, заведомо не рассчитанная на интересы рабочих, крестьян, людей науки, где система насквозь паразитарная, базирующаяся на выкачивании и растрате ресурсов и не способная обеспечить полноценное развитие промышленности, социальной сферы, науки, культуры, не может часто и разорительно менять гардероб. Поэтому, носят одежду, не деля ее на стили, диффузно.

Основные детали костюма современного человека, как мужчины, так и женщины, – джинсы «полинявшего» цвета или брюки, майки, футболки, рубашки, пиджаки, жакеты, пуловеры, куртки, обувь мягкая удобная, на невысоком каблуке, то есть потребности просты до предела.

Главное – не затрудняет движений и сохраняет какую – то элегантность. Уметь одеваться – это уметь творить. «Творить по законам красоты – это значит творить по мере предмета и по мере человека. Нарушение этой гармонии мер порождает уродливые, безобразные предметы...» – то, что мы и наблюдаем. «...Прекрасен тот предмет, который объективно (независимо от нашего сознания, от нашей оценки) соответствует мере своего рода (совершенен в своем роде) и мере человека (совершенен с точки зрения ГАРМОНИИ с человеком): прекрасен тот костюм который

а) сделан в соответствии с мерой данного рода костюма,

б) мерой человека (его анатомией, его социальными качествами и пр.)»

(Зеленов Л. А.. Мера человека. – Нижний Новгород, 2009. – С.112)

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ОСОБАЯ НЕФОРМАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Горшкова Г.Б., ГХИ ННГАСУ

Одна из проблем нравственности, встающих перед педагогом, – это проблема молодежной субкультуры, которая включает в себя мощный пласт сознания и поведения молодых людей, моральные нормы и ориентиры которых изучены слабо и оцениваются не всегда точно. А ведь именно в молодежной среде закладываются и формируются моральные нормы и ценности,

составляющие основы того отношения к жизни, другим людям, которое в будущем определит лицо мира.

Постоянно общаясь с молодежью, педагог обязан, хотя бы в общих чертах, иметь представление о том, что такое молодежная субкультура, из чего и как она строится.

Термин *субкультура* существует для выделения в общей системе материальных и духовных ценностей устойчивых совокупностей моральных норм, ритуалов, особенностей внешнего вида, языка (сленга), характерных для отдельных групп, которые осознают и, как правило, культивируют свою обособленность. Определяющий признак субкультуры – установка на создание собственных ценностей, отличающихся и отличающих «своих» от «чужих» по внешним, формальным признакам (покрою одежды, прическе, «фенечкам», любимой музыке).

Как самостоятельный феномен, молодежная субкультура зарождается в конце 40-х гг. (с появлением битничества), но свое победное шествие на Западе ведет со студенческой революции 1968 г., лозунгом которой была борьба за права молодежи. На ее гребне оказались некоторые культурные феномены, в частности, такой вид музыкального искусства, как рок-музыка, которые формировались и распространялись по преимуществу в молодежной среде.

Естественно, что каждое поколение стремится заявить о себе, выделиться из ряда предшественников, находя себе название. В XX в. это стремление приобрело характер эпидемии.

Начало ей положило «потерянное поколение» – молодые люди, пережившие первую мировую войну (об их судьбах писали Э.М.Ремарк, Э.Хемингуэй). *Битники* занимают в этом ряду особое положение.

На волне рок-культуры, сексуальной и психоделической «революций» сформировалась особая молодежная субкультура, ставшая своеобразным протестом против бессмысленности существования и жестокости мира с его войнами и насилием – движение *хиппи*, породившее свою культуру и мораль для целого поколения молодых людей 60-70-х гг.

В 70-е гг. появляются *панки* – грязные и злые дети рабочих кварталов. На смену марихуане и ЛСД панки принесли героин и амфетамины. Их лозунг- «Неудача – лучший успех».

90-е гг. стали в Европе и Америке эпохой «поколения икс». Жизненный и моральный принцип «иксеров» – отсутствие всякого интереса к карьере и жизненным перспективам, демонстративный отказ от бытового комфорта, в интимных отношениях – «свободная любовь»; в жизненных целях – сочетание иронии по отношению к обществу с беспомощностью перед ним, полное отсутствие протеста, сочетающееся с неприятием всяких ценностей.

На смену иксерам пришли *рейверы*. Рейв, как и панк, пришел из рабочих кварталов Англии. Только вместо «травки» в обиход вошли «экстази» и сильные наркотики.

В настоящее время мы наблюдаем культуру *хип-хоп*. Хип –хоп родился, как противовес насилию, наркотикам, всякой грязи. Изначально это пози-

тивная культура. Человек пытается уйти от обыденности жизни, которая подавляет в нем всякое желание развиваться. А хип-хоп дает ему шанс выразить себя в творчестве (граффити, брейкданс).

Существуют и другие тенденции в молодежной субкультуре, особенно у более «продвинутой», взрослой молодежи. Это, как правило, энергичные, амбициозные, вполне свободные люди, ищущие себя в новых общественных координатах. Их волнуют Интернет, дзен, наркотики, самоидентификация. Это новое «компьютерно-интернетное» поколение («Generacja @»). Жизнь воспринимается ими как досадная обуза. Скука, пустота, стремление к смерти характеризуют их существование. Отсюда и неприятие реальности, неприязнь к своему времени. Им кажется, что вокруг царит уродство и безобразие, что интересных и хороших людей нет. Поэтому ненависть и презрение становятся лейтмотивом отношения к окружающему миру. Этот негативизм носит анархический характер. В нем – стремление к полной идеологической независимости, ибо идеи закрепощают. Это инфантильное стремление к свободе «от».

К началу третьего тысячелетия в мире скопилось столько фикций и лжи, что молодым людям трудно найти что-либо подлинное в океане пустых банальностей и идеологем. Однако эти идеологемы могут быть опасны, о чем свидетельствуют тенденции проявления молодежного сознания и поисков некоторой частью молодых людей моральных ценностей и ориентиров, в частности, обращение к реакционным фашистским идеалам. К новому асоциальному поколению относят *скинхедов*. Для этих молодых людей характерен полный разрыв с нравственными традициями, с моральными ценностями и установками. Они аморальны, примитивны в своих запросах, озлоблены, зачастую неграмотны. Отсюда их агрессивный национализм, ибо давно доказано, что источником ненависти к иным народам является необразованность и бескультурие.

Молодежная субкультура есть искаженное зеркало взрослого мира вещей, отношений и ценностей. Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в большом обществе не приходится, тем более, что культурный уровень других возрастных и социально-демографических групп населения России также постоянно снижается. В этих условиях и разворачивается настоящая битва молодежи с обществом, не желающим решать ее проблемы и принимать ее такой, какая она есть.

Что же дают молодежи объединения?

Главной функцией любого объединения, будь то самодеятельное движение или контркультурная неформальная группа, является одна – стремление к самореализации, субъектному воплощению (другими словами, чем-то оправдать своё пребывание в этом мире). Если у молодого человека в 14-17 лет социализация состоит прежде всего в огульном отрицании социума (в этом и кризис социализации), то у молодёжи постарше главенствует ориентация на определённые социально значимые цели. Но и для тех, и для других деятельность носит самоценный характер общения с единомышленника-

ми, построенного на взаимопонимании и взаимодововерии, а именно этих качеств многим молодым в жизни не хватает.

Не менее важна компенсаторная функция. В учебном (трудовом) коллективе, даже в семье личность нередко чувствует себя замкнутой, стеснённой рамками обязанностей и социальных ожиданий, зависимой от преподавателя, родителей или начальника. В этом случае участие в деятельности (особенно неформальной) самодеятельной группы компенсирует отсутствие личной независимости и свободы в традиционных структурах. Другое дело, что человек останется в зависимости от вожака, лидера, определённых правил поведения в новой для него общности, то есть независимость может быть мнимой, относительной.

Важной частью мировосприятия молодых людей становится снижение авторитета знания и науки в целом, поскольку они знают, что труд «интеллектуальности» оплачивается ниже, чем труд других слоев общества. Это произошло во многом из-за устойчивого стереотипа невостребованности знаний, низкого престижа интеллектуального и высококвалифицированного труда в системе экономических отношений.

Задачей современного исследования молодёжной субкультуры должен быть в первую очередь отказ от негативистских предубеждений и дифференцированный подход к оценке деятельности современных формальных и неформальных молодёжных объединений.

Если народ имеет то правительство, которое он заслуживает, то народ и правительство имеют дело с той молодёжью, которую они сами воспитывают – любое проявление невнимания к молодёжным проблемам способно, возвращаясь, подобно бумерангу, создать ещё большие проблемы для настоящего и будущего общества.

Общая причина образования молодёжных субкультур – недовольство жизнью, а в социологическом аспекте – кризис общества, неспособность его ответить базовым потребностям молодёжи в процессе её социализации.

СЕКЦИЯ 2. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО 1930-Х ГОДОВ

Сошнева А.А., ГХИ ННГАСУ

Передовое советское социалистическое искусство являлось мощным орудием воздействия на сознание трудящихся. Эта роль каждого советского театра была неразрывно связана с тем, что, отражая в якобы правдивых и реалистических образах «действительность» в её революционном развитии, он утверждал передовые идеи коммунизма и строительства социализма. Тем самым, на театры, как и на другие виды искусства, государство продолжает накладывать всё новые и новые прикладные функции, в 1930-е годы – это пропаганда сталинских пятилеток.

Писатель в 1930-е годы стал ресурсом власти, и поэтому Сталин относился к художественной литературе совершенно так же, как и к промышленности, экономике, и к военным вооружениям. Советский тип художника начинал размышлять не о жизни как таковой, а об её социально-историческом аспекте. Литература в переходный период должна была играть едва ли не основную роль вместе с классикой, утверждавшей идеалы свободы и красоты. Тем самым, всего за несколько лет создаётся драматургия, разрабатывающая новые темы, выдвинувшая новых героев и новые конфликты. Главными темами произведений начала 1930-х годов стали темы социалистического наступления, самоотверженного труда народа, направленного на выполнение и перевыполнение планов первых пятилеток, проведение коллективизации в деревне и патриотизм советского народа в борьбе с буржуазными и идеологическими врагами.

Административная система управления искусством уже в начале 1930-х годов попыталась создать видимость объективности оценок, выносимых по поводу произведений искусств, придав этим оценкам черты коллегиальности. Например, критериями качеств результатов труда творческих театральных коллективов объявлялось «одобрение постановки художественно-идеологическим руководством». А поскольку это руководство было построено по пирамидальной схеме, то коллегиальность сводилась к единодушной поддержке точки зрения, высказанной лицом, в данной коллегии старшим по должности. Присвоив себе право выносить окончательные суждения об идейно-эстетических достоинствах произведений искусств, система управления, как показала дальнейшая история, пользовалась этим правом весьма активно.

Руководители театра понимали, что финансовое благополучие сценического коллектива может быть обеспечено только за счёт гарантированного сбыта их продукции – билетов на спектакли. Этому должна была послужить найденная в конце 1920-х годов идея – сделать ставку на организованного зрителя, то есть создать систему принудительной реализации билетов вне зависимости от реального спроса на театральные спектакли.

На протяжении многих лет РАПП считалась «проводником партийной линии в литературе», причём сама партия поставила эту организацию в исключительное, командное положение. С самого начала своего существования РАПП имела одно принципиальное отличие от своего предшественника Пролеткульта. Пролеткультовцы боролись за автономию от государства, за полную самостоятельность и независимость от каких бы то ни было властных структур, находились в явной оппозиции к советскому правительству и Наркомпросу, за что и были разгромлены. Рапповцы учли их опыт и провозгласили главным принципом своей деятельности строгое следование партийной линии, борьбу за партийность литературы, за внедрение партийной идеологии в массы.

Очень скоро структура управления культурной жизнью, основанная на пирамиде республиканского масштаба, перестала удовлетворять потребности командно-административной системы, стремящейся к высшему уровню цен-

трализации власти. Эта последняя задача стала восприниматься как приоритетная по сравнению с необходимостью обеспечить свободное культурное развитие народов, входящих в СССР. И в январе 1936 года ЦИК и Совнарком СССР принимают решение «Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР». Эта организация надолго, почти до 1990-х годов, определила структуру управления искусством. С течением времени менялись лишь формы и методы регулирования культурной жизни.

В 1934 году был провозглашен новый всеобщий метод для советского искусства – метод социалистического реализма. Сущность соцреализма – жизненная правда, выраженная в художественных образах, раскрывающая позиции коммунистического мировоззрения, которое позволяет художникам осознать исторический смысл изображаемых явлений и правдиво отразить в искусстве не только настоящее и прошлое, но и тенденции общественного развития. Одной из важнейших особенностей произведений социалистического реализма являлось новое раскрытие роли труда – как великого средства преобразования мира, осуществляя которое, человек преобразует и самого себя, перестраивает своё сознание, своё отношение к миру, утверждая нормы новой, социалистической этики.

Ярко выраженная агитационность литературы соцреализма проявлялась в заметной заданности сюжета, композиции, часто альтернативной (свои/враги), в явной заботе автора о доступности его художественной проповеди, то есть некоторой прагматичности. Принцип идеализации реальности, лежащий в основе метода, был главной установкой Сталина. Литература должна была поднимать дух людей, создавать атмосферу ожидания «счастливой жизни».

Так же 6 сентября 1936 года ЦИК СССР принял постановление об учреждении звания Народного артиста СССР для наиболее выдающихся деятелей искусств народов СССР, особо отличившихся в деле развития советского театра, музыки и кино. В числе первых, получивших это почётное звание, были ведущие мастера советского театра: К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, И.М. Москвин, В.И. Качалов, Е.П. Корчагина-Александровская, Б.В. Щукин, П.К. Саксаганский, А.А. Хорова, А.А. Васадзе. 20 декабря 1939 года СНК Союза ССР в связи с шестидесятилетием И.В. Сталина вынес постановление учредить премии имени Сталина, ежегодно присуждаемые деятелям науки и искусства за выдающиеся работы.

Важные уточнения в культурную политику, проводимую партийно-государственным аппаратом, вносит XVI съезд партии, на котором Сталин заявил, что «общая атмосфера обострения классово-борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений». Поэтому заметно расширялась сфера необходимого вмешательства государства и в театральном деле. Опубликовал Сталин на съезде и свою программу культурного строительства: «Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, – сказал он, – чтобы создать условия для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всём мире и со-

циализм войдёт в быт, – в этом именно и состоит диалектичность постановки вопроса о национальной культуре».

Кроме попыток реализовать тезис вождя о слиянии национальных культур в общую социалистическую, органы руководства искусством включаются в санкционированные на самом высоком уровне поиски «врагов».

В 1930-е годы, годы первых пятилеток, утверждалась система управления, ориентированная главным образом на «объективные», то есть количественные показатели. Валовый подход захлестнул все сферы народного хозяйства, в том числе и сферу культуры. Начинается бурная деятельность по созданию «сверху», директивным образом, новых сценических коллективов. Поэтому в новых условиях главным становится не существо дела, а эффективный отчёт, свидетельствующих об успехах проводимых мер и действий. Примером этого служит статистика, показывающая, что в 1918 году на территории России было 250 театров, а на начало 1934 года только в РСФСР работали 325 театров. К концу же второй пятилетки (1937 год) в республике планировалось иметь уже 584 театра.

Все эти исторические, культурные, промышленные и хозяйственные изменения в жизни страны имели своё отражение на театральной сцене всего Советского Союза. Для такой масштабной пропаганды коммунистических и социалистических идей в кратчайшие сроки в сфере пролетариата, требовался жёсткий и всеобщий контроль над всеми сферами культурной жизни страны. Театр стал одним из ведущих «проводников» этих идей в народ.

СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА 1920-1930-Х ГГ.

Рябова А. Б., ГИИ, г.Москва

Интерес к советской детской книге складывается из того, что новый этап развития детской книги показывает, как тесно связано направление в искусстве и его производственные приемы с новой идеологией, создавшей «новую» книгу, и как новое искусство, порожденное новыми экономическими процессами, наделяет детскую книгу формами, адекватными новому миропониманию.

Формально советская детская книга появилась в 1919 году в Госиздате. Еще за год до основания Госиздата издательский отдел ВЦИК включил в свой производственный план небольшую серию детской литературы. По договору с издательским отделом литературная комиссия при педагогическом учреждении «Наш дом» взялась отредактировать и подготовить к печати ряд детских книг, преимущественно старых авторов («Конек-Горбунок» Ершова, «Пер-счастливчик» Андерсена, «Русские народные песни», сборники «Зайка», «Мишка» и др.). Часть этих книг была выпущена издательским отделом в 1919 году, остальные достались в наследство Госиздату и вышли в свет в 1920 году. В некоторых книжках уже можно увидеть марку Госиздата, между тем как на ранее отпечатанном титуле еще значится – Изд. отд. ВЦИК.

Если советская детская книга официально стала издаваться с 1919 года, это не означает, что до этого детской книги не было вообще.

Само понятие «детская книга» как явление художественного порядка сложилось в России только в начале XX века. Сложилось в эпоху возникновения интереса к наивному, примитивному искусству, к народному лубку, игрушкам, детским рисункам. Начало этому положила выставка «Искусство в жизни ребенка», устроенная в 1908 году в Петербурге по поводу которой А. Бенуа писал: «Какая милая затея. И какая нужная именно у нас, где на детство обращается так мало внимания».

В эти годы начался расцвет русской иллюстрированной детской книги, у истоков которой стояла знаменитая «Азбука в картинках» Александра Бенуа (1904 г.), а вслед за ней целая серия детских изданий.

1920-е годы – эпоха расцвета ленинградской школы книжной графики, основы которой были заложены еще Александром Бенуа и другими петербургскими мастерами «Мира искусства». Искусство книги становится в эти годы одним из ведущих жанров для многих ленинградских художников-графиков. Существует точка зрения, что детская книга для многих художников была местом реализации своих творчества. Мирискусники создавали на страницах детских книг произведения искусства, восхищая своими красочными иллюстрациями; художники начала 1920-х годов использовали детскую книгу для самовыражения, кто-то считал детскую книгу способом бегства от политического и идеологического давления. Но при этом художники стремились не только преобразить собственное художественное видение форму, доступную и привлекательную для ребенка, но – и это особенно важно – естественно внести его в книгу как целостный эстетический объект.

До начала 1930-х годов детская книга обладала особой привлекательностью для нетрадиционного художественного поиска, так как пока партийная критика наносила только точечные удары на отдельных авторов. Пока еще можно на страницах детской книги воплощать свои нереализованные фантазии.

События 1930-х годов, происходившие в стране, сказались на облике и сюжетах детской книжки-картинки и судьбах ее авторов. С конца 1920-х годов волны арестов, «судов» и чудовищных приговоров накатывались на советскую творческую интеллигенцию с неумолимою периодичностью. Тем, кто оставался на свободе, часто приходилось испытывать огромные унижения, отрекаясь от своих опальных друзей и коллег, от собственного мировоззрения и художественной индивидуальности. Детские книги 1930-х годов далеко не всегда были такими, какими их хотели видеть сами художники. «Есть книжки, которых я стыжусь, есть книжки, которые я ненавижу, – писал много позже о своих работах того времени Владимир Конашевич. – Есть даже целый период, которого я бы очень хотел, чтоб не было! Это последние пять лет тридцатых годов, когда я пытался встать на почву «соцреализма»...».

Хотя многие художники детской книги не были политическими оппонентами существовавшего режима и еще в начале 1930-х годов вполне искренне пытались найти компромисс между своим творческим видением и

жестким социальным заказом, монопольно определявшимися теперь государственными чиновниками и идеологами, тем более, что частные издательства (в том числе знаменитая «Радуга») в 1930-е годы были ликвидированы.

По мнению Юрия Молока (искусствоведа, знатока русской книжной и станковой графики): «Детская книга так или иначе отражала свое время, стиснутая со всех сторон жесткими идейными и педагогическими установками, которые утверждали, что воспитание нового советского человека надо начинать с чистого листа. «Никаких Арлекинов, никаких Пьеро!» – внушали издатели художникам. Как писал В. Набоков в конце 30-х годов: «Внутри России действует внешний заказ... Правительственная воля, беспрекословно требующая ласково-литературного отношения к трактору или парашюту, к красноармейцу или полярнику...»

Вот образец прямого социального заказа: «Скоро год как Вы обещали написать нам книгу о выборе профессий для девочек («Кем быть»). Художник Штеренберг каждые три дня спрашивает, написал Маяковский или нет. Неужели Вы хотите, чтобы мы обратились с письмом к девочкам-пионеркам всего союза и рассказали им, как надувает их Маяковский. Вас совесть замучит». Обычное издательское напоминание запоздавшему автору звучит как угроза публичного осуждения поэта, который должен сконструировать детский портрет нового человека. («Пусть меня научат...»).

Но время шло, и внутренне напряжение в стране все более нагнеталось. Сталинской инквизиции нужна была не перемена сюжета и даже не талант художников и поэтов, ее целью было всеобщее и абсолютное подчинение, узурпация самого духа культуры. «Охота на ведьм» продолжалась в советском искусстве не одно десятилетие, а ее методом и предлогом стала «борьба с формализмом».

Художественная индивидуальность становится к концу 1930-х годов сомнительной ценности и уступает место утомительному повторению клише к стандартному набору сюжетов: «дети – военные», «пограничная застава – шпионы», «вожди – счастливое детство» (иллюстрации М. Горшмана к «Колыбельной» Л. Квитко, 1939). «Имперский патриотизм», пришедший на смену «пролетарскому интернационализму», установил новый канон пропагандистской графики – «героический реализм» с его идеализированными образами вождей и «простых, но честных людей», «настоящих патриотов».

Новое советское политическое руководство нуждалось в утопическом проекте, который не был бы отнесен в светлое будущее, а служил бы сакрализацией настоящего – нового имперского периода. Еще во второй половине 1920-х годов педологи призывали к реализму без выкрутасов, потому что считали, что это надо детям.

После всех ударов детская книга утрачивает присуще ей удивительные качества: утонченную эмоциональность, душевную теплоту, чарующую искренность, свежесть и новизну, другими словами, перестает быть полноценным, самостоятельным художественным явлением.

В 20-30-е гг. XX века в России иллюстрированная книга интересовала публику не, чем в наши дни телевидение или интернет. Синтез искусств,

столь характерный для этого периода, немислим без важнейшего коммуникационного элемента художественной среды – печатной книги. Культура книги для творческой интеллигенции становится почти культом, книга превращается в самоценный художественный объект, в актуальный способ самовыражения – для поэта, и для художника. Пережив все невзгоды и потери, детская книга получила свое признание, прочно закрепив за собой звание «золотого века» книжки-картинки.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В БАРДОВСКОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

У Цзя-цин, РГГУ, г. Москва

Проблема памяти давно исследуется в физиологии, в которой память выступает как одна из главнейших функций мозга человека. Однако недавно к ней стали обращаться и в гуманитарных науках (включая трактовки Ю.М. Лотмана, коллективную память М. Хальбвакса, а также «культурную память» Ян Ассмана). Хотя исследователи объясняют память человека по-разному, в основном они обращают внимание на коллективную память человека, которая объясняется им сохранением, распространением и развитием любого культурного явления или любой цивилизации.

В частности, немецкий египтолог Ян Ассман в своей работе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (2004) подробно обосновывает теорию культурной памяти. По его словам, коммуникативная память формируется в отрасли «повседневности», а культурная память, включая в себя коммуникативную память, принадлежит к «празднику». Сохраняясь посредством литературного текста и обрядов, культурная память формируется и зависит от того, когда эти посредники канонизируются; вместе с тем, одной из функций культурной памяти является формирование идентичности.

Бардовское движение как культурное явление, состоящее из самих бардов, их песен и аудитории, возникло в середине прошлого столетия. Кроме влияния более открытой общественной атмосферы периода «оттепели», возникновение бардовского движения еще обуславливается имманентными причинами. Наиболее важным является то, что бардовское движение выступает как коллективный поиск прошлого, который особенно выражается в тексте и подтексте бардовской песни. В ней, выступающей своего рода носителем культурной памяти, сохраняется память о прошлом, о детстве и юности, о большом терроре, о войне, в том числе повседневной жизни заключенных. Между прочим, стремление бардов, их манера исполнения, а также интимная атмосфера, которую создавали барды совместно со слушателями, – все аспекты показывают отличие от тогдашней массовой песни, господствующей советской культуры и идеологии, и сохраняются в культуре повседневности.

В настоящее время бардовское движение не случайно стало культурной памятью о недавнем прошлом, ее носитель – канонизируется. Несмотря на то, что в советское время большинству из бардов не разрешали публиковать полный текст песен, а также власти вмешивались в устройство концертов, однако, благодаря тогдашнему «самиздату», «тамиздату» и «магнитиздату» (распространению записей при помощи магнитофона) удавалось сохранить тексты бардовской песни. Носителем культурной памяти о бардовском движении сегодня стали легкодоступный сборник песен и диск, в которые вписана коммуникативная память об обыденной жизни прошлого. Благодаря развитию информационной техники в неиссякаемых Интернет-ресурсах также нетрудно найти все формы бардовских произведений.

Кроме «письменного текста», «обряд» в бардовском движении тоже представляет собой ключевую часть формирования коммуникативной и культурной памяти. В связи с новой жилищной политикой периода «оттепели» сбор друзей в отдельной собственной квартире и «кухонный концерт» стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Так складывался концерт бардовской песни, который выступал не как специальное, профессиональное представление, а, скорее, как беседа со своими единомышленниками. Что касается нынешней ситуации, по всей стране уже регулярно проходят концерты, фестивали и юбилеи знаменитых бардов. В данный момент среди таких фестивалей наиболее масштабным и традиционным является фестиваль авторской песни им. В. Грушина, который ежегодно проводится летом в Самаре.

Бардовское движение, формирующее свою коммуникативную память в прошлом, ныне стало культурной памятью о прошлом. Хотя после распада Советского союза бардовское движение еще продолжает существовать и развиваться, современные общественно-политические условия России, в том числе коммерческое давление, более или менее воздействуют на стремления бардов, их творчество, вкус аудитории, а также придают альтернативное значение фестивалю. Но, в общем, бардовское движение имеет большое значение в истории русской культуры. В тех, кто непрерывно поддерживает эту культурную память и выражает идентичность русской традиционной культуры, содержатся черты русского менталитета, то есть солидность, добродушие, а также смелость высказываний.

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО ПОСЛЕВОЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ МОСКВЫ

Малахова Ю.В., ГИИ, г. Москва

С 1944 года начался рост жилищного строительства в Москве. Присущее этому времени стремление запечатлеть в монументальных образах архитектуры победу советского народа над фашизмом зачастую приводило к декоративной перегрузке композиций зданий и сооружений, причем иногда в жертву идее триумфальности архитекторы приносили требования целесообразности. Но такова была государственная установка. Задача выразить «чув-

ство всенародного единства, великой дружбы наших народов, чувство свободной жизни и труда... в архитектуре жилых домов...» предполагала многословность.

25 апреля 1950 года «Советское искусство» указывало: «Стремясь воплотить в архитектурных сооружениях величие идей Сталинской эпохи, советские зодчие используют все средства художественной выразительности. Широкое распространение получают орнамент, рельеф, разнообразнее становится цветовое оформление дома. Иллюстрацией развития этих тенденций в жилищном строительстве Столицы может служить ряд жилых домов, сооруженных в прошлом году... В архитектуре этих зданий заложено единое начало – Сталинская забота о человеке, стремление наиболее полно ответить на растущие запросы Советского человека, найти полноценное решение образа Советского жилого дома». Попробуем понять, чем же заслужили эти дома многочисленные отзывы критиков.

Дом № 11 по Б. Калужской улице (арх. И. Жолтовский, 1949) в феврале 1949 года был подвержен резкой критике, а после присуждения ему Сталинской премии в 1950 оказалось, что «создан светлый и радостный образ советского жилого дома». Автор здесь вновь возвращается к излюбленным формам Неоренессанса. Фасад этого здания подчеркнута монументален, на нем выделяются пять плоских декоративных пятен, объединяющих по два окна 8-го и 7-го этажей. В рисунок фигурной арки окна на итальянские мотивы вписаны пятиконечные звезды, как символ и примета эпохи. Также в скульптурном заполнении ниш импостов арок дается композиция на тему изобилия – вазы, наполненные плодами, причудливые сплетения растительности. Сходным образом решен декор оконных проемов и у еще одного творения Жолтовского – дома на Смоленской площади (1952), монументального здания, увенчанного изящной башенкой. В те времена, когда едва ли не вся советская архитектура была строго симметрична и, при всей своей пышности, анонимна, Жолтовский строит здание подчеркнута ассиметричное и индивидуальное. Обязательная советская символика (пятиконечные звезды) почти не видна, а главные декоративные элементы – полуциркульные арки, фриз, лепные украшения не по-советски изобретательны, индивидуальны и аполитичны.

В жилом доме на Садово-Триумфальной улице (№ 4-10, арх. З. Розенфельд, А. Сурис, 1949) парадность фасада достигается сложной пластикой, создающей обилие светотени. Но здесь декорирование уже переливается через край – нагромождение почти «дословных» деталей, взятых подчас из совершенно разных исторических эпох и стилей. Но в 1950-х годах здание радовало «своим бодрым и нарядным видом».

Богатый убор, венчающий весь объем, состоит из карниза, высокой полосы лепного фриза и ажурной балюстрады, проходящей по контуру здания.

Часто стилизация становилась такой дотошной, что здание по облику становилось трудно отнести к советскому времени. Таков дом № 9 по Ермолаевскому переулку. Роскошный дом с огромными львами, выходящий фаса-

дом на Патриаршие пруды, кажется старинным московским особняком. И в голову не может прийти, что он был выстроен всего лишь в конце Великой Отечественной войны по личному приказу Сталина для высшего советского командования, красиво стилизованный под старинную усадьбу. Идею же этого оригинального «генеральского» дома подал сам Жолтовский, а проект исполнили архитекторы М. Дзисько и Н. Гайгаров. Заселение состоялось уже в 1945 году – он и строился как подарок победителям.

Можно упомянуть и еще несколько домов по Садовому кольцу. Чаще всего дома здесь украшались лепной советской эмблематикой – лаконично и выразительно. Примерами могут служить: административное здание по большой Садовой, 8 (арх. М. Посохин, 1950-1951), жилые дома на Садово-Кудринской, 28-30 (арх. Л. Руднев, В. Мунц, 1947) и Валовой, 2-4 (арх. И. Касель, Н. Колли, 1952) улицах. Таким же способом решен фасад жилого дома на Мясницкой, 40 (арх. А. Капустина, 1948). Декор его достаточно прост: звезды над оконными проемами и лепные связки колосьев с серпами над балконами. В декоре здания Высшей партийной школы (арх. К. Алабян, 1949, ныне РГГУ) встречаются звезда Героя Советского Союза, вписанная в лавровый венок (память о военном триумфе) и серп с молотом в завершениях колонн.

Но иногда архитекторы прибегали к более простому способу обозначения функции здания. Достаточно вспомнить здание на Поварской улице (арх. Б. Лейбо, 1952-1957), через весь фасад которого под карнизом тянется надпись, вырезанная в стене – «Верховный Суд СССР». На той же улице под номером 30-36 – Государственный музыкальный институт им. Гнесиных (арх. А. Тишин, Е. Головлев, 1946-1947), типичный представитель «сталинского классицизма». В интерколумниях (через один) – барельефы русских композиторов.

Характерным примером новых ансамблей московских набережных может служить реконструкция и застройка Космодамианской набережной. Жилой дом № 4 (арх. М. Синявский, 1955) оформлен терракотовыми лепными вставками (звезды, аллегорические фигуры, снопы и колосья), арочные наличники украшены лепным орнаментом «растительно-советского» характера. По проекту того же архитектора был построен жилой дом № 28-36. В декоре наличников читаются мотивы пышного «нарышкинского стиля», фасад украшают плоские пилястры, лепные вазы, гирлянды. Дом венчает карниз с гербом СССР, который был универсальным символом советских архитекторов. Особенно часто он встречается на сооружениях, несущих важную идеологическую нагрузку, имеющих символическую значимость (например, герб СССР на Большом театре) и/или расположенных на центральных магистралях (герб венчает угловую часть жилого дома № 9 по Тверской улице (арх. А. Жуков, 1949).

Реконструируется Центральный парк культуры и отдыха им. А.М. Горького, построенный еще в 1934 г. Особенно интересна колоннада Главного входа (арх. Ю. Щуко, 1955) с рельефным изображением герба СССР в обрамлении знамен, рогов изобилия и цифр «1955» (год постройки). Знамена

напоминают о Победе, а продукты пытаются убедить зрителя, что в стране вовсе нет послевоенной разрухи и голода. На эту же тему выполнена и выразительная барельефная композиция во фронтоне здания Министерства пищевой промышленности РСФСР на Петровке, 16 (арх. В. Лебедев, П. Штеллер, И. Шервуд, 1951).

Но помпезность архитектуры эпохи Сталина ушла вместе с ним. Уже в 1955 году было принято пресловутое постановление о борьбе с архитектурными излишествами. И совсем другими словами начали описывать искусство эпохи Сталина: «Культ личности породил гигантоманию, стремление создавать помпезные полотна, скульптурные памятники, подавляющие своей величиной. В произведениях ложномонументальных утрачивался гуманистический дух советского искусства....

Но и сейчас невелик интерес к сталинскому архитектурному декору, часть которого уже, к сожалению, безвозвратно утеряна.

А ведь многие сооружения содержат приметы своей эпохи, выполнены зачастую прославленными скульпторами и являют собой примеры оригинального воплощения советской идеологии.

ЛИЧНОСТЬ ТВОРЦА КАК КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ-АВАНГАРДИСТОВ ПАВЛА ФИЛОНОВА, КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА И ВЛАДИМИРА ТАТЛИНА)

Савинова Е.А., ГИИ г.Москва

Новое тысячелетие открывает новые горизонты для человеческой цивилизации, мы стоим на пороге слома старых парадигм и зарождения новых форм в социальной, политической, экономической и культурных сферах жизнедеятельности. Сегодня наступает время итогов, время переосмысления прошлого опыта, в том числе и в культуре. Авангард начала прошлого века представляет собой самостоятельный феномен, достойный самого пристального изучения и сохранения.

В первой трети XX века преломились острейшие социальные антагонизмы эпохи, отразились растерянность и отчаяние перед лицом общественных катастроф, какими явились I Мировая война, революции и Гражданская война в России. Все эти катаклизмы привели к социальному и культурному «взрыву» и породили качественно новую социокультурную и художественную ситуацию. Одним из важнейших симптомов и результатов изменений стало возникновение авангарда. Проблемы авангарда актуализировались в различных областях гуманитарного знания и стали предметом изучения на протяжении всего XX в. и в начале XXI в.

До настоящего времени исследователи рассматривали формальные и эстетические проблемы творчества художников-авангардистов, определяли их место в мировой и отечественной истории искусства. В гораздо меньшей степени изучалась личностная составляющая авангарда, основанная на со-

циокультурных и социопсихических характеристиках художников-авангардистов.

Между тем, личность художника-авангардиста, его ценностные ориентации и мировоззренческие установки представляются самостоятельной и значительной культурно-исторической и социокультурной проблемой. Ценностное содержание авангарда было ориентировано на творческое самовыражение личности в свободной сфере искусства: продуцирующее предельное своеволие человеческого «я», культ свободы и безграничное могущество человека-творца, заменившего собой Бога.

Для авангардистов были характерны различные жесты разрушения, именно через них они пытались обрести самоидентификацию.

Исследуя творческую личность художника-авангардиста начала XX в., нужно иметь в виду, что множество перемен в художественном сознании было обусловлено внешними факторами. Раннему русскому авангарду свойственно осознание личности художника как пророка и демиурга, призванного своим творчеством «пересоздать» действительность. Идея такого переустройства мира связана с архаическим представлением о личности «культурного героя», призванного вернуть мир к его изначальному благополучию и гармонии. Художник авангарда перестает мыслить отдельными произведениями, а выступает автором жизнестроительного проекта.

Октябрьский переворот радикально изменил социокультурную ситуацию начала века. Последствия этих изменений видны по истечении времени, однако, они не всегда адекватно оценивались участниками процесса. В частности, в искусстве исчез заказчик, и на первых порах социокультурный заказ еще не был сформирован. Активное участие в его формировании приняли не только начинавшая оформляться тоталитарная власть, но и сами художники, в особенности художники-авангардисты. Понимание сути социокультурного заказа накапливалось постепенно, и находило выражение, как в социальной полемике, так и в организаторских формах культуры. Одновременное изменение ценностей и ценностных ориентаций является одним из основных стержневых показателей изменения социокультурной ситуации в новой России.

Характеризуя эволюцию ценностей в художественной культуре от Средних веков к Новому времени, можно убедиться в том, что одной из основных линий этого процесса является возрастание роли личности, индивидуальности и, в определенном смысле, «новизны», которая рассматривается как способ выражения личности и реализации индивидуальности. Этот процесс продолжал усиливаться и развиваться в художественной культуре Нового времени: от барокко до романтизма и т.д. В искусстве конца XIX века, а затем и XX века нарастает значение «новизны», как универсальной ценности художественного творчества. Это нарастание парадоксальным образом сочетается с ослаблением роли личности и индивидуального фактора как универсальной ценности в целом ряде направлений авангарда. Происходит возврат к принципам анонимности и растворению творческой индивидуальности в процессе «делания», создания художественного произведения.

Однако, поскольку с нарастанием тоталитаризма монополия на пророчество и истину во все большей степени отходит к правящей партии, пророчеству художника остается все меньше места. Сходным образом у художника, творца отнимается и «авангардная роль». Авангард становится фигурой речи: «авангард рабочего класса», «авангард коммунистической партии» и т.п. Русские художники-авангардисты делают попытку ассимилировать тотальность искусства в тоталитаризм идеологии и в изменяющуюся ситуацию материальной культуры. Примером такого симбиоза явились конструктивизм и функционализм, чьи идеи нашли воплощение в современном дизайне.

Рассматривая личность и творчество художника П. Филонова в общекультурном контексте эпохи, необходимо выделить основные события и факты жизни, повлиявшие на мировоззрение и творчество художника. Личность одного из крупнейших художников-авангардистов – Павла Николаевича Филонова одновременно и уникальна, и типична. П.Филонов уникален, с одной стороны, как творец огромного масштаба, наделенный ярко выраженной индивидуальностью, а, с другой стороны, многие проявления его личности вполне типичны для социокультурной ситуации его эпохи. Самоописание П.Филоновым своих работ, стремление рассказать о собственном методе – явление, характерное для многих авангардистов начала XX в.

Манифестный и декларативный характер деятельности, речетворчество, саморефлексия – все это типично для художников-авангардистов: В.Кандинский, К.Малевич много писали о творческом процессе, философии искусства, эстетических критериях. Иерархия ценностных ориентации художника-авангардиста П.Н.Филонова претерпела изменение после Октября. До революции его главными духовными ценностями были аскеза, нравственная безупречность, свобода творчества и др., а после Октября в иерархии ценностей произошел сдвиг в сторону анонимности творческого процесса, работы на пролетариат как на мессию посредством созданного им собственного метода, а позже и школы.

Эволюция ценностных ориентаций П.Филонова может расцениваться как попытка симбиоза авангардного сознания и коммунистической идеологии: от субъективного к объективному, от синтетического к аналитическому, от частного к общему. Будучи по своей природе живописцем-станковистом и обладая гениальным художественным дарованием, П.Филонов пытался универсализировать свой творческий метод и сформулированный им принцип «сделанности» с целью превращения его в систему навыков, применение которых вкупе с коммунистическим мировоззрением позволит наладить «производство» художников новой России, владеющих его аналитическим методом.

Сам аналитический метод в эпоху становления наукоцентристского коммунистического мифа стал из индивидуальной творческой манеры универсальным творческим методом. Но тоталитарная идеология не приняла ни творческой индивидуальности художника, ни его метода, несмотря на искреннюю приверженность П.Филонова коммунистическим идеям. Беда

П.Филонова заключалась в том, что миф научного коммунизма избрал для себя другой метод – метод «социалистического реализма».

Мечта авангарда стать мировоззрением эпохи, видимо, давно обрела свое конкретное воплощение – ведь и сейчас авангард, судьба которого была далеко неоднозначной в истории русской культуры, живет в эстетической реальности в виде целого ряда культурных форм. Авангард и его личностная составляющая является одной из золотых крупиц прошлого, которую мы бережно храним в копилке культуры.

СЕКЦИЯ 3. РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

ФЕНОМЕН ПРАВОСЛАВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Шталь М. А., ГИИ, г.Москва

В данном очерке речь пойдет о теме православия в российском кинематографе текущего десятилетия. Это современное обращение к культурному наследию России мы будем рассматривать это как новый культурный феномен: предпосылки его возникновения, особенности и перспективы развития. Основными источниками будут выступать такие ленты как «Остров» (2006) и «Царь» (2009) Павла Лунгина, «Странник» Сергея Карандышева (2005), «Юрьев день» Кирилла Серебрянникова (2008), «Чудо» Александра Прошкина (2009), сериал «Спас под березами» Леонида Эйдлима (2003) и др., снятые в разных жанрах, но объединенные присутствием темы православной культуры.

1. Предпосылки. Присутствие православной тематики в отечественном кинематографе отмечалось и в предыдущие периоды: например, фильм «Андрей Рублев» Тарковского (1966), «Седьмой спутник» Германа (1967) и др. Однако это явление не носило массового характера – подобные фильмы не выходили в широкий прокат и в основном попадали на полки хранилищ.

Если в советское время фильмы с явно выраженной религиозной тематикой снимать было невозможно, а в ранний постсоветский период данная тематика была маргинальной, то теперь все чаще и увереннее подобные картины занимают место в широком прокате и на родине и за рубежом. И это явление вполне объяснимо.

Возрождение и успех данной темы в XXI веке объясняется, во-первых, политикой государства, настроенной на формирование национальной идеологии (в том числе на базе православия); во-вторых, возросшему интересу к православию и вопросам духовности в целом среди самих россиян. Последнее утверждение подтверждается на социологические исследования последнего времени,

Причем православие дает возможность быть включенным в многовековую традицию своих предков как устоявшуюся идеологию и четкую сис-

тему социальных практик. Также как и коммунизм, православие представляет собой метанарратив – то есть именно то мировоззрение, которое доступно и желанно до сих пор многим жителям России, той части населения, на которую рассчитана политика государства последних лет.

2. Анализ материала. Отношение РПЦ к художественным экспериментам современных режиссеров нельзя назвать однозначным. С одной стороны, съемки фильма *Остров* благословил сам патриарх Алексей II. С другой, некоторые православные идеологи вообще считают, что религиозные переживания, а уж тем более святость в кино отобразить практически невозможно.

Несмотря на то, что авторы рассматриваемых нами картин зачастую сами являются носителями православной духовности и традиции, искренне верят в возможность чудес и существование истины в рамках церковного учения, большинство фильмов помимо проповеди и свидетельства затрагивают спорные вопросы и конфликты в области духовной жизни и человеческого существования в целом. Павел Лунгин в интервью после фильма *«Остров»* говорил: «Место проповеди – церковь, а в искусстве должен быть конфликт, правда характеров».

В фильме *«Остров»* Лунгина в основу сюжетной линии положен низкий поступок – военное преступление – главного героя, которое он стремится искупить своей жизнью. Это трагическое событие переворачивает его мироощущение, обращая его в сторону религии. Внимание авторов картины сосредоточено на жизни героя после раскаяния и обращения, когда он, будучи глубоко верующим человеком, но все еще носящий в себе память о причиненном зле, врачует тела и души людей. Чудеса исцеления, пророчества и обращения в фильме показаны как само собой разумеющиеся, не вызывающие сомнений.

Как видно из многочисленных обсуждений в сети, для многих зрителей именно чудеса, а также совершенное героем преступление являются неоднозначными и вызывают большинство разногласий. Фактически герой может быть «оправдан» и вся его глубина может быть оценена только человеком изначально открытым на такие православные идеи как чудо, обращение, прощение. Таким образом, религиозный и духовный пафос картины, находящийся в фокусе внимания ее создателей, не является очевидным для всех, а подчас и не прочитывается вовсе. Споры и бурную реакцию вызывают как раз темы чуда и прощения, причем взгляд авторов фильма не всегда представляется удовлетворительным, а подчас выступает в качестве провокации. Схожая ситуация возникла и после показа фильма К. Серебренникова *«Юрьев день»*, несмотря на то, что эта лента, на наш взгляд, является более диалектичной.

Фильм *«Царь»* П. Лунгина, продолжающий темы *«Острова»*, более однозначный. Сюжет его построен на противостоянии Ивана IV и патриарха Филиппа (впоследствии причисленному к лику святых), который не желает мириться с жестокостью государя. Исполнитель роли Ивана Грозного Петр Мамонов в интервью говорил, что «это фильм о русской святости». Основные идейные противоречия могут возникать здесь только по поводу смелого

поступка митрополита Филиппа, посмеявшегося противостоять «грозному царю». Однако митрополит – историческая фигура, официально канонизированный святой православной церкви. А поскольку святые, как правило, неординарные личности и уже самой своей жизнью бросают вызов, то провокация со стороны создателей была весьма осознанной.

Гораздо более диалектичными являются картины «Чудо» и «Странник». Главный герой «Странника» Федор – наш современник. Потеряв все самое дорогое, он, как часто бывает, обращается внутрь себя в поисках Бога. В этих поисках зритель следует за героем, проходя вместе с ним все материальные и духовные трудности, участвуем в непростой судьбе людей, окружающих его. Фундаментальные вопросы – о смысле жизни, смерти, исцелении, – а также экзистенциальный реализм делают картину близкой каждому ищущему независимо от культурных и религиозных представлений. «Поиск чуда и смысла жизни важен любой культуре», – сказал Сергей Карандашов, открывая фестиваль в Сантьяго.

«Представляя фильм [«Чудо»], сценарист Юрий Арабов (который, был инициатором этого кинопроекта) сказал, что сценарий «Чуда» стал продолжением линии, начатой им в «Юрьевом дне» (реж. Кирилл Серебренников): еще одним фильмом о России, стране, духовная жизнь которой заключается в постановке вопросов без ответов». На своем творческом вечере в Доме кино Арабов не раз подчеркивал неконфессиональность замысла «Чуда». Ранее он также неоднократно заявлял, что проповедь посредством искусства следует нести методом «от противного». Подобные тенденции прослеживаются в сериале «Спас под березами» – вполне светском проекте, где православная церковь выступает скорее неким контекстом, на фоне которого показана повседневная жизнь конкретных людей. «Настал момент, – говорит режиссер ленты Леонид Эйлин, – когда можно на современных жизненных ситуациях показать влияние православной традиции».

3. Выводы. Хотя православие и призвано заполнить пустоту, образовавшуюся после падения социалистической идеологии в России, присутствие данной темы в кинематографе последних лет нельзя назвать пропагандой. Скорее, это явление похоже на попытку создателей фильмов транслировать важное лично для них. Поэтому мы видим, что их творчество порой лежит на грани сакрального и секулярного, пытаюсь найти связь и взаимопроникновение между этими двумя важнейшими сферами культуры. Однако нельзя и отрицать, что рассматриваемый нами феномен представляет собой компромисс между законами рынка и продвижением идеологических ценностей внутригосударственной политики. Судя по многочисленным обсуждениям в сети после выхода подобных лент, тема православия в таком преимущественно диалектическом виде, как она существует сейчас, будет еще долго популярна и, несомненно, уже вносит свой вклад в возрождение культурного наследия России.

ИСЛАМСКИЙ КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС «МЕДИНА» (С. МЕДЯНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Тухватулина, Н.Р. ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Россия-страна с уникальным межнациональным и межконфессиональным опытом. В последнее время наблюдается неуклонный рост в социальных науках интереса к религиям и традициям, к их влиянию на общественно-политическую жизнь государства.

В настоящее время значение отношений России с миром ислама сложно переоценить. Россия сама является частью этого мира. Сегодня ислам исповедует около 12,5% населения Российской Федерации. Традиционно велик вклад мусульман в духовную и культурную жизнь российского общества. Многие ученые говорят о том, что в настоящее время влияние исламской культуры неуклонно растет, поэтому возникает необходимость практического изучения мусульманского сообщества, его политических и культурных особенностей, той роли, которую оно будет играть в жизни общества и государства.

Что является примером развития исламской культуры в России в целом, и в Нижегородской области в частности? Строительство мечетей и медресе, организация различных конференций, издание книг и др. Но, несомненно, самым ярким примером сохранения и развития культуры Мусульман Нижегородчины является Исламский культурно- просветительский комплекс «Медина» в с. Медяна. Это уникальное место, включающее в себя целый ряд памятников, религиозных и образовательных учреждений.

История этого комплекса берет начало в 1990г, когда по инициативе председателя религиозного общества мусульман «Медина» Ф.Гильманова было начато строительство уникального по своей масштабности для области культурно-просветительского центра.

29 апреля 1989 года, в селе Медяна Краснооктябрьского района Нижегородской области в присутствии областного духовенства был торжественно заложен первый камень в основание мечети «Рашида», оригинальной по своей архитектуре. Строительство закончилось в 1992 году. На открытии этой мечети присутствовал Талгат Таджуддин, в то время председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР, а ныне – Центрального духовного управления мусульман России, прилетевший в Медяну на вертолёте. Тогда в мероприятии приняли участие многие религиозные, политические и общественные деятели со всей страны.

Фиаз Гильманов для строительства мечети на своей малой родине продал с аукциона свой личный автомобиль «Мерседес». Владислав Листьев даже рассказал об этом событии в телепрограмме «Взгляд».

Мечеть поражает богатством и величием. В декоративном оформлении интерьеров мечети применена древняя восточная техника отделки помещений –резьба по ганчу(высокопрочному гипсу). В строительстве принимали участие художники и мастера из Самарканда, Бухары, Таджикистана, в связи

с чем во внутренней отделе присутствуют традиции тюркских и болгарских зодчих.

На рубеже веков село Медяна, благодаря мечети «Рашида», стало центром духовно-религиозной и национально-культурной жизни татар-мусульман Нижегородской области. Сюда приезжают с самых разных уголков нашей страны, чтобы полюбоваться этим чудом мусульманской архитектуры. Посетители также с удовольствием участвуют в развёрнутой при мечети образовательно-просветительской деятельности. Именно здесь многие имамы сельских мечетей области получили необходимые знания и дипломы религиозных служащих. При содействии Духовного управления мусульман Нижегородской области при мечети заработало медресе «Медина» и был воздвигнут монумент «Йа-Син», посвящённый памяти имамов и мулл Нижегородской области, погибших в годы сталинских репрессий. На металлических пластинах выбиты аяты 36-й суры Корана («Йа-Син»).

С 2001 года при мечети действует Региональный Музей Истории Нижегородских татар. В экспозиции первого зала музея отражена история татарского народа, проживающего на юго-востоке Нижегородской области. Есть в музее и зал боевой славы, где особое место занимают экспонаты и материалы, посвященные Великой Отечественной войне. Здесь хранятся документы, согласно которым 10400 нижегородских татар ушли на войну, не вернулись 6700. Видное место в музее отведено татарским героям – Герою Советского Союза Садеку Абельханову из Семёновки, кавалеру трёх Орденов Славы Алляму Айсину из Ключиц и кавалеру Ордена Ленина Хафизу Фаттахетдинову из Трёхозёрок.

Есть в музее и зал памяти жертв репрессий 1917-1953 гг. Уже сегодня известны имена более 500 татар-нижегородцев (из них 75 – религиозные деятели), пострадавших от политических репрессий. Например, в 1933 году в сталинских лагерях погиб потомок касимовских правителей Саит Бурхан, уроженец села Пица. 18 лет провёл в лагерях Мунир-абый Альмушев из Петрякс. Он скончался в 1952 году через два месяца после возвращения домой, будучи слепым человеком, истощенным морально и физически. Коснулись репрессии и работников просвещения и здравоохранения – Сайта Соколова из Пошатова и Хусяина Данеева из Уразовки. Зал оформлен удивительно, в нём в качестве сопровождения звучит пение птиц – специально записанный диск «Природа нашего края».

Параллельно с благоустройством и расширением мечети Фаиз Гильманов помог произвести капитальный ремонт местного клуба и оборудовать его всем необходимым, на пустом месте построил современную поликлинику со всеми удобствами. И это всё он сделал для облегчения жизни своих односельчан безвозмездно.

В настоящее время Исламский культурный просветительский комплекс «Медина» в с. Медяна играет огромную роль в культурной жизни нижегородских мусульман. С каждым годом интерес к этому комплексу растёт, все больше и больше туристов со всего мира приезжает полюбоваться им.

Создание подобных комплексов поможет не только сохранить традиционную культуру.

НИЖЕГОРОДСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

Кудрявцев В.Н., г. Нижний Новгород

Национальной трагедией считается раскол в XVII веке между православными верующими, породивший два непримиримых лагеря: никонианцев – сторонников нововведений патриарха Никона и староверов – почитателей воззрений протопопа Аввакума. В 1667 году на Соборе православная церковь осудила раскол и предала анафеме старообрядцев. Непокорные жестоко преследовались властями: их сажали на цепь, гноили в ямах, сжигали заживо. Многие бежали в нижегородские леса: объединялись хозяйством, занимались ремеслами. Только в период царствования Елизаветы Петровны (1741-1767) раскольники вздохнули свободнее, почувствовав послабление гонениям. Екатерина II разрешила староверам носить бороды, запрещенные Петром I, им дали возможность пользоваться правом свидетельства в суде и правом избираться на должность. Но все же за старообрядцами продолжала наблюдать Московская тайная канцелярия, Духовная коллегия, Приказ церковных дел, секретные агенты.

В 1850 году историк, этнограф, писатель П.И. Мельников-Печерский в качестве чиновника особых поручений обследовал состояние дел церковного раскола в Нижегородской губернии. Объехав селения Гнилицкой, Чернорецкой волостей и помещичьих крестьян Мысовской волости, он установил, что по левобережью Оки проживало почти три тысячи староверов. Особенно много их было в Мысовской волости и среди крестьян помещиков Турчанинова и Зубова. Совсем не случайно Черноречье становится одним из центров раскольничества. Волость, отделенная от уездного города Балахны расстоянием в пятьдесят верст дремучего леса, болот и ненаселенных мест, жила по своим неписаным законам. Чернорецкие мужики, бывая в Нижнем по базарным дням дважды в неделю, старались не затруднять уездных чиновников визитами в волостное село Черное, решали свои дела в губернском городе. Земская полиция наведывалась в Черноречье только в случае разве каких-нибудь чрезвычайных уголовных дел, которые обнаруживались здесь крайне редко, да и то зачастую случайно: слыли тогда чернорецкие староверы людьми скрытными.

В селениях Черном, Желнине, Бабине, Бабушкине, также в Мысовской и Гнилицкой волостях старообрядческие секты разных толков чувствовали себя в безопасности. Прижились здесь половцы и беспоповцы: самокрещенцы, поморы, бегуны.

Не страшно обанкротиться купцу-старообрядцу. Он благодаря поддержке единомышленников через год-другой вставал на ноги. Крестьян той же веры в трудную минуту всегда выручал богатый благотворитель. Среди чернорецких жителей-раскольников не встречалось бедняков. Старообрядцы

Черноречья ежегодно отлучались в Астрахань, переправляя туда построенные суда и лодки, груженные холстом, рыболовными снастями. Уходили на рыбный промысел на Каспий, в Астрахань, в Сальянск.

Из числа промысловиков – чернорецких старообрядцев 330 человек проживали на Каралатском бугре и в других местах Астраханской губернии более года. Многие из них имели собственные парусные суда, на которых доставляли зерно с нижеволжских пристаней в верхние по Волге города. Это давало возможность старообрядцам тайно привозить в Черноречье одноверцев со стороны: беглых монахов, попов, уставщиков, скитниц, сборщиц подаваний. Находившиеся в отлучке раскольники, как правило, вели переписку с земляками через своих же судовщиков, торговцев. Для этого они употребляли особые языки: иносказательный, тарабарский, офеньский. Особо важные сообщения пересылались с нарочными через специально заведенные раскольничьи почтовые станции. Один из важнейших таких пунктов находился в Желнине. Сюда стекались письма старообрядцев соседних волостей, из Владимирской и Костромской губерний, а затем переправлялись владельцами судов до Астрахани и Рыбинска.

В обширных чернорецких лесах сохранялись в те времена такие глухие уголки, что никому из местных жителей не приходило в голову туда забираться. В гнилищом лесу, неподалеку от Московского шоссе, такую глухомань облюбовали пустынники самокрещенской секты. В числе двадцати сектантов были Иван Петров, Василий Иванов – беглые солдаты, отданные в рекруты из Чернорецкой волости. Здесь они укрывались летом, а зимой находили тайные убежища в Гнилищах у крестьянина Торопова, в Желнине у Аксиньи Ивановой, в селе Избылец на правом берегу Оки у девки по прозвищу Балда. В середине века по Нижегородской губернии числилось, по отчетам, 126 старообрядческих молелен, на самом же деле их было значительно больше.

В деревне Бабино собирались на богослужение поморы в доме крестьянина Курицына, в Решетихе обосновались секты самокрещенцев. Молельные дома находились в Голышове, Передельнове, Красной Горке, Желнине и других селениях. В 1854 году делами раскольников из Желнина занимались чиновники губернского города.

Священник Подъяблонской церкви, к приходу которой относилось тогда селение, Петр Спиридонов донес в Духовную консисторию о том, что девица Ксения Грязнова, умершая в деревне Желнино, была похоронена тайно, без освидетельствования, на раскольничьем кладбище за деревней Бабушкино. Нижегородский губернатор, узнав об этом, распорядился немедленно учинить следствие. Уездная полиция, прибывшая в Желнино, обыскала дом Грязновых и нашла четыре книги: Псалтырь 1654 года издания, Часовник Могилевской печати, Устав и извлечения из него. Священник Спиридонов, изучив содержание обнаруженного, дал заключение о том, что книги, печатанные в частных типографиях без цензуры и содержащие учения, не чуждые православию, однако склоняющие к разным толкам, должны быть «удержа-

ны от употребления». На том дело желнинских старообрядцев порешили закрыть.

Распоряжением канцелярии губернатора оставили за чернорецкими раскольниками их кладбище, хотя в других местах уничтожали, отводили специальные участки на общих сельских погостах. По сведению Чернорецкого волостного управления, в 1866 году старообрядческие кладбища имелись при селах Гнилицы, Бабушкино. Было когда-то такое кладбище в селе Черном. Все они существовали с давних лет, и сведений на их разрешение не имелось. В Мысовской волости старообрядцев хоронили в двухстах саженях от Леоновки. Второе кладбище – в поле, на землях помещиков Турчанинова и Зубова.

Волны гонений на старообрядцев со стороны правительства и духовенства в разные годы то затухали, то разгорались с новой силой. Пожалуй, ни одна иноземная секта так не преследовалась в России, как свои, русские, доморощенные сторонники старых обрядов.

В 1851 году по распоряжению епархиального управления подверглись «увещанию об обращении в Святую веру» крестьяне деревни Желнино Степан Невотчиков и Марья Игнатьева. Уличенные в расколе, они были доставлены в Нижегородскую духовную консисторию, где внушением пытались заставить крестьян отречься от раскола. Но ни консистория, ни Балахнинский земский суд, куда было передано дело Степана и Марьи, не достигли желаемой цели.

Мало чем внешне отличались старообрядцы, или, как их называли в Черноречье, «столоверы», от других крестьян. А вот брить бороду – непременную принадлежность всякого старовера-мужчины – для них был великий грех. Не употребляли они ни табака, ни вина, ни кофе, не разделяли трапезу за общим столом с иноверцем.

Женщины носили темные косоклинные сарафаны, голову повязывали, спуская концы платка на спину. Обязательный знак всякого раскольничьего дома – прибитый над воротами восьмиконечный крест либо образок. Жилище всегда блестит чистотой и опрятностью. В нем не найдешь не только грязи, но даже пыли. Не бывало у старообрядцев ни веселых свадеб, ни хороводов.

Часто родители жениха и невесты стремились избежать расходов на свадебный пир, поэтому молодые просто «убегали» (свадьба чеством). Семейный быт отличался скрытностью и некоторой холодностью в отношениях друг с другом.

Старообрядцы были грамотнее приверженцев новой веры. Они любили старинные книги, хранили их, переписывали. Грамотность позволяла им заниматься торговлей, ремеслами, промыслом. Известно, что каждый третий из нижегородских купцов тех времен был старообрядцем.

Эти и многие другие особенности жизни староверов вносили, несомненно, определенный колорит в быт чернорецких селений. Уже в наше время Поместный собор Русской Православной церкви отменил клятвы, наложенные в XVII веке на старые обряды и людей, придерживавшихся их. Ста-

рые русские христианские обряды были признаны «спасительными и равночестными новым». В соборном определении записаны такие слова: «Да приветствует Господь расстаящая паки воедине».

СЕКЦИЯ 4. НИЖЕГОРОДСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

УСТРОЙСТВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ 1896 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ «ГЛАЗАМИ» ЕЁ СОВРЕМЕННОКОВ

Гаврилова С.А., ГХИ ННГАСУ

23 июля 1893 года Александром III было принято решение об устройстве и открытии в мае 1896 года в Нижнем Новгороде XVI – ой Всероссийской промышленно–художественной выставки. Выбор Нижнего Новгорода для проведения выставки был не случаен. Расположенный в промышленном центре страны, на пересечении торговых путей, с его знаменитой не только в России, но и во всём мире ярмаркой, Нижний Новгород благодаря огромному числу приезжающих как нельзя лучше соответствовал задаче выставки: ознакомить промышленников и торговцев с новыми достижениями и усовершенствованиями производства и затем «разнести полезные сведения по всей земле русской».

В процессе работы по исследованию устройства выставки, автором статьи было обращено внимание на монографию Н. Якобсона «Что такое была Нижегородская выставка 1896 года?». Данная работа была опубликована в Санкт-Петербурге в 1897 году. В одной из глав, которая называется «Рабочая сила», Якобсон описывает ход строительства выставочных павильонов и непосредственно самих рабочих. В работе освещаются последние месяцы подготовки территории к открытию там выставки, когда ещё многое было не сделано, всюду царил неизбежная спешка и когда потребность в рабочих всех специальностей была громадная. Интересна, по мнению автора данной статьи, предложенная Якобсоном классификация рабочих по разным категориям, исследование которых приводится далее.

Одной из самых многочисленных категорий рабочих являлись так называемые «рабочие – пьяницы». Такие работники трудились лишь два – три дня в неделю, остальные дни «пьянствовали», не являлись на работу, а впоследствии увольнялись: «Ваше благородие! Мы протрезвимшись надумали по домам ехать, не то боимся, опять запьянствуем. Господь с ней этой Выставкой, загубила она нас. Каемся, ваше благородие, спились с кругу, помираем от пьянства, всю внутренность огнём выжгло. А пьянствуем от того, что заработок-то уже больно большой. Нет, уже лучше жизнь сохраним, уехавши в деревню». Такие «пьяницы-рабочие» представляли одну категорию.

Другая группа состояла из рабочих, являвшихся ежедневно «на работу» праздновать. «Отбывая часы» рабочего времени, они буквально ничего не делали. Когда же им делали замечания, что они плохо работают, «работнички» обижались, преспокойно брали свои зипуны и в свою очередь заявляли,

чтобы их рассчитали. Перебеганье с одной работы на другую сделалось любимым времяпрепровождением таких рабочих, причём эта перебежка была весьма выгодна для них. Требование расчета начиналось с самого утра, причём зарплата должна была выдаваться уже за весь день, так как работник заявлял, что не попал на другую работу и потерял целый день. Получивши расчёт за весь день, тот же рабочий нанимался за немного уменьшенную плату в другое место и, если посчастливится, успевал и там получить такой же расчёт. Не отдать расчёт за целый день такому работнику было просто невозможно, в обратном случае тот «кричал бы на всю выставку, что здесь не рассчитывают»: «Кровные деньги отняли себе на гроб да на саван; у меня семья, малолетки, все голодные».

Простые чернорабочие, работавшие тысячами на территории Выставки, буквально играли в прятки. Дело в том, что когда их выпускали для работ в выставочные ворота, то, обыкновенно, выстраивали рядами для счёта. Затем, уже назначенные артельщики и другие заведующие работами лица принимали их десятками в своё распоряжение. Но пока совершался процесс их распределения по участкам, половина рабочих, впущенных в ворота и, следовательно, находящихся в счёту, «расплывалась» по выставке, прячась за отдалёнными зданиями.

Потом они переходили с места на место, как бы идя назначенными на какую-нибудь работу. Уследить за каждым рабочим не было физической возможности; для этого пришлось бы иметь столько же тысяч надсмотрщиков, ходящих за их спинами. Другая половина чернорабочих, которые не прятались, производила работу с изумительной леностью. «Обыкновенно, пара этих рабочих с носилками щепы и стружек двигались с такою медлительностью, что, казалось, надо иметь особое устройство ног, чтобы переставлять их так размеренно тихо».

К следующей категории выставочных рабочих принадлежала бродячая компания маляров – живописцев. Дело в том, что живописные работы требовались почти в каждом выставочном павильоне, и поэтому живописцы занимались тем, что обходили все павильоны и везде брались за работу. Когда же нужно было приступать к работам, то ребята становились в ряд и все в один голос заявляли: «Мы есть хотим, ещё сегодня чаю не пили!». Работодатели выдавали им в виде аванса по 25 копеек; работники уходили в Канавино на несколько часов, а когда являлись к обеденному часу, то вновь заявляли: «Мы попили только чаю, а теперь мы есть хотим!». И если подрядивший их весьма нуждался в их работе, то опять выдавал им по 20 копеек. На другой день эта история повторялась.

Изучая монографию Н. Якобсона, автор статьи не оставила без внимания и те жилищные условия, в которых пребывали рабочие. «Жилища рабочих представляли омерзительные логова среди кучи отбросов». Исходя из описаний Якобсона, можно сделать вывод, что многие рабочие жили на голой земле, зарываясь на ночь в гнилые рогожи под опрокинутыми вверх дном пустыми ящиками. При производившихся облавах конных городских на этих людей, заспанные рабочие «выползали» из-под ящиков, трясясь от холода, с

лицами, покрытыми «ломтями грязи и навоза». Как пишет Якобсон, «это позорное зрелище усугублялось их воем о пощаде, поклонами в землю к копытам лошадей и протянутыми руками с медными монетами для откупа». Когда же на выставку приехал врачебно-санитарный персонал, то громадного труда стоило очистить окружающую местность от почти сплошного «загажения» и принятыми мерами достигнуть того, чтобы на выставке не было никаких заболеваний. Таким образом, миллионы, переплаченные «рабочей силе», при создании Всероссийской выставки, вместо обогащения, улучшения материального положения рабочих, – имели обратное для них значение.

17 января 1896 г. газета «Нижегородские губернские ведомости» опубликовала на своих страницах информацию о том, что с 16 декабря 1895 г. было разрешено перевозить в Нижний Новгород по льготному тарифу мебель и декоративное устройство для зданий Всероссийской выставки, а также деревья, растения и другие предметы для устройства парка на выставке. «До 200 больших берёз перевезены теперь на выставку из Шуваловского леса, и пересажены вместе с комьями мёрзлой земли. Предположено также пересадить большие ели и сосны... Мелкие растения сберегаются под рогожами. Около 300 экземпляров их хранятся в корзинах, на случай необходимой посадки». В итоге, между главной линией Московско-Нижегородской железной дороги и лесом графа Шувалова, был разбит парк с 51 фонтаном, искусственным прудом на 700.000 вёдер воды с плавающими лебедями.

Газета «Нижегородские губернские ведомости» информировала читателей, что с 15 февраля 1896 года начался приём экспонатов на выставку, сроком до 5 мая включительно. Однако экспоненты не торопились с доставкой, решив, видимо, отложить это на последний день. Таким образом, общий груз экспонатов приходилось выгружать из вагонов и перетаскивать в отделе, вместо двухмесячного срока, в несколько последних дней перед открытием выставки, которое было назначено на 28 мая. На путях товарной станции копились сотни не выгруженных вагонов, и их число с каждым днём увеличивалось.

Как пишет об этом инциденте Н. Якобсон, экспоненты, сами создавшие такое положение вещей своей поздней отправкой экспонатов, начали одолевать требованиями железнодорожных служащих и предъявлять эти же требования к администрации выставки. Далее автором приводится фрагмент описания сложившейся к тому времени ситуации: «Начался невообразимый хаос, в котором все смешались: экспоненты, железнодорожники, комиссары, выставочные артельщики... Общая картина была сначала комична. Все сразу торопились, бросались из стороны в сторону, куда-то рвались, слышалась общая претензия друг к другу. Потом комизм этой картины сменился на трагизм, так как число не выгруженных вагонов угрожало уже приблизиться к тысяче, а это число казалось немыслимым. В воздухе раздавалось воронье карканье противников выставки о предвещании неуспеха, о рисовавшихся их убогому воображению неудачах».

Приезд в Нижний Новгород министра финансов С. Ю. Витте исправил удручающее положение вещей. Немедленно были приняты всевозможные

меры к срочной разгрузке вагонов с экспонатами и доставлению их в отделы. «Разгрузка пошла так быстро, что с каждым днём стало уменьшаться по сто и более накопившегося количества не выгруженных вагонов, и обязательно выгружались вновь прибывшие вагоны». Такое энергичное содействие правительства в критическую минуту, по всей видимости, произвело на экспонентов в высшей степени благоприятное впечатление, поскольку они, в свою очередь, дружно и организованно взялись за усиленную работу. «Как в Светлое Христово Воскресенье, ночь перед днём открытия большинство экспонентов или их доверенные не спали и провели на выставке».

Вот как, к примеру, описывает канун открытия выставки А. М. Горький, работавший в то время корреспондентом газеты «Нижегородский листок»: «Вход на выставку ещё не отделан окончательно. Стоят две высокие мачты и несколько колонн коринфского стиля, вокруг них груды мусора, извести, песку. Сейчас же, как только попадёшь на территорию выставки, ноги вязнут в кучах песка и грязи, задевают за доски, всюду разбросанные, за кирпичи».

Ещё одно наблюдение Горького по поводу последних приготовлений нижегородцев к открытию выставки, находим в монографии Л. М. Фарбера «А. М. Горький в Нижнем Новгороде: очерк жизни и творчества, 1889-1904»: «Со всех сторон вас окружают разные архитектурные деликатесы, всюду много стиля, много красоты. Согнувшись в три погибели, грязные и облитые потом рабочие возят на деревянных тачках и носят на хребтах десятипудовые ящики с экспонатами».

Как писал в своей работе Н. Яacobсон: «Если бы посмотреть на выставку, как говорится, с птичьего полёта за день до открытия и потом в день открытия, то нельзя было не поразиться обнаружившемуся явлению». Речь здесь идёт о том, что в последний день и ночь перед открытием выставки, был произведен такой колоссальный объём всевозможных работ, что безошибочно можно сказать о том, что «в последний день и ночь произведено больше доделочных работ, чем в предыдущие две недели». По словам Горького: «Выставка буквально переменила свою физиономию в одни сутки. А ненужного хлама и мусору было вынесено целые горы!».

Всего на выставке было построено 55 так называемых «казённых» павильонов и 117 частных. Возведены они были за фантастический и по сегодняшним меркам срок – менее чем за два года. И несмотря на все вышеупомянутые сложности устройства выставки, она была великолепно организована и торжественно открыта в назначенный срок: 28 мая 1896 года.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СРЕДА НИЖНЕГО НОВГОРОДА В XIX ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Соленова С.В., ГХИ ННГАСУ

Музыкальная жизнь является неотъемлемой частью культурной среды города, которая играет важную роль в формировании эстетических идеалов и

вкуса людей. Деятельность нижегородских музыкантов в XIX веке представляет собой огромный вклад в культуру Нижнего Новгорода, все это способствовало формированию высокой культуры. В Нижнем Новгороде сформировалась определенная среда, которая нуждалась в этом. В городе существовали свои театральные и музыкальные традиции: театр Шаховского, любовь к музыке, театру, поэзии была здесь не модой, не мимолетным увлечением или приятным досугом, а делом жизни.

В Нижнем Новгороде, как и в других городах России, концертно-музыкальная деятельность, профессиональная музыкальная культура охватывала весьма ограниченный круг привилегированных слоев общества. В европейских странах, в XVIII – XIX веках серьезные концерты устраивались во дворцах знати, в их загородных усадьбах, где содержались целые капеллы, оркестры, служили талантливые музыканты, имелись хорошие нотные библиотеки. В Нижнем Новгороде на протяжении первой половины XIX века было довольно много таких очагов, где процветало серьезное музицирование. В ряде частных домов нередко устраивались музыкальные вечера, а в некоторых общественных зданиях – публичные концерты.

Еще на рубеже XVIII и XIX столетий здесь славился своими музыкальными вечерами дом председателя уголовного суда Карла Максимовича Ребиндера. Выходец из прибалтийских немцев, Ребиндер владел обширными поместьями в губернии. Его роскошный особняк на Большой Покровской с большим двусветным залом был местом, где давались вечера, балы, на которых выступали постоянный, домашний оркестр и капелла певцов, состоявшая из крепостных.

Крепостные хоры выступали также в усадьбе полковника С. М. Мартынова, расположенной у Волжского откоса, в доме губернского стряпчего, француза по происхождению, Ф. О. Массария и других представителей местной знати.

После женитьбы будущего императора Александра II на Марии Александровне в 1841 году она стала инициатором создания в Нижнем Новгороде института благородных девиц для обедневших дворян. Своеобразными «домашними» концертами были ежегодные музыкальные вечера в Мариинском институте. Несложные фортепианные и скрипичные пьесы исполняли учащиеся, занимавшиеся музыкой в стенах своих учебных заведений. Вели музыкальные занятия в них и такие солидные музыканты, как К. К. Эйзрих и позднее В. Ю. Виллуан. Первые выступления М. Балакирева были гимназическими, знакомство с Эйзрихом состоялось там же. Ансамблевая игра учащихся и хоровое пение разнообразили программы этих музыкальных вечеров.

Наибольший интерес представляет дом А. Д. Улыбышева, богатого, высокообразованного нижегородского помещика, имя которого вошло в историю европейской музыкальной культуры, автора капитального труда – трехтомника «Новой биографии Моцарта» на французском языке, которая имела успех во всей Европе, следующий труд был посвящен Бетховену. Улыбышев не пропускал ни театральные гастролей, ни крупных концертов.

Публика ждала его комментариев и не реагировала на спектакль, пока он не выказывал своего отношения. Актеры, музыканты и даже представители власти его оценок боялись. Он мог одним замечанием превознести и обеспечить успешную карьеру, а мог испортить репутацию на долгие годы.

Особняк Улыбышева на Малой Покровской был настоящим центром музыкальной жизни. Здесь в течение почти полутора десятилетий (1841-1855) устраивались регулярные музыкально-литературные вечера по четвергам и субботам. На них собирались музыканты, художники, писатели, нижегородская интеллигенция и среди них писатель В. И. Даль и юный пианист, и композитор М. А. Балакирев. Всего несколько лет продолжалась удивительная дружба юного Балакирева с Улыбышевым. Улыбышев был щедр и проявлял отеческую заботливость по отношению к бедному, но даровитому юноше. Улыбышев не считался с неравенством их положений и всячески помогал встать на ноги молодому музыканту. Александр Дмитриевич выписывал книги и журналы, он собрал библиотеку ценных изданий и нот, которую завещал М. Балакиреву.

Гостеприимный дом А. Д. Улыбышева посещали также многие приезжие артисты. В разные годы здесь побывали знаменитые московские и петербургские драматические артисты Щепкин, Мартынов, Самойлов и многие другие. В 1858 году в концертной жизни наступил заметный спад, скончался А. Д. Улыбышев, еще раньше из Н. Новгорода уехали К. Эйзрих, Балакирев и другие разошлись в разные стороны.

Особое место в быту занимала культовая музыка. Церковное пение в Нижнем Новгороде с конца 20-х годов до середины XIX века находилось в пору своего наивысшего расцвета. В городе насчитывалось 50 церквей, и каждая со своим составом певчих. Певчие, среди которых значительную группу составляли мальчики, получали жалованье, а в числе регентов были опытные мастера хорового пения. В звучании хоров, обычно состоявших из 30-50 человек, выделялись так называемые «октависты», бравшие очень низкие звуки контроктавы, бархатистостью тона напоминавшие звон большого колокола. В сочетании с высоким, прозрачным тембром голосов мальчиков они образовывали красочное, широкое по диапазону созвучие.

Особенной популярностью в конце XIX и начале XX века пользовались хоры под управлением Н. Соколова, Н. Казанцева и А. Кривавуса. Одним из таких центров, был Собор на Стрелке, где пел лучший хор. Хороший стройный ансамбль церковного хора доставлял подлинное эстетическое удовольствие знатокам и любителям. Чтоб получить его, некоторые горожане специально ходили пешком довольно далеко из одной части города в другую. Не только мастерство хористов, но и само музыкальное содержание русского православного ритуала привлекало людей. Восприятию этой музыки содействовала особая возвышенно-торжественная атмосфера храма и наилучшая акустика под высокими сводами.

Население, смешанное по своему вероисповеданию, посещало и другие храмы: мусульманскую мечеть, синагогу, армянскую, римско-католическую и лютеранскую церкви.

На рубеже XIX – XX веков в музыкальную культуру города вошла немецкая органная традиция. Для всех желающих устраивались службы и открытые органные концерты в лютеранской церкви, расположенной на Большой Покровской, на этом месте сейчас находится кинотеатр «Октябрь». В 1907 году очень известной немецкой фирмой «W.Sauer» («В.Зауэр») в лютеранской кирхе в Нижнем Новгороде был установлен прекрасный орган. Открытые духовные концерты с органом для всех горожан были тогда традиционными. Их значение для воспитания музыкальной культуры нижегородцев было велико. Талантливые органисты исполняли произведения Баха, Мендельсона, А. Рубинштейна, Бородина, собственные сочинения, тем самым они активно влияли на воспитание музыкального вкуса нижегородцев.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Абаимова А.А., ГХИ ННГАСУ

На сегодняшний день в арсенале историка имеется огромное множество исторических источников. Все они, дополняя и проверяя друг друга, позволяют представить прошлое максимально объективно и целостно. Традиционно во всем мире наибольшим авторитетом наделялись вещественные и письменные источники. В последние годы возрос интерес к антропологическому подходу к истории, когда изучается не просто событие или явление, а человек в нем. Соответственно увеличивается ценность и устных источников.

Собранные пословично-поговорочные выражения, так называемые «малые жанры фольклора», тщательно изучались филологами как эталон меры и стиля русского языка, а вот ученые-историки не уделяли им достаточного внимания. Хотя сам народ осознает значение пословиц и поговорок для изучения истории – «по старой памяти, что по грамоте». Еще в 1831 году И.М. Снегирев написал о том, что «пословицы могут служить...пособиями по истории». В 1936 году в Ленинграде филолог М.И. Шахнович защитил диссертацию «Русские пословицы и поговорки как исторический источник», за которую он получил сразу две степени кандидата исторических и кандидата филологических наук, но она так и не была опубликована. В работе впервые было доказано, что пословицы и поговорки являются бесценным источником для изучения истории, она дает такой материал о семье, языке, религии и т.д., который не может быть получен из других источников. Совсем недавно вышла в свет «История Москвы в пословицах и поговорках». Специальных исследований на эту тему в Нижегородском Поволжье сегодня нет.

Пословицы и поговорки являются историческим источником, достоверность которого трудно оспорить, но в силу ряда причин они не стали еще объектом пристального внимания историков. Изучение этого вида источников позволит увидеть хорошо известные события и явления истории края «снизу», глазами самих нижегородцев. При работе с ними исследователю не-

обходимо использовать определенные приемы работы с ним – чтение, комментирование и интерпретация.

В Нижегородском крае с середины XIX века активно проводилась работа по сбору и фиксации местных пословиц и поговорок, в результате которой были собраны тексты по самой разной тематике. При этом не производилась корректировка их формы, что делает их ценным источником для изучения края. К сожалению, интересовались ими, главным образом, ученые – лингвисты с точки зрения познания законов русского языка.

Почти целое десятилетие (с 1849 до 1858 года) В.И. Даль жил в Нижнем Новгороде. Поселившись в Нижнем, он исполнял обязанности управляющего Нижегородскими удельными имениями. Эта служба давала возможность побеседовать с крестьянами всех уездов, услышать местные словечки. Большой этнографический и лингвистический материал ему давало посещение нижегородской ярмарки, где можно было услышать все возможные в России говоры и наречия. В 1861 году он публикует свой знаменитый сборник «Пословицы русского народа», включавший также пословицы Нижегородского края.

Автором одного из сборников пословиц Нижегородского края был Николай Александрович Добролюбов, который родился в Нижнем Новгороде в 1836 году в семье священника. За свою короткую жизнь Н.А. Добролюбов собрал около 1500 пословиц и поговорок Нижегородской губернии, в которых он видел «материал для характеристики народа». В настоящее время, это собрание является самым большим и полным в регионе.

Владимир Николаевич Морохин (1921-1996), кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века ННГУ, выдающийся фольклорист, краевед – всю жизнь посвятил фольклору. Особенно активно его деятельность развернулась начиная с 1963 года, после организованной им большой экспедиции по составу участников в четыре заволжских района Горьковской области. Результатом его экспедиции стали опубликованные сборники произведений русского фольклора. Среди них «Нижегородские предания и легенды», «Сказки родного края», «Град Китеж», «Волжские сказки» и многие другие.

В пословицах и поговорках края нашли свое отражение не все события и явления русской истории, а только те из них, которые затрагивали жителей края напрямую, например, здесь разворачивались сами события или их последствия имели большое значение для повседневной жизни и т.д. Огромна роль нижегородцев в сохранении государственности в период Смутного времени. Именно здесь было сформировано ополчение Минина и Пожарского, изгнавшее польско-литовских интервентов из Москвы. Всем миром собирали здесь средства, чтобы снабдить ополченцев всем необходимым – *«Мы бы не собрались не встали, вы бы поганую землю носом копали»* – с гордостью говорили нижегородцы жителям других мест. Они же в свою очередь, желая пристыдить нижегородца за какой-нибудь неблагоприятный проступок, говорили: *«Борода Минина, а совесть глиняна»*.

Оценка той или иной исторической личности в пословицах тоже напрямую зависит от степени важности ее деятельности для края. Казанский поход и завоевание Астраханского царства, органично связанные в сознании современников с именем Ивана IV, составили сюжетную основу многочисленных произведений фольклора. И немудрено: нашествие Наполеона не коснулась здешних мест, а поход царя на Казань оживил всю Низовскую землю, совсем запустевшую от казанских набегов. Иван Грозный всегда помнился нижегородцам как царь-освободитель, поэтому и звучит укором жителям села Ломакина присловье: *«Хороши ломакинцы: царя не поя, не кормя, спать положили»*.

В пословицах и поговорках сохраняются такие сведения из истории городов и сел края, как особенности их застройки, важнейшие занятия жителей, существование торгового дела, причины расцвета и упадка. Нижний Новгород, возникший на месте слияния Оки и Волги, издавна был центром найма и местом отдыха бурлаков, которые оценивали его по-своему – *«А вот Нижний – городок – ходь-гуляй в погребок»*.

За жителями Нижегородской губернии, как и за жителями других областей, закрепились определенные прозвания, которые подчеркивали их непохожесть на соседей. Прозвания возникали в след за появлением этого отличия и существовали до тех пор, пока подмеченная в них особенность не исчезала. Современный город Чкаловск назывался прежде Василём. Издавна славился он изготовлением гончарных игрушек-свистулек. Об этом нам рассказала поговорка *«васильевцы-дудочники»*. Жители села Спасского были заняты выделкой шкур, но ни по количеству, ни по качеству они не могли сравниться с мурашкинцами. Ироническое отношение к их промыслу звучит в поговорке *«спасчане-кошатники»*, в которой содержится намек на то, что нередко в селе в дело шли дохлые кошки, которых кожевники подбирали на улице.

При раскрытии определенной проблемы историки выбирают те виды источников, которые помогут воссоздать максимально полную картину. Обойтись одними пословицами не получится, ведь им присуща большая степень обобщенности. Но их использование в историческом исследовании не столько подтвердит наличие того или иного факта истории, сколько поможет понять отношение к нему, степень его важности в череде других. Изучение этого вида источников позволяет увидеть хорошо известные события и явления истории края «снизу», глазами нижегородцев. Кроме того, пословицы и поговорки иллюстрируют их повседневную жизнь, особенности менталитета, передают «цвет местности».

Даль любил повторять: «Передний заднему мост». Движению вперед нет конца, новые поколения продолжают дела ушедших. Пришло время использовать бесценный опыт предков, хранящийся в сборниках пословиц.

СЕКЦИЯ 5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Филиппов Ю.В., ГХИ ННГАСУ

Все чаще сегодня мы говорим о художественных промыслах, наследниках народного искусства прошлого – о росписи по дереву, кузнечном ремесле, резьбе по дереву и кости и т.д. Народное искусство – сложное и многогранное явление культуры. В народном искусстве соединились древность и современность, реальность и сказочность, малочисленность и устойчивость тем, предметов, форм и неисчислимость их вариантов, а в каждом отдельном произведении – глубина и обобщенность содержания, выраженные лаконично, с помощью нескольких ярких и точных деталей. Именно художественные достоинства произведений, удивительная выверенность их форм и содержания заставляют художников всех времен обращаться к народному искусству как к неиссякаемому творческому источнику.

Нижегородская область всегда славилась народными промыслами. Это балахнинское кружевоплетение, заволжские токарные работы по дереву и лозоплетение, павловский художественный металл, искусство хохломской и городецкой росписи по дереву, варнавинская резная кость, плоскорельефная и скульптурная резьба по дереву, богородская керамика и многое другое. Все эти промыслы осуществляли непосредственную связь с природной средой и социальной практикой, с общественным и семейным бытом, укладом жизни, транслировали передающуюся от поколения к поколению традиционность, подчёркивали русское этническое своеобразие, сохраняли и пропагандировали народное искусство, а также развивали новые формы народной художественной культуры.

Народное декоративно-прикладное искусство часто находится в центре внимания исследователей, так как оно составляет ядро народной художественной культуры и пронизывает культуру трудовой деятельности, народной календарной и семейной обрядности и общинно-семейных отношений. При изучении теории и истории культуры невозможно отделить духовную, художественную и обрядовую деятельность от материального производства, и подтверждением этому является утилитарно-эстетический характер народного декоративно-прикладного искусства, которое относится к одной из подсистем этноса. За годы Советской власти и перестройки многие ремесла были забыты, а многие утрачены почти безвозвратно.

Декоративно-прикладное искусство является неотъемлемой частью мирового культурного наследия, сохранением которого призваны заниматься культурологи. В мировой практике известны примеры, когда на базе университетов организуется система подготовки специалистов всех образовательных уровней, а также выполняются фундаментальные и прикладные исследова-

дования практически для всех отраслей промышленности, экономики и политической сферы. Они оказывают серьезное влияние на социально-экономическую жизнь регионов.

Основное внимание при этом уделяется в основном специальностям, которые непосредственно связаны с промышленностью. Культура, как правило, остаётся в стороне. А между тем, культура народа является глубоким отражением исторического и геополитического опыта. В каждой точке исторической жизни нации складывается своя особая культурная ситуация, обусловленная всей полнотой внешней и внутренней жизни народа. Можно сказать, что культура является своеобразным индикатором исторического развития и действенным фактором духовного производства, базирующихся на взаимодействии культур и общечеловеческих ценностях.

На данном этапе, в свете возрождения русского этноса особенно актуально сохранение древнейших народных промыслов как неотъемлемой части мирового культурного наследия. В русле этой тенденции в Гуманитарно-художественном институте Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета при выпускающей кафедре культурологии была создана УНПЛ (учебно-научно-производственная лаборатория).

Возникновение этой лаборатории обусловлено тем, что в региональный компонент специальности «Культурология» входят, как уже было отмечено, дисциплины, имеющие самое непосредственное отношение к изучению и сохранению культурного наследия Нижегородского региона. Это художественная обработка дерева (резьба, роспись и лозоплетение), художественная лепка из глины, гончарное искусство, кружевоплетение, художественная обработка ткани, искусство костюма.

Создание в ГХИ ННГАСУ УНПЛ по изучению и сохранению историко-культурного наследия позволило значительно активизировать научную работу, повысить ее эффективность, укрепить связи с производством, привлечь ученых, преподавателей, аспирантов, перспективных молодых специалистов и студентов к выполнению реальной научно-исследовательской работы в интересах Вуза, обеспечить целевую подготовку специалистов для организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия, областных и районных домов культуры, а также учебных заведений разного уровня.

Главная цель, которую преследуют создатели УНПЛ, – кардинальное улучшение качества подготовки специалистов, обеспечение высокого уровня учебно-научно-воспитательного процесса на основе совместного использования материально-технических, кадровых, финансовых и прочих ресурсов вуза, предприятий, занимающихся декоративно-прикладными ремёслами, научно-исследовательских и образовательных организаций. В области учебной и учебно-методической работы УНПЛ должна решать следующие основные задачи:

- обеспечение непрерывного практического обучения студентов с включением производительного труда, организация чтения лекционных курсов и проведения практических занятий;

- осуществление работы по повышению квалификации работников предприятий и организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия и научно-педагогических кадров вуза;
- привлечение к учебной и практической работе со студентами высококвалифицированных специалистов предприятий и организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия;
- организация в соответствии с имеющимися положениями производственной практики студентов на предприятиях (ОАО «Городецкая роспись», ОАО «Хохломская роспись», государственные и частные малые предприятия, занимающиеся народными промыслами) на должностях специалистов с оплатой труда в установленном порядке;
- В области научной работы УНПЛ выполняет следующие виды деятельности:
- проведение научно-исследовательских работ по важнейшим для Нижнего Новгорода и нижегородской области культурно-историческим проблемам;
- назначение руководителей тем, включенных в план научно-исследовательских работ УНПЛ, утверждение технических заданий и решение вопросов о финансировании НИР, формирование временных творческих коллективов для решения актуальных культурно-исторических задач в области изучения и сохранения культурного наследия;
- осуществление контроля за выполнением НИР по плану УНПЛ, разработка планов экспериментальной проверки и внедрения результатов законченных НИР в культурную жизнь региона.
- планирование учебного процесса в лабораториях, отделах и других подразделениях предприятий и организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия;
- организация выполнения курсовых и дипломных проектов, учебно-исследовательской работы студентов по тематике, связанной с решением научно-исследовательских, и производственных задач, стоящих перед предприятиями и организациями, занимающимися изучением и сохранением культурного наследия;
- подготовка специалистов по заказам предприятий и организаций, занимающихся сохранением культурного наследия;
- выполнение НИР по тематике предприятий и организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия на хоздоговорной основе и по договорам о творческом содружестве;
- приглашение опытных специалистов предприятий и организаций, занимающихся изучением и сохранением культурного наследия для участия в проведении учебного процесса на условиях штатного совместительства, почасовой оплаты, по договорам о творческом содружестве, а также для участия в работе научных семинаров;

- организация и проведение научно-практических конференций, семинаров и круглых столов;

УНПЛ высших учебных заведений, научных учреждений и базовых предприятий данной отрасли предназначается для координации их совместной деятельности по подготовке специалистов в целях повышения эффективности учебной и научно-исследовательской работы, апробирования и использования результатов научных исследований, организации повышения квалификации работников предприятия и преподавателей.

УНПЛ действует на основе договора между вузом, и предприятием и создаётся при совместном желании участвующих в нем сторон, то есть создание таких комплексов должно будет соединить в единое целое разобщенные ранее науку, образование и производство. За время работы УНПЛ был накоплен богатейший научно-практический материал, который как обогатит новыми технологиями производство, так и послужит для написания аспирантами и преподавателями кандидатских и докторских диссертаций, а студентами курсовых, бакалаврских и дипломных работ.

Также одним из направлений деятельности УНПЛ является активное взаимодействие с Нижегородскими музеями. Несколько лет тому назад возникла идея воссоздания картины быта населения нижегородского края в различные исторические эпохи, с каменного века до современности.

Очевидно, что прошлое в лице ушедшего XX столетия оставило мир в состоянии, когда прогресс и экономический рост приводят к сокращению этнокультурного разнообразия на планете. Этого никак нельзя допустить. И здесь особую актуальность приобретает связь науки культурологии и декоративно-прикладного искусства в области сохранения историко-культурного наследия – одна из немногих областей, удерживающая и развивающая достижения прошлого как залога и устойчивого развития его будущего.

РЕЗНОЕ НАСЛЕДИЕ XIX-XX ВЕКОВ: БОГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА И ИГРУШКА

Бегунов И.Д., ГХИ ННГАСУ

На живописном холме на берегу реки Куньи, левого притока Дубны стоит село Богородское – родина замечательного народного промысла резных деревянных игрушек и скульптур.

Богородское – село старинное. В середине 15 века село принадлежало московскому боярину М. Б. Плещееву. Он завещал его своему старшему сыну Андрею. В 1491 году Андрей в свою очередь завещал своему сыну Федору. Впоследствии в 1595 году село Богородское перешло в Троице – Сергиев монастырь.

Крупнейший феодал, Троицкий монастырь, вокруг которого расположился посад, еще с XIV века начинает играть роль – и порой довольно значительную – в общественной и политической жизни страны. Одно время монастырь доводится до состояния первоклассной крепости, охраняющей

подходы к столице. Такое положение не могло не содействовать материальному благосостоянию монастыря, уже в XV веке владевшего рядом угодий, рыбных промыслов, вотчин и пр. Вокруг монастыря стали объединяться, как обычно это бывало во всех феодальных странах, различные ремесленники. Монастырь довольно быстро развернул торговые операции не только с внутренним, но и с внешним рынками. Ремесла, процветавшие в стенах монастыря и его посаде, были довольно различны.

Снегирев в своем путеводителе, говоря о поездках русских царей в Троице-Сергиеву лавру, сообщает, что „крестьяне и крестьянки лежащих по Троицкой дороге селений подносили царю и царице хлебы, калачи, пироги, блинчики, сыр, квас, пиво, бражку, мед, соты, орехи, репу, бруснику, землянику и другие овощи, а для царевичей – игрушки и потехи». Это свидетельствует о том, что резное дело, начатое в стенах Троицкого монастыря уже в XVII веке, было воспринято жителями Сергиева посада и ближайших к нему деревень. В окрестностях монастыря не замедлил возникнуть ряд мест, жители которых занялись игрушечным промыслом; возможно, что и в соседних губерниях, Владимирской и Нижегородской, этот промысел развивался не без влияния Сергиева посада. Самым значительным местом производства деревянной игрушки была деревня Богородская, Владимирской губ.

С появлением первых Сергиевских деревянных игрушек связаны местные легенды и предания:

Рассказывают, что первые игрушки из дерева стал резать основатель монастыря, Сергей Радонежский, оделявший ими приходивших к нему крестьянских детей.

Другое предание повествует нам о каком-то глухонемом мещанине „Татыге», который лет полтора тому назад вырезал из липового дерева большую куклу и продал ее торговцу Ерофееву, торговавшему около монастыря лаптями, рукавицами, кушаками и т. п. Ерофеев, купив куклу за семь гривен ассигнациями, продал ее за более высокую цену.

Очевидно, „Татыга» не замедлил получить ряд заказов на подобные куклы, так как в скором времени он, не будучи в силах один справиться с работой, стал набирать себе учеников из посадских детей.

Существует и ещё одна легенда способствующая зарождению промысла. Говорят, в маленькой деревеньке близ современного Сергиева Посада жила крестьянская семья. Людьями они были бедными и многодетными. Мать решила позабавить ребятишек и сделать им куклу. Сшила из ткани, но через несколько дней дети разорвали игрушку. Сплела из соломы, да уже к вечеру кукла рассыпалась. Тогда взяла женщина щепку и вырезала игрушку из дерева. Долго забавлялась ребятня, а потом кукла им наскучила. И отец отвез ее на ярмарку. Там нашелся купец, которому игрушка показалась занятной, и заказал крестьянину целую партию. С тех пор, рассказывают, большинство жителей деревни Богородское и занялись «игрушечным» ремеслом.

Деревня Богородская расположена от Сергиева посада всего в 22 километрах, и влияние посадского промысла здесь вне сомнения. Первое время возникновения богородского промысла богородские кустари изготовляли для

посадских игрушечников лишь отдельные части, из которых сергиевцы собирали уже целые игрушки. Потом богородцы стали изготавливать игрушки „в белье», т. е. не раскрашивая их, и в таком виде поставляли их игрушечникам Сергиева посада, которые раскрашивали игрушки и пускали их в продажу.

Такая экономическая зависимость богородских кустарей продолжалась довольно долго и сказывалась в том, что богородцам зачастую приходилось работать по моделям Сергиевских игрушечников. С годами окрепший промысел дер. Богородской занял своими резными игрушками исключительное место в русской художественной промышленности и дал ряд прекрасных мастеров-резчиков, – имена их хорошо известны далеко за пределами нашей республики.

В начале XX века была организована артель, которая в 1960 году была преобразована в Богородскую фабрику художественной резьбы.

Традиционная богородская игрушка – это неокрашенные фигурки людей, животных и птиц из липы, композиции из жизни русского крестьянина. Символом промысла до сих пор считаются «мужик и медведь» в различных сюжетных постановках, первой из которых стала подвижная игрушка «Кузнецы».

Особенно интересны игрушки с движением: на планках, с балансом, с кнопкой. Эти незамысловатые, но всегда остроумные по конструкции приспособления делают игрушку живой, выразительной и особо привлекательной.

Наиболее ранние произведения богородских резчиков, сохранившиеся в музейных коллекциях, относятся к концу XVIII – началу XIX века. Это нарядные куклы в костюмах гусаров и барышень, крестьян и крестьянок, многофигурные скульптурные композиции и многие другие персонажи.

Пёстрые деревянные курочки на подставке, фигурки кузнецов, мужика и медведя. Забавные игрушки, известные на Руси с незапамятных времен, стали основным народным промыслом для жителей подмосковного села Богородское

Для каждого популярного сюжета и образа, привлекавшего внимание мастеров, отработывалась наиболее выразительная композиция, удобная для повторения и предельно экономная в отношении затраты труда; фигуры имели наиболее типичный силуэт, необходимые детали были тщательно отобраны, канонизирована техника резьбы фигурок от первичной обработки чурки до окончательной отделки.

Исходную форму первоначального куска дерева выбирали с учетом композиции. Очертания намечали при зарубке топором. Наметив в стадии зарубки основное положение и пропорции фигурок, мастер удалял с помощью стамесок лишнее количество древесины и уточнял детали.

Завершали обработку поверхности изделия при помощи богородского ножа. Следы обработки ножом и стамеской сохранялись и после отделки изделия. Они позволяли подчеркнуть красоту материала и виртуозность техники исполнения, придавали выразительность деталям. В готовом изделии оставалось ощущение формы деревянной горбушки. Отчасти поэтому, даже не

беря в руки богородские изделия, не чувствуя их легкости, не ощущая поверхности, можно безошибочно узнать материал. Животные в богородской игрушке выглядят очеловеченными.

Современная богородская резьба – многообразна по сюжетам и формам художественного выражения. Она органически входит в художественную культуру, сохраняя древние традиции ремесла.

ПРИМЕНЕНИЕ ОПЫТА ХОХЛОМСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ «АГИДЕЛЬ» (Г. УФА)

Вахитова Р.Р., ГХИ ННГАСУ

Во второй половине XX столетия многие народные художественные промыслы получили второе рождение. Традиционные нижегородские росписи по дереву не стали исключением – с развитием технологических возможностей производства расписных изделий, с разработкой новых форм декорируемых предметов и освоением новых материалов городецкая, хохломская, полхов-майданская роспись приобретали огромную популярность в России и за рубежом. Особенным вниманием пользовалась уникальная хохломская роспись, что вызывало у многих предприятий народных художественных промыслов желание позаимствовать технологию золочения деревянной поверхности изделий и приемы свободно кистевой орнаментальной росписи. Таким образом, в 70-е годы возникли отдельные отрасли производства расписных изделий «под хохлому» в Курске, Липецке и Уфе.

Сами изобразительные мотивы росписи местные художники старались перерабатывать в соответствии с традиционным народным искусством своего региона – в Центральной России в узорах на дереве чаще встречались достаточно реалистичные ягоды и полевые цветы, а на Урале делался акцент на традициях национального башкирского орнамента. В целом же процесс восприятия художниками других частей страны хохломского наследия, имеющего глубокие корни на нижегородской земле и тесно связанного с древнерусским декоративно-прикладным и религиозным искусством, достаточно противоречив. Это связано, прежде всего, с необходимостью тщательного переосмысления элементов и композиций заволжской росписи в соответствии с изобразительными традициями заимствующего региона. Другими словами, необходимо учитывать тенденции, длительное время развивавшиеся в искусстве коренного населения воспринимающей местности. Только в этом случае новое направление в росписи по дереву может успешно существовать и претендовать на самостоятельность.

Важным этапом в направлении переработки хохломского наследия стало внедрение его основных технологических принципов в деятельность государственного унитарного предприятия Башкирские художественные промыслы «Агидель» (г. Уфа). ГУП БХП «Агидель» поставило своей задачей создание декоративно-прикладных изделий, выполняемых из самых разных

материалов в совершенно отличающихся техниках. Так, в состав предприятия входят 6 основных цехов (художественных изделий из дерева, лаковой миниатюрной живописи, росписи по ткани, художественной вышивки, швейного производства и мебельно-подготовительного производства), а также 3 цеха, на которых производятся заготовки, полуфабрикаты будущей продукции, и три филиала в других районах республики.

Главной же линией производства художественных изделий на предприятии «Агидель» стало придание национального колорита форме и декору создаваемых предметов. И, несмотря на полное совпадение технологического цикла создания расписных изделий, «башкирская хохлома» разительно отличается от нижегородской (за исключением фоновой росписи). Большое и разностороннее производство декоративно-утилитарных изделий выросло на базе разрозненных очагов народных промыслов Башкирии. В 1928-1929 годах кустари, которые прежде шили шапки, объединились в производственные артели в таких населенных пунктах, как Бирск, Шафраново и, соответственно, Уфа. В 40-е и 50-е годы прошлого века участники этих объединений занимались созданием маскировочных сетей, канатов, производством ковров с национальными узорами, постепенно осваивая различные отрасли народного художественного творчества.

Производственное же объединение БХП «Агидель» сформировалось в декабре 1963 года. Целью его создания стало сохранение традиций народного творчества республики. В 70-е годы в Уфу были приглашены художники с фабрики «Хохломская роспись» города Семенова. Приглашенные мастера активно обучали уфимцев технологическим особенностям своего промысла в рамках программы художественного училища. Так, уже с 1974 года метод создания точеных хохломских изделий был внедрен в производство на предприятии «Агидель».

Стоит отметить, что «башкирская хохлома» достаточно быстро завоевала популярность и стала восприниматься как часть традиционной культуры республики. Во многом это объясняется успешным решением художественной задачи по формированию гармоничного национального орнамента, но в хохломской технике свободно кистевой росписи. Так народные башкирские узоры получили новое звучание на золотом фоне деревянной посуды, используя традиционные для хохломы цвета – чёрный, красный, зеленый и жёлтый. По аналогии с нижегородскими росписями происходит и построение композиции изображения – в строгом соответствии с формой и назначением украшаемого предмета.

На предприятии «Агидель» выпускаются такие деревянные изделия с художественной росписью, как вазы, поставки, салатницы, солонки, столовые наборы, ложки, шкатулки, наборы для кумыса и других напитков, декоративные панно и сувениры, и т. д. Популярной формой посуды здесь также стали челяки для знаменитого башкирского мёда. Их вытачивают из древесины липы, качества которой способствуют оптимальным условиям хранения меда, а в сюжетах их росписи нередко наблюдается образ медведя, и орнамент может напоминать пчелиные соты. Расписываются и национальные му-

зыкальные инструменты – саз, думбра, кыл-кубыз. Некоторые изделия специально разрабатываются к праздникам или по эксклюзивным заказам.

В качестве основных материалов для расписных изделий используют липу и березу, а в особых случаях применяются ценные капо-корень и ильм. Находят применение и тарелки, подносы, панно из прессованного дерева – они, как правило, несут декоративную функцию.

Наряду с образцами росписи по дереву ГУП БХП «Агидель» производит предметы из дерева, украшенные плоскостной и объемной резьбой, а также изделия с лаковой миниатюрой, строчевой вышивкой, росписью по ткани, ручным ткачеством. В основе декоративного оформления любых изделий производственного объединения лежит национальный башкирский орнамент. Восточные растительные узоры украшают и элементы народного костюма, и вышитые предметы быта, и расписные деревянные изделия. Очень богато выглядят работы в технике батика, ворсовые и безворсовые ковры закладного и выборного ткачества». Число вариантов художественной продукции «Агидели» превышает пятьсот наименований.

В процессе разработки прикладных изделий с башкирским колоритом специалистами предприятия был собран богатый этнографический материал, предметы башкирского народного творчества. При «Агидели» возник свой музей народных художественных промыслов Башкирии, в котором изделия старых мастеров, найденные в ходе экспедиций по республике, соседствуют с новыми экспериментальными разработками уфимских художников. Данное собрание позволяет современникам изучать национальное наследие и учитывать его при проектировании будущих изделий народного искусства.

По словам генерального директора ГУП БХП «Агидель» Р. Фатхлисламова, «в условиях возросшей конкуренции на предприятии ведется поиск новых решений в разработке форм и технологий работы, создавая современный стиль на основе старинных способов производства и сохраняя всю свежесть и непосредственность народной души, выражающей себя через декоративно-прикладные предметы». Изделия народных промыслов и сувениры под маркой «Агидель» продаются в разных регионах России и активно экспортируются за рубеж, постоянно принимают участие в различных выставках, форумах, фестивалях и национальных торжественных мероприятиях.

В настоящее время продукция государственного унитарного предприятия БХП «Агидель» является одной из визитных карточек республики, и переживает очередной подъем. Ассортимент продукции пополняется новыми изделиями с оригинальным дизайном, удачно сочетающим древние традиции и современность. Ценится не только внешний вид изделия – всегда национально самобытный и оригинальный, – но и его функциональность, применимость в быту. Особо следует отметить новые направления, осваиваемые художниками «Агидели» – геральдическая вышивка (гербы, штандарты) и изготовление юрт, ставших уже неотъемлемой частью народных торжеств, сабантуев, ярмарок и официальных мероприятий. Юрты создаются из дерева и покрываются войлоком или тканью, которые по традиции нередко декорированы вышивкой или аппликацией. Идет постоянная разработка новых

форм изделий – прежде всего, это сувенирная продукция (шкатулки, магниты и др.), а также предметы мужского и женского национального костюма.

Выпуск новых видов продукции на «Агидели» часто бывает приурочен к важным мероприятиям, значительным датам в жизни республики, как например, в 2007 году предприятие выпустило ряд сувенирных изделий с юбилейной символикой, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Также на предприятии постоянно проводятся «дни качества» для решения вопросов оптимизации и модернизации технологических процессов производства и расширения и усовершенствования ассортимента выпускаемой продукции. Это связано и с обновлением оборудования, которое теперь нередко закупается за рубежом (к примеру, в Японии заказывался многофункциональный автомат для промышленной вышивки). Немаловажную роль играет активная поддержка Правительством республики производства декоративно-прикладных изделий с национальным колоритом – правительственные и президентские заказы на республиканском и российском уровне заметно стимулируют развитие предприятия «Агидель», содействуют производству изделий на экспорт и сотрудничеству с международными организациями, представляющими сферу декоративного искусства.

Что же касается именно росписи по дереву – здесь внедрены приемы имитации на дереве фактуры камня посредством росписи. Как отмечает автор статьи о традициях и перспективах развития предприятия «Агидель» О. Шеметова, «поверхность изделий из дерева приобретает вид природных полудрагоценных камней («уральские самоцветы», яшма, малахит), украшенных тончайшей вязью золотых растительных башкирских узоров... В результате применения этой технологии ассортимент продукции, выпускаемой ГУП БХП «Агидель», значительно изменился, стал по-новому интересен и оригинален». Изображения получили и сюжетный характер – это персонажи народных сказок, легендарные люди, сыгравшие важную роль в истории республики, животные, распространенные на территории Башкирии. Изделия же хохломского характера в нынешнее время пользуются гораздо меньшим спросом.

Подобные новшества, по мнению специалистов предприятия, повышают конкурентоспособность производимых изделий, преимущественно относящихся к сувенирам, а также поддерживают интерес к национальной культуре. С другой стороны многие предметы декоративно-прикладного искусства, ранее создаваемые в Уфе, признаны невостребованными, устаревшими и сняты с производства – среди таких изделий есть и образцы с «башкирской хохломой».

Таким образом, «башкирская хохлома» – это сохранение национального орнамента в сочетании с принесенной из Горьковской области технологии самой росписи. Стоит отметить, что та роспись по дереву, которая развивается на «Агидели» – это выход для сохранения национального своеобразия традиционных башкирских изобразительных мотивов. А малые народы всегда более ревностно относились к сохранению национальных традиций. В сознании жителей Башкирии прочно закрепился образ «башкирской хохло-

мы» как республиканского промысла, тем более что во многих домах еще используют изделия с данной росписью.

Тем не менее, получившую развитие в Башкирии адаптированную хохломскую роспись нельзя считать традиционным республиканским народным промыслом. Во многом – из-за новизны на данной почве самой технологии производства по нижегородскому образцу и благодаря легкому переключению на другие виды изобразительных мотивов, более отвечающие современному спросу на декоративно-прикладную продукцию. Более того, нельзя называть продукцию ГУП БХП «Агидель» именно хохломской росписью, ввиду кардинальных отличий в характере самого декорирования деревянных золоченых предметов.

Таким образом, рассматривая условия формирования и развития российских предприятий художественной росписи по дереву, позаимствовавших технологические приемы хохломской росписи и претендующих на существование собственных расписных «хохломских» промыслов (на примере ГУП БХП «Агидель»), необходимо учитывать опыт их выживания в современных условиях. Прежде всего, оглядка на методы сохранения и развития национальных и региональных традиций в других местностях может помочь в решении современных проблем народных промыслов Нижегородской области. А пример «Агидели» демонстрирует важность проявления гибкости в освоении новых форм и выразительных средств декоративно-прикладного искусства и особую роль властей в покровительстве традиционному народному искусству. Применение данных условий для предприятий народных художественных промыслов Нижегородской области могло бы поспособствовать их более успешному существованию и выведению из затяжного кризиса, начавшегося в отрасли еще в годы перестройки. А для региона в целом значение восстановления местных традиций трудно переоценить – это и перспективы развития туристического бизнеса, и новые вложения в благоустройство, и развитие инфраструктуры и, самое важное, воспитание молодого поколения в традициях родной культуры.

ПОЛХОВ-МАЙДАНСКАЯ РОСПИСЬ

Кабанова А.В., ГХИ ННГАСУ

Полхов-майданская роспись возникла в недавние времена в южном Вознесенском районе Нижегородской области, где в 1920-1930 годы было налажено производство расписных выточенных на токарных станках игрушек – свистулек, матрешек, бочат, яиц, балалаек, грибов, самоварчиков, которые были названы весело и ласково «тарарушками». Село Полховский Майдан, ставшее в 50-е годы центром нового промысла, получило широкую известность. Сверкая радугой ярких анилиновых красок и лаком, чудесные игрушки отсюда расселились по многим базарам России. Они сразу же полюбились детям своим заразительным наивом и свежим восприятием мира,

где бегут по небесам розовые и голубые тучки, крутятся дивные мельницы, поют радостные птицы.

Основные мотивы узоров этой росписи – цветы: роза, мак, ромашка, тюльпан, шиповник. Есть и сюжетная роспись. Чаще всего это сельский пейзаж с речкой, домиками, церковью и мельницей на берегу, а также обязательной красной зарей на небе. Ассортимент игрушек-тарарушек разнообразен. Одна группа – детские игрушки: матрешки, птички-свистульки, лошадки, игрушечная посуда, грибы-копилки, балалайки, коробочки-яблоки. Другая группа изделий – традиционная русская посуда: солонки, чаши, сахарницы, «поставки» – цилиндрические сосуды для хранения сыпучих продуктов, самовары, коробочки. В большом количестве вытачивают и расписывают пасхальные яйца.

Вознесенский район (образовался в 1929г.) – один из районов Нижегородской области, расположенный в ее юго-западной части на границе с Мордовской республикой и Рязанской областью, занимает 130,3 тысяч га. Поселение Вознесенское известно по документам с XVI века. Основателем его был мордвин Кудин. Первое его название Ошпире. С постройкой церкви Вознесения получает название Вознесенское. Именно на эти земли в 1667г. после подавления восстания под руководством Разина на речку Полховку прибыли ссыльные, высланные по легенде с Дона за участие в крестьянской войне, они и стали основателями Полховского Майдана. Село Полховский Майдан расположено в нечерноземской полосе юго-восточной части Вознесенского района, в прошлом на севере Тамбовской губернии бывшего Темниковского уезда, на землях скудных, не удовлетворяющих постоянных нужд местных жителей. С начала XIX века крестьяне села занимались подсобными промыслами, в частности, токарным делом, развитию которого способствовали ежегодно проводившиеся в Нижнем Новгороде ярмарки.

Образ матрешки, которую делают в Полх-Майдане, отличается от всех известных. Мастера «изобрели» и свою форму матрешки. Нынче местные матрешки «потолстели», стали обаятельнее. Матрешка удивляет яркостью нарядов гигантских многоместных матрешек. В росписи матрешки полховско-майданские мастера используют разнообразные приемы: «цветы с наводкой» – самая известная и самобытная роспись с предварительным наведением рисунка и последующей заливкой плоскостей цветом; «цветы без наводки» или «травки» – роспись, напоминающая семеновскую и хохломскую; «пестрение» – простейшая роспись, которая выполняется линейными мазками, отводками, черными точками; «домики» – изображение пейзажа и архитектурных ансамблей. Своеобразная модульная система росписи, в основе которой лежит короткий с нажимом росчерк пера и простой мазок кисти, позволяет при относительной простоте исходных приемов и ограниченного их набора выполнять разнообразные по формам и очертаниям, но единые по ритмике, орнаментальные мотивы. В результате упругая и как бы пульсирующая линия контура, нанесенная легкими движениями пера, четко обрисовывает остроугольные листья, овалы лепестков, выявляет среди листвы плавно изгибающийся стебель.

Производство знаменитых игрушек-тарарушек яркой затейливой росписью берет свое начало в селе Полховский Майдан Вознесенского района. В конце XVIII века многие крестьяне переняли токарный промысел от монахов Саровского монастыря, производивших в собственных мастерских деревянную посуду. В начале XX века в Полховском Майдане начинают применять «выжигание» токарных изделий.

Впервые в село привез выжигательный аппарат крестьянин-кустарь Полин Павел Никитич. Выжигание, а позднее и крашение токарных изделий, нередко производились наемными работниками в мастерской хозяина. Тогда и сложился характерный, дошедший до наших дней, майданский орнамент и пейзажный композиционный сюжет. До сих пор в селе помнят легенду о том, что в давние времена в войске Степана Разина была предводительница по имени Алена – бывшая крестьянка из-под Арзамаса. В ее отряде воевали и непокорные предки полх-майданских кустарей. Под селом Темниковым, что в Мордовии, Алену взяли в плен и по приказу князя Долгорукого сожгли на костре. А на том месте, где погибла крестьянка-атаманша, выросла и расцвела алая роза. Вот, якобы ту самую розу и перенесли на свои расписные игрушки мастера Полховского Майдана.

С применением масляных и клеевых красок расширился ассортимент крашенных изделий. Существовал этот вид художественной росписи с 1928 по 1934 годы. С 1933 года в селе начали красить посуду анилиновыми красителями, которые по яркости превосходят масляные и клеевые краски. В 1969 году Казаков Петр Ермолаевич и Авдюков Григорий Алексеевич организовали артель «Красная заря», которая в последствии стала производственным объединением «Полоховско-Майданская роспись». Сегодня традиции промысла продолжают частные предприниматели.

Сувениры и матрешки, которые здесь производят, отличаются от всех известных необыкновенной яркостью и оригинальностью. Матрешки имеют и специфические названия – тарарушки. В росписи тарарушек и сувениров полхов-майданские мастера используют разнообразные приемы: «цветы», «травки», «пестрение», «домики». Все это придает неповторимость не только знаменитым тарарушкам и сувенирам, но и другим изделиям мастеров, которые выпускают еще и посуду, и разнообразные предметы быта, например, вазы, поставки, бочонки, полочки и многое другое.

СОЛОМОПЛЕТЕНИЕ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Галкина А. К., ГХИ ННГАСУ

Как и у многих земледельческих народов, у славян солома была важным в крестьянском хозяйстве материалом. Плетением соломки занимались не одну тысячу лет. В основном для него использовались растительные материалы. Традиция использования соломки возделываемых человеком злаковых культур для плетения стала продолжением традиции плетения диких растений и поклонения человека умирающим и воскресающим божествам

растительного мира. С соломой крестьяне связывали свою будущую жизнь, даруя ей роль предсказательницы в многочисленных колядных гаданиях.

Зерном осыпали молодых на свадьбе, а молодую сажали на солому, чтобы сила растений передалась молодой семье и их будущим детям. Сформировались два основных направления в изготовлении человеком плетеных из соломки изделий. Одно имело ритуальное значение, и происхождение свое вело из сферы верований и поклонений человека верховным божествам природы, второе относится к сфере материальной жизни человека. Сельские жители, занимающиеся земледелием, использовали солому в быту. Из нее делали разнообразную утварь для хранения, переноски продуктов и одежды; из нее изготавливали головные уборы, обувь, шкатулки, куклы, широко использовали ее и для инструкции, а в некоторых странах – элементы верхней одежды.

Соломенные «пауки», одно из самых древнейших творений из соломки и, пожалуй, самое загадочное. Их формы, построенные на соединении множества одинаковых модулей, поражают своей гармонией. Хаос множества соломенных трубочек в руках творящих мастеров превращается в космически упорядоченные диковинные конструкции, будто в руках мастера создается Мир. Современные исследования во многом подтверждают эту аналогию. «Пауков» в крестьянских семьях вывешивали в канун Нового года, на самом почетном месте дома – Красном углу. Его строгая гармония форм и движения призваны были оберегать дом и его хозяев, вбирая в паутину своей конструкции все негативное, что могло помешать счастливому течению жизни семьи. Каждый год повторялся цикл. Старый «паук» сжигался и на его место вывешивался новый. «Паука» подвешивали над колыбелькой ребенка и над головами молодых во время свадьбы. Охранять, приносить счастье и в то же время украшать, давать возможность любоваться – такое назначение этих удивительных конструкций.

Кони, козы, птицы, куклы из соломки – все это божества и защитники: конь – герой многих поверий и сказок, он всегда сопровождал мужчину, был и другом, и советчиком, и защитником; коза – символ урожая и плодovitости; кукла – Мать-Прародительница, защитница женщин; птицы – души предков, охраняющие и помогающие ныне живущим на Земле. На протяжении всей истории своего существования человек не мог обойтись без надежды на помощь и поддержку, непонятых им до конца, сверхъестественных сил. Он наделял их образами, которые сопровождали его всю жизни. Фигурки дарили молодым на свадьбе, друг другу в соответствующие праздники, большие изображения Масленицы, Марены делали во время массовых обрядов, принося в жертву через сожжение или потопление.

Старинные обычаи изготовления из соломки ритуальных животных, кукол пришли в нашу жизнь. Стали темой для творчества многих современных мастеров и художников. Современные люди во многом утратили веру в божественность создаваемых ими образов. Однако удивляет сила и мощь народных традиций перешагнувших через века и продолжающих свое существование.

В большинстве мировых культур вера в Духа или Бога урожая, который обитает в зерне и чей дом человек разрушает после того, как собирает урожай, была очень сильна. Известные во многих странах мира плетения в виде клеток «благословенные дома», венков были призваны служить временным пристанищем утратившему свой дом Духу поля. Такое же символическое значение имел и последний сноп, который хранили до следующего земледельческого года, в начале которого, во время вспашки полей.

Периодом наивысшего взлета соломоплетения это конец XVIII- начале XIX веков. В это время белорусскими мастерами были созданы, уникальные в истории искусства, соломенные Царские врата. До наших дней сохранилось трое Царских врат, двое из них хранятся в Музее белорусского народного искусства деревни Раубичи под Минском, одни в Гродненском историко-археологическом музее. Предполагается, что соломенное оформление имели целые иконостасы в униатских церквях.

Упадок в соломоплетении, после взлета в XVIII- начале XIX-го веков, начался с середины XIX века. Соломенные изображения животных и птиц утрачивали свою обрядовую значимость и постепенно перешли в ранг детских игрушек.

Соломенные бытовые изделия для хранения продуктов, зерна, которые были незаменимы в крестьянском быту на протяжении многих веков также стали вытесняться более современными изделиями. Хотя по прочности они могли соперничать с любыми из них. Емкости, выполненные в технике спирального плетения, имели самые разнообразные размеры и формы и находили широкое применение в хозяйстве. Самые большие могли вмещать в себя десятки килограммов зерна. Они были гигроскопичны, их не грызли мыши. Эти неоценимые качества соломенной утвари сделали их жизнь в крестьянской среде более продолжительной нежели пластики. И даже в 1940-1950-е годы некоторые крестьяне изготавливали такие изделия для себя.

С середины XIX века начало уменьшаться и изготовление элементов одежды из соломки. Самыми распространенными из них были соломенные шляпы. Соломенная шляпа была обязательной частью народного летнего мужского костюма. Постепенно сельские жители стали отдавать предпочтение головным уборам фабричного производства, а шляпы продолжали носить для защиты от солнца во время работ в поле или когда пасли скот.

Новый взлет в истории соломоплетения начался в 1960-е годы. С этого времени соломоплетение стало интенсивно обогащаться новыми приемами плетений. Развилась и художественная сторона соломенных изделий.

Начало 1980-х годов отмечено в Европе как момент возрождения и переосмысления современным человеком значения обрядов и ритуалов, связанных с земледелием и возделыванием хлеба. Именно в эти годы в мире стали складываться любительские объединения соломоплетельщиков.

Члены этих организаций собирали коллекции из уцелевших изделий, занимались изучением и исследованием традиций, возрождали старинные технологии плетения и аппликации солодкой. Например, в Англии в городе Витлси возродили традицию проведения фестиваля «Соломенный мед-

ведь» с шествием ряженных и музыкантов. Фестиваль проводится через 12 дней после празднования Рождества, в это время в Англии начинается вспашка полей. Аналогичный праздник существует и в Германии, во Франкфурте, перед масленицей.

Оба фестиваля связаны с началом сева. Медведь, выполненный из соломы, воплощает в себе древнейшие верования, связанные с культом предков, урожаем и защитой. В конце праздника соломенный медведь сжигается, открывая путь для возрождения медведя следующего года, который будет создан из соломы нового урожая. Ход проведения праздника с шествием и соломенным чучелом напоминает празднование славянскими народами Масленицы.

В современном соломоплетении появились имена. В отличие от соломоплетения прошлого – безымянного, не оставившего для истории ни одного имени мастера. Родоначальницей современного соломоплетения является Вера Ильинична Гаврилюк (1904-1986). Она возродила древнейшие приемы изготовления соломенных фигурок. Вера Ильинична стала основательницей художественного промысла на Брестской фабрике художественных изделий, за ней последовала мастер из Могилева Екатерина Артеменко. И многие другие мастера составляют сокровищницу искусства соломоплетения. Пример мастеров оказался захватывающим для более молодого поколения мастеров и художников.

НАСЛЕДИЕ БОРНУКОВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Бегунов И.Д., ГХИ ННГАСУ

Село Борнуково получило своё название от имени основателя – татарского мурзы Борнука Васильева, получившего эти земли от Ивана Грозного после похода на Казань в 1552 году.

Известность же село Борнуково приобрело еще четыре века назад. Оно издавна славилось удивительным камнем, добываемый в таинственной пещере, известной во всем мире камнерезами. Это одна из четырех подобных пещер на территории России. Но известна Борнуковская пещера всему миру и своим камнем.

История камнерезного промысла уходит корнями в далекое прошлое и неразрывно связана с таинственной «мраморной» пещерой, расположенной на берегу реки Пьяны в с. Борнуково Бутурлинского района. Издавна эта пещера славилась своим поделочным камнем – ангидритом или как его называли «нижегородским мрамором». Он был самых разных оттенков: розового, белого, голубоватого, коричневого, серого и зеленоватого, с разнообразными рисунками и узорами

Академик Л.В. Даль так описывал уникальный борнуковский камень: «... чист, как сахар, местами волокнистый, местами прозрачный, как стекло». В начале XVIII века (село принадлежало тогда адмиралу Ф.М. Апраксину) борнуковцы продавали свой камень. И лишь при Екатерине II, выработка

камня в Борнукове (село тогда принадлежало полковнице А.Ф. Киселевой) была подчинена Дворцовому ведомству. Частную добычу запретили. Правительственное предписание об этом поступило Нижегородскому наместнику А.Н. Ступишину 16 июля 1780 года.

Пещера и земли в окрестности с. Борнукова до революции принадлежали купцу – торговцу Анфилову. Он содержал рабочих, которые разрабатывали камень, изготовляли левкас и алебастр. Левкас отправляли в Большое Мурашкино на овчинно-шубный завод. В низине стояло много сараев. Весенние воды Пьяны затапливали их, и тогда для ограждения своего хозяйства борнуковцы начали отливать гипсовые доски.

Резьба по мягкому камню – одна из наиболее сложных областей современного декоративного искусства, и среди камнерезных промыслов России мастера предприятия «Борнуковская пещера» обладают индивидуальным творческим лицом, продолжая традиции анималистического жанра в русском народном творчестве.

Уже XVII века борнуковцы продавали камни во все города России. Из них изготавливали облицовочные плиты, которые шли на отделку дворцов Санкт-Петербурга и Москвы, богатых усадеб дворцовой знати. Екатерина II своим указом подчинила промысел дворцовому ведомству.

Первые попытки декоративной обработки борнуковского камня были предприняты примерно в середине XIX века. Достоверно известно, что на Нижегородской выставке 1896 года были выставлены высокохудожественные работы борнуковских мастеров – фигурки людей, животных, гипсовые вазы, пепельницы, масленки, доски для столов, умывальников. С годами художественный промысел заглох.

В 20 годах XX в. борнуковцы начали отливать гипсовые доски. Одним из первых этим промыслом занялся А.Д. Егорушин. Он же один из первых построил из гипса дом.

Чуть позднее мастер по изготовлению гипсовых досок П.С. Кузин начал лить белый кирпич, из которого и сейчас сложены многие дома в округе.

Артельное начало в изготовлении строительного материала пришло в Борнуково в феврале 1929 года. Местные кустари создали артель. Зимой камнеломная бригада изготовляла камень в пещере, а весной и летом готовила алебастр и левкас. Техника обработки была примитивна. Обжиг алебастра проводился в маленькой напольной печи, а размол в плетневом сарае с помощью камня курана.

Во время заготовок в пещере ломался и хороший поделочный камень. Он привлек внимание лучшего мастера – камнереза Урала П.Л. Шальнова. Шальнов в мае 1930 года приехал в родную губернию и организовал на базе артели «Борнуковская пещера» участок художественной обработки камня. Художник – скульптор (так он называется в документах), П. Шальнов проработал в артели с мая 1930 до августа 1931 года. Затем по 1933 года трудился в Горьковском товариществе «Художник».

Первые годы камнерезное производство размещалось в каменном сарае бывшего кулака Анфилова, затем в деревянном здании лишь в 1934 году перешли в новое здание, которое и сейчас занимает фабрика.

Энтузиасты-художники все работы вели вручную. Тем не менее, предвоенные годы стали годами бурного развития для местного промысла. С 1933 года, когда во главе производства становится Виктор Баулин, кроме традиционных фигур зверей и птиц, начали изготавливаться резные ночники, пепельницы и письменные приборы.

Самый любимый образ борнуковских мастеров это «Конь». Он прошел вместе с фабрикой долгий путь с начала ее рождения и побывал на художественных выставках практически всей планеты: в Европе, Латинской Америке, Азии, Африке.

В 1937 году семь изделий мастеров были представлены на Всемирной выставке в Париже.

Каждый год приносил борнуковцам новые доказательства признания их таланта:

1937 год принёс борнуковцам премию областной выставки. В 1938 году борнуковцы получают премию выставки художественных ремесел Горьковской области

А 1940 год приносит дипломы Всесоюзной выставки камнерезного промысла в Перьми.

В то время в Борнукове выпускалось 28 разновидностей чернильных приборов, 29 пепельниц, 48 фигур и статуэток.

120 камнерезов и 65 шлифовщиц выпускали в 1940 году изделий на один миллион 39 тысяч рублей. Продолжалось наращивание мощностей. В 1939 году сдан в эксплуатацию алебастровых цех. В 1941 году были включены в план парафиновый цех и механизированная мастерская по распилке камня.

Июнь 1941 года прервал большие планы мастеров – камнерезов. Но уже в 1944 году промысел оживился.

В 1945 году коллектив артели участвует в первой послевоенной выставке за рубежом, которая была организована в октябре 1945 г. в Лондоне.

Ряд Борнуковских изделий отправляются на выставки по всему миру в Европу, Латинская Латинскую Америку, Азию, Африку, на Брюссельскую Всемирную выставку, в Нью-Йорк, Алжир, Гвинею, Ливию, Мали, Марокко и другие государства.

Каменные фигурки с удовольствием раскупали жители Америки, Франции, Англии, Германии, Чехословакии, Ирландии, Финляндии, Швеции, Японии.

Из-за незнания горного дела в ноябре 1957 года борнуковцы лишились пещеры. Камень пришлось завозить сначала из Куйбышевской области, затем из Краснодарского края.

Но тем не менее 60-е годы отмечены подъемом творчество Борнуковских мастеров. Областная юбилейная выставка и Всемирная Канадская вы-

ставка 1967 года наглядно свидетельствовали о творческих успехах камнерезов.

80-е – 90-е годы отмечены постепенным угасанием камнерезного промысла.

Впервые за долгие годы в Борнукове вновь делают борнуковскую игрушку. НПО «Синь России» выкупило здание детского сада и оборудовало его под мастерскую камнерезного дела. В декабре 2006 года состоялось открытие Дома ремесленника. Руководит Домом ремесленник мастер, член Союза художников России Иван Викторович Евстифеев, он и обучает камнерезному делу.

При обработке камня используется токарная обработка в сочетании с объемной и рельефной резьбой, гравировкой. Образцы животных и птиц отличаются лаконичностью и в тоже время неповторимыми «характерами», которые позволяют выявлять природную красоту материала. Выразительный силуэт, мягкая пластичность, лиричность, бесхитрость создаваемых образцов передают красоту и своеобразие животного мира и доброту русской души.

Помимо скульптур птиц и зверей, в большом ассортименте мастера предприятия изготавливают предметы быта: изящные подсвечники, вазы, шкатулки, письменные наборы.

В настоящее время Дом ремесленника выглядит, как солидное производство художественного промысла, где созданы все условия для изготовления игрушки. Рабочие места оборудованы современной техникой. В рамках инвестиционного плана по развитию камнерезного промысла и Борнуковской пещеры – благоустройство входа в пещеру, ремонтные работы подъездных путей, создание места отдыха и включение посещения Борнуковской пещеры туристический маршрут. Возрождение Борнуковского промысла имеет и социальное значение, является ярким духовных стимулом для воспитания гражданственности и патриотизма.

БАЛАХНИНСКИЙ ИЗРАЗЦОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ XVI – XVIII ВЕКОВ

Чичикалова И.С., ГХИ ННГАСУ

Среди облицовочных материалов балахнинские изразцы XVI-XVIII веков занимают видное место. Но никто не может точно сказать, откуда пришло и когда началось производство поливной черепицы и стенных изразцов на балахнинской земле. Можно только предположить, что выпуск изразцовых изделий был освоен где-то в XVI веке мастерами гончарной посуды, изготовление которой было начато населением балахнинской низменности еще в очень далекие года, когда еще не существовало усольское поселение.

Термин «изразец» или «образец» – разновидность архитектурно-декоративной керамики. Применялись они для внешней облицовки зданий и их внутреннего убранства. Материалом для изразцов служила огнеупорная глина. Глину многократно перелопачивали, чтобы она была эластичной и од-

народной массой, и две-три зимы вымораживали, добавляли присадок, что нередко являлось семейным секретом, размешивали. Это трудоемкая работа нужна для того, чтобы при обжиге изразец не вышел из печи с трещинами. И прежде чем изразец, радуя глаза, засверкает всеми цветами радуги, велась огромная подготовительная работа резчика по дереву. Резчик по дереву с большим терпением и упорством воплощал в дереве свой замысел. Выпуск изразца с орнаментом требовал большого мастерства, художественных способностей и знания секрета масляных красок для покрытия изложниц, для придания им гладкости и водостойкости.

Во второй половине XVI века в Балахне первые изразцы выделялись одного тона. Они назывались муравлеными и поливы были у них зеленые. Позднее научились делать изразцы с рельефными изображениями. Муравленные изразцы сохранились до наших дней довольно в большом количестве. Они известны в Москве, Юрьеве, Пучеже, Костроме. Употреблялись зеленые изразцы для внешней облицовки домашних печей. По материалу, технике исполнения, орнаменту они отличались большим разнообразием.

Согласно по сохранившимся архивным записям и преданиям можно говорить о большом мастерстве балахнинских людей. Тот факт, что при постройке в Москве Покровского собора (1554-1560гг.) Иваном IV для покрытия изразцами шатров собора были выбраны балахнинские мастера, говорит о многом. Балахнинские мастера с особым рвением взялись за дело. Шатры этого собора украшали цветными изразцами. Эти изразцы напоминают форму круга, квадрат, ромба, прямоугольника, треугольника. Изразцы были окрашены эмалями разных цветов: белой, голубой, красной, бирюзовой, коричневой, синей, желтой. Но в 1880 году после реставрации собора некоторые изразцы были сняты и переданы на хранение в Московский исторический музей.

Полихромные изразцы с разнообразными изображениями цветов и сказочных птиц можно также увидеть на шатрах балахнинской Никольской церкви, на стенах балахнинской колокольни Спасской церкви, в кладке стен Нижегородского Архангельского собора.

Бурный расцвет изразцового производства наметился в XVII веке. Мастера стали выделять изразцы более крупных размеров. Балахнинские изразцы XVII века резко отличаются от всех предыдущих как техническим, так и художественным исполнением. Если при первом взгляде на изразцы XVI века можно увидеть, что они оттиснуты при помощи грубо вырезанных форм, то в работах XVII века наблюдается изящное и рельефное изображение различных рисунков. Балахнинские изразцы отличаются живописными красками и замысловатыми фигурами. Мастера умели соединить яркие, на первый взгляд несовместимые цвета, так что они составляли гармоническое целое. Многие изразцы украшены цветными фигурами людей, птиц, зверей и фантастических животных. Особенно четких форм мастера добились в изображении львов, павлинов, растительного орнамента в синих, коричневых, фиолетовых тонах, встречаются изразцы и на мифологические сюжеты. Возможно, что эти изразцы были оттиснуты на металлической форме. К числу

уникальных изразцов можно отнести «сирин птица рая» – образ птицы души, птицы райской. Птица сирин с женской головой, на которой покоится корона. Эта птица являлась хранителем домашнего очага.

В начале XVIII века начинается коренной перелом в стиле и выделке изразцов. Появляются гладкие изразцы, на которых по гладкому полю рукою мастера, словно кистью художника на полотне, выполнялись живописные рисунки. При росписи поливных изразцов увеличивается гамма красок. Балахнинские изразцы служили украшением для церквей, ими обрамляли окна вместо деревянных резных наличников и применяли при облицовке зданий.

Изразцовые печи балахнинских мастеров можно встретить в различных уголках России. В Грановитой палате московского Кремля отлично сохранилась изразцовая печь. Эта печь была сооружена в первой половине XVIII века. Под Москвой, в районе Красная Пахра, в бывшем дворце Шереметьева сохранилась изразцовая печь второй половины XVIII века. Сохранились изразцовые печи в Нижнем Новгороде, Балахне, Муроме, Гороховце, Пучеже, Катунках. Уникальные по красоте, привлекательные по внешнему виду, оформленные с большим художественным вкусом сохранились печи в бывших романовских покоях в Костроме. Эти изразцовые печи можно сравнить с полотнами прославленных художников. Многие работы балахнинских мастеров можно с уверенностью назвать произведениями искусства. Балахнинские мастера оставили потомкам нетленную красоту своего искусства. К сожалению производство изразцов прекратилось в 1880-е г. – отчасти в следствии истощения запасов подходящей глины, но главным образом из-за конкуренции предприятий, многочисленных кирпичных заводов

ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Горохова О.А., ГХИ ННГАСУ

В настоящее время история металлообрабатывающих промыслов на территории Нижегородского края является одной из наиболее проблемных и малоизученных. Учитывая современную ситуацию в мире, возрождение и рост интереса к краевой истории и культуре, она занимает одну из доминирующих позиций.

Железо вводилось финно-угорскими племенами в металлургию бронзы в ранний железный век постепенно. Со временем происходило вытеснение железными изделиями бронзовых и каменных, поскольку железо обладало лучшими качествами. Уже к началу нашей эры металлургия железа становится повсеместно распространённой. Освоение железа в ранний железный век положило начало воинскому искусству, с чем в дальнейшем будет связано развитие цивилизации.

Залежи железной руды, которыми была богата территория Нижегородской области с древнейших времён, способствовали выделению профессии кузнеца и обусловили развитие и укрепление кузнечного ремесла, которое

издавна являлось основным на территории Нижегородского края. Ещё в домонгольское время большая потребность в железе симулировала выделение железоделательного ремесла в особую специальность, знаменуя крупный сдвиг в металлургии и способствуя развитию товарного производства.

Наряду с земледелием и скотоводством в хозяйстве Северо-Восточной Руси большое место занимали различные промыслы. На протяжении всей средневековой истории Руси ведущей отраслью промышленной деятельности было железоделательное ремесло и последующая обработка железа. С ростом населённых пунктов в средние века в Нижегородской области выделялись и центры кузнечного ремесла, поскольку центр кустарной промышленности формировался вокруг населённых пунктов. С конца XIII века отмечается общая для русского северо-востока тенденция роста ремесленных центров, а так же процесс роста и специализации ремесла.

Значительные сдвиги в промышленной технике и промышленном производстве происходят, начиная со второй половины XIV века. В ремесленных специальностях, ориентированных на широкий сбыт, наоборот, отмечается упрощение технологии с целью удешевления изделий. Эта тенденция, прежде всего в сфере металлообработки, отчётливо начала прослеживаться ещё в XII веке, и так же была связана с общим подъёмом русского ремесла и производством, рассчитанным на относительно массовый сбыт.

Дифференциация ремесла, очевидно, происходила и в XIV – XV вв. широкое развитие рыночной и, в частности, ярмарочной торговли в XVI веке, тоже было подготовлено постепенным перерастанием ремесла в мелкое товарное производство в некоторых пунктах и некоторых отраслях промышленности XIV – XV веков.

Железо в жизни России XVII века и на территории Нижегородской области в частности заняло особое место, более заметное, чем во все предшествующие времена. Из него ковалось холодное и огнестрельное оружие, сошники плугов и дельные топоры, молоты и другие орудия труда, судовые скобы и якоря, просекались подзорины и гребни кровель жилых палат, изготавливались оконные решётки, прочные связи и герсы крепостных ворот, а так же самая разнообразная обиходная утварь и посуда. Спрос на высокосортный металл тогда стал всеобщим и удовлетворялся преимущественно местными кузнецами-рудознатцами, наладившими массовую его выварку в сыродутных домницах из болотных руд. Подобные перемены явились следствием процессов, происходящих ещё в XVI веке.

Железодобывающая промышленность в Нижегородском крае формировалась в XVII – XVIII веках, хотя варка железа велась здесь с древнейших времён. Уже в XVII в. производство железа было доходным, а в XVIII в. было поставлено в Нижегородском крае на промышленную основу.

Важным культурологическим аспектом является тот факт, что металлургия железа нашла отражение в фольклоре Нижегородской области и повлияла на культурную жизнь населения. Нижегородская земля всегда славилась не только своими умельцами и промыслами, но и устным народным творчеством, особое место в котором занимает сказка.

Железоделательное ремесло отразилось в той или иной форме в бытовых, волшебных, анималистических сказках разных народов. Передаваясь от старших к младшим, сказки живут в наши дни, осуществляя коммуникативную функцию, способствуя распространению культуры и передаче её из поколения в поколение.

В настоящее время железо остаётся важнейшим металлом, из сплавов которого изготавливаются орудия труда, предметы быта, декоративные элементы.

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЫРЕЗКИ ИЗ БУМАГИ (KARPINIAI)

Козубовская Р.В., гимназия им. М. Шемелениса, г. Лентварис, Литва

Среди многочисленных видов народного творчества вырезанка из бумаги отличается особенным своеобразием, представляя яркую страницу народного декоративного искусства. Начало появления бумажных вырезок уходит в глубь веков, к моменту изобретения в Китае бумаги. Не удивительно, что и первые резные бумажные украшения тоже появились в Китае примерно в IV-V веках. Там они до сих пор являются популярным видом прикладного искусства и широко используются как праздничные украшения и сувенирные изделия. Вместе с секретами изготовления бумаги искусство вырезания из нее распространяется повсюду, так что во многих странах эта отрасль народного творчества имеет давние традиции.

Как известно, самые древние образцы бумаги, которые у нас сохранились – это письма князя Витовта, главы Великого Княжества Литовского в XIV столетии. В начале XV века в Вильнюсе появились первые фабрики по изготовлению бумаги. Люди старшего поколения вспоминают, что в конце XIX века как в Аукштайтии, так и в Жемайтии (различные этнообласти Литвы) на окнах были вырезанные из бумаги занавески, различные салфетки на полки, абажуры на лампы. В Восточной Европе (у славян, литовцев, евреев) и по всей территории России, ажурные вырезки имели декоративное назначение.

Именовали бумажный ажур в разных странах по-разному. В России, Белоруссии и на Украине их называли «выстриганками», «выщипанками», «вырезанками», «вытынянками». В Литве их называют –карпиняй, от глагола *karputi*-вырезать. Во второй половине XX века бумажные вырезки – карпиняй в Литве переживают исчезновение. Однако бумажным вырезкам было суждено возродиться в Литве. За последние три десятилетия в Литве заново сформировалось искусство бумажных вырезок, близкое к графике, отвечающее новым условиям жизни. Вернули их из забвения Ю.Даниляускене, и Н.Юренене, которые организационной работой выставок Вильнюсского отделения Общества литовского народного творчества и своими художественными произведениями открыли путь новому течению литовской народной

бумажной вырезки, как картин своеобразного вида графики, основанного на технике аппликации.

В 1980-ые г.г. в Литве усилился интерес ко всем формам традиционной духовной культуры. С фольклорным движением возросло внимание к народному творчеству вообще. Большой толчок к развитию бумажной вырезки в Литве дали издания составленные Феликсом Марцинкасом каталоги выставок Вильнюсского общества Ассоциации народных мастеров. И сейчас искусством (карпиняй) занимаются более 60 мастеров, известных всей Литве.

Художники-самоучки – люди разного возраста, образования, профессий. Их объединяет одна страсть – художественное творчество, оно доставляет им сильнейшие эмоциональные переживания. Любимое занятие позволяет раскрыть свой духовный мир, выразить пережитые впечатления, показать свое ощущение красоты, раскрыть образы из ежедневной жизни.

Традиционная литовская вырезка из бумаги (карпиняй), сделанная без предварительной прорисовки вырезаемых контуров из одного сплошного листа бумаги, чаще всего черного, или белого цвета, изготовленная путем сложения бумаги в разных направлениях и применения определенных приемов вырезания.

Основные мотивы литовских вырезок (карпиняй-karpiniai) – это «древо жизни», птицы, солнце, дома, реке – животные и люди. Дерево – символ жизни. Корнями своими оно уходит глубоко в землю, а ветвями тянется к небу, солнцу, теплу, жизни, символизируя память о предках, о душах умерших. Дерево окружено птицами, символизирующими связь земли и неба, двух противоположностей, двух стихий. Такое изображение имеет глубокий философский смысл и встречается не только в Литве, но и в вырезках из бумаги Польши, Белоруссии, Украины и других народов. Искусство бумажных вырезок совершенствуются, становятся богаче и разнообразнее, в них широко используются литовские фольклорные мотивы, богатое наследие народного изобразительного искусства, его символы служат для отображения современных реалий, обретают новую ценность. Искусство вырезки из бумаги прославляет творчество известнейших мастеров в Литве – Ю. Даниляускене и Н. Юренене, Д. Алекнене. Л. Федосеева, О.Браженене, Й. Имбрасене, К. Навицкас и многие другие.

Это картины и открытки, эскизы и книжные иллюстрации. В полотнах и вырезках из бумаги народных мастеров Литвы раскрываются их богатый внутренний мир, смысл их жизни и ее ценности. Творчество народных мастеров – ценность художественной культуры нации. Их работы экспонируются за рубежом, на республиканских выставках, лучшие произведения хранятся в запасниках музеев.

Сегодня это искусство становится всё более известным и популярным. В Литве оно превратилось в весьма модное и даже престижное занятие. В школах работают кружки, проводятся семинары, мастер-классы, устраиваются выставки. В современных вырезках из бумаги появляются новые темы. Вопреки хрупкости материала этот вид традиционного искусства продолжает жить и развиваться, число его поклонников постоянно растет.

Ныне многие из старинных образцов хранятся в различных музеях мира. По прошествии времени эти радующие глаз произведения народной фантазии кажутся еще более привлекательными и эстетически ценными.

Если посмотреть на вырезки в масштабе общемировом, то можно отметить, что в таком виде техника вырезания из бумаги существует лишь на территории Польши, Беларуси, Литвы и Украины. В других странах распространено силуэтное вырезание.

СЕКЦИЯ 6. РОЛЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Груша Я.А., ГХИ ННГАСУ

Вся северная сторона Новгородского Детинца, примыкающая к Софийскому собору, называлась в древности Владычным двором. Она была наглухо отделена от прочей территории Кремля. Этот уникальный архитектурный ансамбль складывался на протяжении XII–XVII веков. Владычный двор состоял из многих жилых и хозяйственных построек. Они были размещены так, что замыкали северо-западный участок кремля, превращая его в своеобразную крепость в крепости. Самое грандиозное строительство на территории Владычного двора проводилось при Евфимии, бывшем новгородским архиепископом с 1429 по 1458 гг. Большую часть нынешней территории двора занимает сложный комплекс разновременных и разнохарактерных построек, основание которых заложил в XV в. Евфимий. От построек Владычного двора сохранились Никитский корпус, Грановитая палата, надвратная церковь Сергия Радонежского, здание Судного и Духовного приказов, Часозвоня.

Владычная или Грановитая палата – одно из древнейших административных зданий на Руси, редкий памятник гражданской архитектуры XV века. Палата была основана в 1433 г. по заказу архиепископа Ефрима II. Пытаясь возвеличить Новгород, владыка активизирует свою деятельность в области строительства, искусства. Судя по древним описаниям палата, будучи основным звеном архитектурного комплекса Владычного двора, являлась сложнейшим сооружением. В летописи сказано: «... постави владыка Еуфемий палату на дворе у себя а дверей у неё 30, а мастера делали немецкие из заморья с новгородскими мастерами». Время исказило первоначальный облик здания, который, однако, можно представить себе по отдельным сохранившимся деталям. Снаружи здание из-за поздних перестроек почти полностью утратило древние формы уступчатый фронтон, стрельчатые окна, сени, деревянное крыльцо. В XIX веке с южной стороны к нему пристроили новый вестибюль.

Лучше всего сохранились интерьеры палаты, особенно ее парадный зал на третьем этаже. Теперь палата кажется двухэтажной, ее нижний этаж, закрытый культурным слоем, стал подвалом. В парадный зал палаты ведет ле-

стница, построенная в XIX веке. На ее месте раньше находились парадные сени. В нишах на стене сохранились фрески 1441 года.

Грановитая палата подверглась, как уже отмечалось, многим переделкам. Они коснулись не только внешнего облика здания, но и его интерьеров. Во время перестройки Грановитой палаты в 20-х годах XIX века стены парадного зала были покрыты масляными красками.

Это здание – свидетель многих исторических событий. Здесь заседал не только суд, но и боярский «совет господ». В 1478 году здесь прозвучал грозный указ Ивана III о присоединении Новгорода к Москве. В 1510 году здесь же было объявлено о присоединении Пскова к Москве. В 1570 году здесь состоялся известный пир Ивана IV Грозного. В XIX в. в палате устроили церковь и провели большие работы по перестройке здания.

В 1930-е годы в главном зале была открыта выставка о реставрации новгородских памятников. Во время Второй мировой войны в период оккупации Новгорода, под сводами верхнего этажа устроили ресторан и казино для немецких офицеров. В 1958 году здесь разместилась постоянно действующая экспозиция «Декоративно-прикладное и ювелирное искусство XI–XIX вв.»

В музейной экспозиции представлены сокровища русского прикладного и ювелирного искусства. Здесь можно увидеть изделия XI– XII веков и вещи XVII– XVIII столетий.

В Грановитой палате хранится много культурных ценностей. Среди них не только церковная утварь, оклады икон и евангелий, предметы церковного облачения, но и драгоценнейшие памятники древней русской письменности, как, например, Мстиславова жалованная грамота на пергаменте начала XII века, переписка местных монастырей XVI– XVII веков, новгородские свинцовые печати, местные и привозные монеты XIV– XV веков. Все эти изделия свидетельствуют о высокой и многообразной культуре древней Руси. На время реставрационных работ, имеющих национальную значимость, действующая в Грановитой палате экспозиция декоративно-прикладного и ювелирного искусства XI–XIX веков была по-прежнему открыта для новгородцев и гостей города, но перемещена в выставочный зал Музея изобразительных искусств.

В рамках подготовки к празднованию 1150-летия города здание проходит реконструкцию, которая приблизит его к первоначальному облику. Исследования и реставрация владычной палаты в Новгородском кремле (2005–2009 гг.) Ведущиеся в настоящее время по инициативе Новгородского государственного объединенного музея-заповедника работы являются первой комплексной реставрацией этого памятника.

Новый этап научно-исследовательских работ начат в 2005 г. группой архитекторов ЦНРПМ МК РФ (Москва) – ГАП И. В. Калугина, архитекторы Г. С. Евдокимов, Е. И. Рузаева, Д. Е. Яковлев.

Натурные исследования выявили данные по планировочной структуре, объемной композиции и архитектурным деталям здания, позволяющие уточнить строительную историю, получить материал для графической реконст-

рукции, а в ряде случаев для восстановления его первоначальных элементов. Следует отметить, что основной массив наружных и внутренних стен сохранился с XV в. Большая палата и западная часть комплекса возведены в рамках одного строительного этапа. Кроме нервюрного свода большой палаты, первоначальное сводчатое перекрытие имела южная галерея; здесь сохранились элементы крестового нервюрного свода.

Остальные помещения изначально были перекрыты плоскими деревянными перекрытиями как в уровне подвала, так и в основном ярусе. В разное время эти перекрытия были заменены сводами, что явилось одной из основных причин деформаций конструкций памятника. В этой ситуации благом для памятника явилось устройство в 1830-х гг. единого кирпичного карниза. Усиленного металлическими связями, но при этом были утрачены остатки завершений фасадов.

Выяснилось в ходе работ, что крайняя южная палата, разобранная в XIX вв., построена одновременно со всем зданием и от нее сохранились северная и небольшая часть западной и возможно восточной стен, фундаменты. Исследованиями выявлено устройство большинства первоначальных дверных и оконных проемов. Часть проемов (некоторые окна на западном и восточном фасаде) сохранились в формах XVI-XVII вв. В основных чертах прослежена первоначальная система входов и междуэтажных коммуникаций. Раскрыт изначальный уличный вход в подвал под одностолпным залом. В утолщенной стене, отделяющей одностолпную восточную часть здания от западной, раскрыты 2 ранее неизвестные первоначальные внутристенные лестницы, заложенные в конце XVII в.

На многих вновь открытых первоначальных архитектурных элементах фрагментарно сохранилась фресковая роспись: на нервюрах свода, откосах дверных проемов, в нишах. Их исследованием и консервацией занимаются специалисты. Здание Владычной палаты представляет собой сложное сочетание уникальных первоначальных элементов и разновременных переделок, причем отдельные части фасадов и интерьеров видоизменялись в несколько этапов.

Основной задачей проекта реставрации является максимально возможное выявление найденных в процессе исследований архитектурных форм XV в. Предполагается консервация сохранившихся фрагментов как древней, так и более поздней монументальной живописи.

Особенность постройки – ее принадлежность к стилю поздней западно-европейской готики. Это единственное готическое сооружение, сохранившееся на территории русской земли. Однако здесь можно проследить и некоторые черты русской архитектуры. Грановитая палата включена в список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО вместе с другими историческими сооружениями Великого Новгорода.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕКИ ВОЛХОВ В 2005 – 2008 ГГ.

Чкалов А.В., ГХИ ННГАСУ

Река Волхов известна, как часть судоходных средневековых магистралей связывающих Балтику с Каспийским бассейном – «Великого Волжского пути» и с Черноморско-Средиземноморским – «пути из Варяг в Греки». Великий Новгород, впервые упоминающийся в летописях под 859 годом, образовался недалеко от истока реки Волхов из озера Ильмень в результате слияния расположенных на разных берегах трех поселений, в дальнейшем именуемых «концами», районами города. Они известны как Славенский – на правом берегу Волхова, напротив современного Детинца, Неревский – на левом берегу реки к северу и северо-западу от Детинца, а к юго-западу от Детинца – Людин.

Город, изначально расположенный на обоих берегах реки, не мог обходиться без важнейшего средства коммуникаций – моста. Согласно летописным источникам, этот грандиозный деревянный мост был построен в Великом Новгороде в XI-XIII веках Изогнутый средневековый мост, связывавший находившиеся по разным берегам Волхова Новгородский кремль и Ярославово Дворище, возможно, являлся древнейшим постоянным гидротехническим сооружением славян. Великий мост оставался деревянным вплоть до 1824 года, и по плану 1808 года длина его составляла 170 саженей, то есть около 350 м. Мост был велик для своего времени по своим размерам и значению в жизни города. Он выполнял массу дополнительных функций свойственных средневековым мостам во всей Европе. На нем велась торговля, исполнялись смертные приговоры, сбрасыванием с него осужденных, совершали богослужения, происходили конфликты между концами древнего города.

В марте 2005 года стартовал двухгодичный международный научно-исследовательский проект INTAS (The International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the New Independent States (NIS) of the Former Soviet Union) «Мосты как *res publica* и их значение для местного самоуправления в Западной и Восточной Европе». Инициатором проекта выступил Европейский университет в Санкт-Петербурге (проф. О.В. Хархордин), новгородскую сторону в составе участников представляли Новгородское общество любителей древностей (НОЛД) и Новгородское отделение Всероссийской конфедерации подводной деятельности. Одной из задач проекта являлся поиск остатков средневекового моста в Великом Новгороде, выявление его места нахождения, конструктивных и функциональных особенностей. Участок подводных исследований был определен выше по течению реки Волхов от нынешнего пешеходного моста на центральную часть русла реки между водяных воротами кремля и северным углом аркады гостиного двора, там, где находились поздние «кривые» деревянные мосты.

В ходе работ были обнаружены опорные конструкции последнего деревянного моста, построенного в 1780-х гг., а также фрагменты свайных и

креповых конструкций мостов XIII-XIV вв. Веским подтверждением этих датировок являются более 450 индивидуальных археологических находок. Самыми массовыми находками представлена продукция гончарного производства: обнаружено более 4,5 тысячи фрагментов керамической посуды. Ассортимент гончарной продукции достаточно широк: горшки, корчаги, кувшины, кумганы и фляги. Присутствует несколько вариантов орнамента и глиняные сосуды, поверхность которых благодаря лощению приобрела металлический блеск, поливная посуда. На днище одного горшка мастер в XIII веке оставил клеймо в виде четырехконечного креста в круге или ромбе. На некоторых горшках есть следы пригоревшей каши, что говорит о их использовании по назначению, а в некоторых следы золы с внутренней стороны, что в свою очередь свидетельствует об использовании их в качестве очагов на деревянном мосту или судне. В единичном числе найдена медная миска, ложка и несколько фрагментов стеклянной посуды.

Найдены предметы, относящиеся к металлургическому ремеслу – крица, продукт добычи железа из руды. Так же был найден глиняный тигель для плавки цветных металлов. К массовой продукции ремесленников относятся сделанные из бронзы и меди булавки с шаровидными и витыми головкам, круглые пуговицы, многие виды металлических украшений характерных для средневекового наряда жителей Господина Великого Новгорода – бусинное височное кольцо, перстни, шумящая коньковидная привеска, подвески различной формы и привески-бубенчики, бронзовые нательные кресты и иконки. Некоторые изделия, такие как перстни, носят следы грубой обработки, что говорит об их принадлежности к полуфабрикатам, не дождавшимся окончательной доводки. Свинцовые пломбы и печати свидетельствуют о деловой жизни на мосту или на судах к нему пришвартованных.

Самой массовой находкой инструмента являются топоры, что не удивительно. Найдено два долота с полыми втулками, в которые вставлялся деревянный обрубок, чтобы не разбивать верх долота при работе. Каменные оселки как большие для заточки топоров, так и небольшие для ножей. Найдено несколько ножей, с деревянными и костяными рукоятками. Находки замков (с XIII в.) и ключей, свидетельствуют о присутствии того, что приходилось запирать, лавок или сундуков.

Самым массовым представителем монетных находок являются новгородские, тверские и псковские пулы XV-XVI вв., монеты XVII – XVIII вв., представлены в значительно меньшем количестве. Интересны находки военного назначения: «буколь» – нижняя окантовка ножен меча, оружейный механизм «колесцового типа» XVI века, костяной кистень со свинцовым сердечником, каменная пуля от арбалета типа «баллистер», чугунное и каменное ядра небольшого диаметра (до 60 мм). На дне реки не могли не быть найдены рыболовецкие снасти – бронзовые крючки, свинцовые и каменные грузила, свинцовая блесна с железным сердечником. Изделия из кости – конек и рукоятки ножей, «бабки», фрагменты кожаных изделий. Изделия из дерева – рукоять ножей, дубовые нагели, соединяющие мостовые конструкции, шпангоут лодки.

Несмотря на то, что проект ИНТАС закончился в марте 2007 года, в настоящее время поиски остатков древнего гидротехнического сооружения — «Великого моста», ещё не закончены. Как сообщил РИА Новости представитель Новгородского центра по организации и обеспечению археологических исследований, подводные археологи продолжают работы весной 2010 года.

В череде многочисленных исследований Волхова следует также отметить поиск и подъем межевого камня в окрестностях Юрьева монастыря под Великим Новгородом. Камень известен с упоминания в грамоте князя Изяслава Мстиславовича о передаче земель Пантелеймонову монастырю датированной известным археологом В.Л. Яниным 1134 годом.

В июле 2008 года поисковая группа на катере «Аквилон» под управлением Алексея Иванова проводила гидроакустическую съемку дна реки Волхов гидролокатором бокового обзора С-МАХ, предоставленном для этих целей Санкт-Петербургским ЗАО «Искатель». В указанном И.Ю. Анкудиновым районе был зафиксирован объект, выделяющийся на фоне дна с ярко выраженной гидроакустической тенью. В начале сентября 2008 года водолазная станция Новгородской областной Федерации подводной деятельности произвела водолазное обследование. Через несколько минут после начала погружения объект был обнаружен, он оказался валуном, размером 1,5x1,2 метра, высотой 0,5 метра, находящимся в 35 метрах от уреза воды на глубине 2,3 м. После очистки от обрастания моллюском «Дрейссена речная» на плоской поверхности камня выявилось выпуклое изображение восьмиконечного креста на Голгофе. Таким образом, стало вполне очевидно, что найденный валун является памятником истории и культуры — межевым камнем, в результате воздействия паводковых вод, ледовой эрозии или антропогенного воздействия оказавшимся перемещенным с берега в русло реки. 13 г водолазная станция в том же составе произвела подводную видеосъемку межевого камня. На берегу реки Волхов была развернута водолазная станция подводного клуба «Аквилон». Водолазы произвели работу по очистке межевого камня, по протягиванию строп и острожке валуна на дне реки.

Экскаватором этого предприятия валун был вытаскен на берег без видимого усилия. Полутонный камень легко скользил по суглинистой поверхности берегового склона. После очистки поверхности и тщательного осмотра Сергеем Трояновскими, после замеров Игоря Анкудинова и фотосъемки, валун был погружен в грузовик и перевезен на территорию Музея деревянного зодчества «Витославицы». Юрьевский межник теперь взят под государственную охрану и занял свое новое место на территории бывшего Пантелеймонова монастыря, земли которого и обозначал начиная с XII века.

В течение ряда последних лет научно-исследовательские работы подводных археологов на Волхове принесли значительные результаты. При исследованиях дна реки у Новгородского кремля водолазами были найдены около 3 тысяч раритетов XII-XVII веков, а при изучении Волхова у его истока и в среднем течении археологи обнаружили фрагменты около 40 затонувших кораблей XVI-XX веков.

КРЕМЛЕВСКИЙ РАСКОП ВО ВЛАДЫЧНОМ ДВОРЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА 2008-2009 ГГ. ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ- КУЛЬТУРОЛОГОВ

Худанова П. А., ГХИ ННГАСУ

В 2009 году один из самых значимых и древних русских городов – Новгород Великий отпраздновал свой 1150-ний юбилей. Этот город всегда считался образцом сохранения археологического наследия России. Раскопки Новгорода Великого, постоянно проводящиеся с 1932 года, уже принесли множество находок и открытий, существенно дополняющих и корректирующих факты российской истории.

Памятники археологии составляют наиболее обширную часть историко-культурного наследия Новгорода. Можно назвать город гигантским археологическим комплексом с тысячелетним периодом формирования. Великолепная сохранность новгородских древностей ставит их научное и культурное значение в один ряд с великими открытиями археологии.

Открытые, в результате многолетних раскопок, остатки древнего города на протяжении последних десятилетий находятся в центре внимания как российских, так и зарубежных исследователей средневековой истории и археологии. По их общему мнению, новгородские древности имеют эталонное значение для изучения культуры и быта всего северо-европейского региона в очень широком хронологическом промежутке – от эпохи викингов до развитого средневековья.

Сотни тысяч предметов быта и хозяйственной деятельности средневековых горожан, выброшенные или потерянные ими, составляют главную ценность культурного слоя Новгорода, поскольку несут информацию об уровне жизни и культуры древних новгородцев.

Студенты специальности «Культурология» Гуманитарно-художественного института ННГАСУ несколько лет подряд работали в Новгороде Великом в археологической экспедиции. Сейчас, как и прежде, раскопки ведутся в разных частях города одновременно.

В 2009 году наш отряд был определен на Кремлевский раскоп во Владычном дворе у стен Грановитой палаты. У западного фасада Грановитой палаты, на территории Владычного двора, специалисты и волонтеры работают второй сезон, сантиметр за сантиметром погружаясь в глубь веков, делая массу удивительных открытий. Ранее такие серьезные исследования в этом месте не проводились. Исключением были лишь разведывательные шурфы, которые бурили здесь, изучая прочность кремлевских стен. И лишь нынешним летом археологам удалось проникнуть на глубину XI-XII веков. Этот раскоп считается очень маленьким по археологическим меркам. Работы на нём началось в 2008 году, и сразу же принесли множество открытий, в том числе было найдено 7 берестяных грамот. Кремлевский раскоп открыли летом прошлого года в связи с реставрационными работами. Было необходимо освободить здание Владычной палаты от поздних наложений, обезопасить

фундамент от грунтовых вод и воссоздать его первоначальный готический облик. И, конечно же, провести археологические исследования, чтобы уточнить историческую топографию и узнать, когда именно возникли на территории кремля первые поселения, поскольку сведения о веках более ранних, чем XIV– XV, весьма отрывочны. Упоминания о церквях и других постройках встречаются лишь в древних летописях, а заполняют подобные пробелы в истории именно археологи и ученые.

Находки 2008 года дали любопытную информацию: археологи проследили четыре этапа перепланировки Владычного двора, увидели настилы XIII– XV веков. Еще в более древних слоях удалось обнаружить сруб с сенями, под которым наткнулись на остатки весьма необычного, с тупыми углами, венца еще одного сруба. Картинка, воссозданная на компьютере, показала, что предположительно это был десятигранный сруб, возможно, старинной деревянной церкви. Подобные храмы, но еще более ранние, домонгольского периода, реконструировали лишь по остаткам фундамента, в Галицкой земле. А глинистая и влажная новгородская почва прекрасно сохранила и деревянные конструкции.

Летом 2009 г. студенты-культурологи Гуманитарно-художественного института также, как и в прошлом сезоне, стали свидетелями интересных находок, только теперь на Владычном дворе. Одной из главных находок стала резная рукоятка плети. Обнаружена она была в культурном слое XII века, Уникальная по красоте резная рукоять произвела настоящую сенсацию. Состояла она из трех частей, обнаруженных археологами поочередно. Рукоять неплохо сохранилась, в частности легко различимы изображения бегущего оленя, человека, стреляющего из лука, и другие резные «картинки». Кроме рисунков, на рукояти был вырезан небольшой текст. Студентам было подробно рассказано о том, как восстанавливали надпись. Это процесс сопровождался немалыми трудностями, из-за того, что текст сохранился плохо. Но специалисты добились своего, и, в итоге, надпись была расшифрована. Если перевести на современный русский язык надпись на рукояти, то получится «Дураку и черт, что сват». Такая поговорка, возможно, является аналогом другой известной русской поговорки – «Дураку закон не писан». Рукоять продолжают изучать. Возможно, позже появятся и новые данные о ней.

Остальные находки тоже радовали археологов. Находок было много, только в последних 2-х пластах было найдено столько же предметов, сколько за предыдущий год. При студентах ГХИ было найдено несколько очень интересных подвесок, в том числе и одна, в виде человека на коне. Обнаружены несколько деревянных гребней для волос, пряслица, ножи, бусины, браслеты, перстни, очень много разнообразной керамики, костей животных и различных железных остатков. Был, например, найден очень красивый нож, украшенный бронзовыми насечками, так же височное кольцо, которое очень хорошо сохранилось.

Согласно информации, полученной из Новгородской археологической экспедиции, в течение двух последних лет на раскопе у Грановитой палаты было сделано более 1 тысячи разнообразных находок.

Однако, несмотря на важность этого раскопа, в 2009 году он остался фактически без финансирования, и постоянно, во время пребывания в Новгороде студентов-культурологов ГХИ ННГАСУ, шли разговоры о его досрочном закрытии.

В случае такого завершения исследования, археологи так и не смогут прийти до самого древнего культурного слоя, который, возможно, предоставит информацию о культуре и быте первых жителей Великого Новгорода. Теперь за этот раскоп борются все новгородские археологи. Ведь его сохранение и доработка – необходимы для истории Великого Новгорода.

НОВГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ КЕРАМИКА X – XV ВЕКОВ

Бондарева Т.А., ННГАСУ

В настоящее время новгородская архитектурная керамика периода веховой республики и ранее является малоизученной. Существуют лишь отдельные статьи, посвященные тем или иным её видам. Это объясняется, вероятно, недостаточным количеством и разрозненностью сохранившегося материала. Но этот материал имеет научную ценность с одной стороны, как представленный достаточно полно комплекс находок, а с другой включающий в себя уникальные в своём роде предметы.

Производство материалов строительной керамики в Московской Руси в период XV – XVII веков возникает в кустарной промышленности и в дальнейшем выделяется в отдельные ремесла. В Московском княжестве этот процесс начинается с конца XV века, в северо-западной Руси – Новгороде, Пскове и Твери – она возникает значительно раньше. Местами возникновения производства керамических облицовочных материалов являлись Гончарные слободы и Гончарные концы в посадах крупных городов и большие монастыри. Древнейшим из этих центров был Гончарный конец на Софийской стороне в Новгороде: он многократно упоминается летописями с середины XII века.

Плинфа, керамическая половая плитка, голосники, изразцы (в интерьере и в экстерьере зданий) – все эти виды керамических изделий применялись в новгородской архитектуре.

Сортамент плинфы в памятниках новгородского зодчества менее разнообразен, чем в других городах. Здесь по существу применяли лишь прямоугольную плинфу. При этом небольшая её часть имела значительно меньшую ширину, чем обычные кирпичи этого же памятника, т.е. представляла собой «половинки». В очень небольшом количестве встречаются также узкая плинфа с треугольным концом, которую использовали для выкладки зубчиков. Исключением среди новгородских памятников является Пятницкая церковь, набор кирпичей которой гораздо более разнообразен и отвечает сортаменту не новгородских, а смоленских храмов.

Начиная с конца XIII в. в новгородских памятниках используют брусковый кирпич, т.е. с соотношением размеров тычка и ложка 1:2, при боль-

шей, чем у плинфы, толщине (7 – 8 см). Швы между кирпичами тоньше, чем при плинфовой кладке (около 1,5 – 2 см). Переход от плинфы к брусковому кирпичу, как полагают, связан с влиянием техники готических построек соседней Прибалтики.

Как и в большинстве русских земель, в Новгороде формовка и сушка плинфы происходила под открытым небом. На плинфе конца XII – начала XIII в. на одной из постелей всегда видны отчетливые отпечатки травы, могли быть следы дождя. Рамы для формовки могли быть как разъёмные, так и неразъёмные. Глину набивали в такую раму и правилом срезали её излишек, после чего заглаживали ладонью верхнюю постель или посыпали её песком. Когда глина засыхала, плинфу вынимали из рамы, обрезали закраины, после чего обжигали. В зависимости от качества обжига цвет был либо красно-коричневый, либо оранжевый, в редких случаях (когда обжиг очень плохой) сизый или белёсый. Отличительной особенностью новгородской плинфы является то, что на ней достаточно редко встречаются какие-либо метки и практически нет клейм. Единственная пока в новгородской коллекции архитектурно-археологического фонда Новгородского музея находка с клеймом – плинфа из церкви Благовещенья на Городище. В коллекции имеются плинфы с меткой в виде буквы «N», нарисованной пальцами, из Рождественского собора Антониева монастыря.

Одним из видов материалов, имеющих широкое распространение в русском строительстве доордынской поры, были поливные керамические плитки. В Новгороде применялись лишь простые наборы из одноцветных квадратных и треугольных плиток. Очень редко удается восстановить первоначальную схему рисунка пола, убранного фигурными плитками.

Среди строительных материалов Древней Руси заметное место занимали керамические сосуды, применяемые в кладке верхних частей здания, и при устройстве сводов. У церкви Федора Стратилата на Ручье (1360 – 1361) и последующих каменных храмов барабаны для уменьшения их массы выкладывались с забутовкой из полых горшков, при лицевой кирпичной обкладке толщиной в полкирпича. В.В. Стасов отмечал, что горшки применялись как для облегчения веса сводов, так и для улучшения звука. В новгородских памятниках отмечено, что часто в кладке применяли обычные горшки, а не специально изготовленные для данной цели. Поэтому венчик новгородских голосников невысокий, как у обычных горшков.

Следует отметить группу материалов, в основном, фрагментированных, которые определены исследователями как «красные изразцы» или «печные глиняные изразцы». Первоначально предметы были, по всей видимости, квадратными в плане, сторона чуть превышала 10 см; высота составляла около 6 см. В центре их лицевой поверхности имеется крупное углубление, чаще всего – круглое в плане, в некоторых случаях – квадратной формы с чуть скругленными углами. Угловые части лицевой поверхности и боковые грани этих предметов украшены геометрическим орнаментом, прочерченным по сырому тесту. Набоковых гранях некоторых предметов имеются небольшие прямоугольные отверстия. Всего выявлено около 200 подобных предметов,

датирующихся на основании стратиграфических данных концом XII – XV вв. Эти предметы, использовавшиеся в печах другого типа (точно не установленным способом) и имевшие отличную от изразцов форму и декор, могут быть определены как «протоизразцы».

В фонде археологии Новгородского музея находятся фрагменты терракотовых изразцов, имеющие характерные типологические признаки и достаточно раннюю стратиграфическую дату – XV в. В связи с появлением дымоходов форма изразцов становится другой: лицевая поверхность становится гладкой, без углубления, и украшается рельефным изображением. Одним из наиболее ранних подобных предметов является фрагмент рельефного красного изразца с широкой рамкой и изображением животного. Самым известным – стеновой рельефный неполивной изразец с изображением гусяра и человека с посохом и птицей.

Среди находок Троицкого X раскопа есть фрагмент керамики, близкий по форме к «подзорам» (арочным изразцам), обнаруженным при раскопках на территории усадьбы Коломенское. Эта керамика является в своей категории предметов достаточно древней, поскольку считающиеся наиболее ранними московские красные изразцы датируются исследователями не ранее XVI в. Новгородские материалы позволяют высказывать предположение о возможности существования в Новгороде ранней местной традиции изготовления печной керамики. По орнаменту и изобразительным средствам они хорошо соотносятся с декоративным искусством средневекового Новгорода.

Строительная керамика в Новгороде получила большое распространение. Она имеет свои особенности, отличающие её от архитектурной керамики других русских княжеств. Это выражается с одной стороны в простоте форм и декора, что характерно для архитектуры Новгорода в целом, с другой – в более раннем возникновении изразцового производства, существовавшего уже в период ордынского нашествия и тесно связанного с местными традициями.

ДВОЕВЕРИЕ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ БЫТА НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

Шабалин О.А., ГХИ ННГАСУ

Споры о двоеверии в культуре Древней Руси ведутся сравнительно давно. Сторонники христианского вероучения повсеместно продолжают доказывать, что язычество не оставило принципиального следа в русской культуре и сознании славянского этноса. Но рассматривая данную проблему, прежде всего следует обратиться к достоверным фактам, которые, так или иначе, можно обнаружить в материальной культуре и быте древних славян.

Рассмотрение двоеверия в культуре Древней Руси на примере Новгорода не случайно. Издревле Новгород являлся культурным центром, самостоятельным государственным образованием, культурные и политические процессы в котором носили гораздо более динамичный характер. Одним из

первых Новгород был крещён, при том, что до сих пор ведутся споры о том, сколь насильственный характер носил данный процесс.

Вполне закономерно будет рассмотреть признаки двоеверия на примере каменного зодчества. Именно архитектура позволила нам донести ряд религиозных представлений, а также динамику их развития в определённый период. К примеру, покрытый сложной каменной резьбой, Дмитриевский собор из 566 изображений имеет только 46, непосредственно связанных с христианской тематикой. Это свидетельствует о том, что на Руси долго ещё сохранилось двоеверие. Официальная «православность» и реальное «язычество» уживались в одних памятниках культуры.

Было установлено, что в самом начале строительства города, где Волхов вытекает из озера Ильмень, существовало языческое святилище древнеславянских богов Перуна и Велеса, которым поклонялись русские воины-язычники. На месте храма Велеса стоит архитектурно ещё не изученная церковь св.Власия, а в урочище Перыни располагалось под открытым небом особое святилище, круглое в плане, с жертвенным местом и идолом в центре. В обособленных углублениях пылал вокруг него восемь костров. Адам Олеарий, который побывал в Новгороде в 1635г., описывает предания о вечном огне из дубовых дров вокруг идола Перуна.

Легендарное русское сказание XVII в. о начале Новгорода указывает, что в Перыни был погребен древний ящер (крокодил) божество реки Волхов. Вообще, верования в предания о драконе подтверждается множеством изображений дракона-ящера на вещах: рукояти деревянных ковшей, спинки кресел, иногда драконьи морды свешивались с крыш, весла судов оформлялись головами ящеров. Такое почитание прослеживалось в русском и белорусском фольклоре вплоть до рубежа XIX-XX вв.

В этот период христианство уже давно укоренилось в жизни русского народа, став его духовной опорой. Таким образом, наряду с Оптиной Пустыней спокойно существовали обряды, игры связанные с языческим ящером. Другое дело, что ящер есть и в христианской традиции, только в этом толковании змей – знак дьявольской хитрости, искушения, греха. А в языческом представлении – божество. И такие представления уживались в одну эпоху, не мешая друг другу.

Фольклор же и раскопки свидетельствуют о наличии на Руси православно-языческого синкретизма (в захоронениях археологи находят обереги, назуны, бляхи с переплетающимися христианскими и языческими символами). Новая вера широко внедрялась в княжеско-боярской среде (весьма малочисленной), язычество же продолжало существовать в самых широких слоях простолюдинов. Двоеверие, религиозно-мировоззренческий синкретизм охватил все слои общества. Христианизация медленно шла из городов по деревням и весям и, проникала в толщу народных масс, сливалась со старым, привычным образом мыслей и чувств. Это была одна синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе – его обрусение.

Тема соотношения в новгородском прикладном искусстве мира древних традиционных языческих образов и мира новых, христианских идей – одна из основных в осмыслении художественных предметов из раскопок Новгорода. Древнейшие горизонты культурного слоя Новгорода охватывают весь X век, то есть еще не потревоженную языческую эпоху. Новгородец жил тогда в окружении своих деревянных богов, созданных его пантеистическим мирозерцанием. На припечках его домов стояли деревянные домовые, добрые духи, охранители очага, на столах – ковши, в очертаниях которых глаз легко угадывает плавные формы водоплавающих птиц, отражающих древние тотемистические представления. Но ручки этих ковшей, как и воинские доспехи, украшены страшными мордами хищных чудовищ, отгоняющих от их владельцев силы зла. И в причудливой орнаментике бытовых вещей, будь ли это гребень, рукоятка ножа или деталь архитектурного декора, несомненно присутствие простых и сложных идей, семантически воплощенных в орнаменте.

Однако и обратившись к более поздним вещевым комплексам той эпохи, когда христианство обрело под собой прочнейший общественный фундамент, мы будем постоянно встречать тех же домовых, тех же птиц и тех же хищных животных. Художественные образы языческой поры продолжали жить. Отраженные ими мировоззренческие идеи, естественно, деформировались, но сохраняли неизменной свою основу. И, обратившись к памятникам учительной литературы даже XVI века, мы найдем в них яростные проповеди против тех остатков языческой веры, которые казались крайне опасными христианской церкви спустя пять или шесть веков после крещения Руси.

Это двоеверие постоянно и упорно проявляется в предметах прикладного искусства древнего Новгорода. Вероятно, самыми выразительными его свидетельствами являются змеевики, заметное число находок которых впервые получило твердые даты. Найденные в слоях XII–XV веков змеевики представляют собой круглые шейные медальоны, на одной стороне которых изображена христианская эмблема (чаще всего архангел), а на оборотной – модификация образа Медузы Горгоны с заклинанием против злых сил. Типичный памятник двоеверия был целесообразно прост. К языческому или христианскому богу с его помощью можно было обратиться в зависимости от обстоятельств, только повернув его нужной стороной. И не случайно два таких змеевика (отлитые в одной форме) были найдены в слоях XII века на усадьбе священника: церковь предписывала срывать подобные амулеты с прихожан. Сродни змеевикам и другая находка: неолитическое каменное копье – «громовая стрела», символ древнего Перуна, – было подобрано новгородцем первой половины XIV века, но эта находка была оправлена в бронзовый футляр с изображением процветшего креста.

Подводя итоги, следует сказать, что наличие языческой символики в предметах быта и памятниках зодчества может свидетельствовать только об огромной роли язычества в формировании мировоззрения славянского этноса. И этот массивный пласт культуры так и не был безоговорочно отброшен

вследствие христианизации, и послужил основой для появления общих черт ментального характера русского народа.

СЕКЦИЯ 7. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ЯЗЫК, СЛОВО И ТЕКСТ

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Фирсова А.М., ГХИ ННГАСУ

Понятие единства, связанное либо с происхождением, либо с единством логического субстрата, уступает место понятию единства языка как системы, чьи отдельные дискретные члены взаимообусловлены именно своим различием и разнообразием.

На первых порах восприятия идей Гумбольдта это обусловило некоторый монологический «крен» в ряде работ, опиравшихся на его концепцию. Но в 50-х годах XX века вновь была возрождена идея универсалий. В целом же, «парадигма Гумбольдта» до конца еще не развернулась в лингвистике. Этому во многом способствовало и господство позитивизма как «религии точных наук».

Позитивистский уклон в науке XX века сослужил определенную службу, как «совесть» науки, но излишний позитивизм привел к потере ее телеологической ориентации (науки в целом, а не в смысле конкретных единиц), привел к кризису в современной науке, потере ею «души» – души вовсе не в мистическом смысле, а в смысле диалектической составляющей «объективного факта».

Разумеется, «на самом деле» трех миров – мира вещей, мира идей и мира знаков – не существует, границы этих миров, и само их выделение уже являются консенсуальным допущением. Мы группируем какие-то явления и свойства для удобства сравнения различий и установления «индивидуальности языка», которая «является таковою только в сравнении этого языка с другими, тогда как подлинной индивидуальностью наделен лишь конкретный говорящий».

Сравниваться же и взаимодействовать индивидуальные языки могут лишь благодаря общей основе, «весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком», в речевой деятельности же эти две крайности, индивидуальное и общее, соединяются. Гумбольдт здесь выходит за рамки «индивидуалистического субъективизма», противопоставляемого «абстрактному объективизму».

Как пишет Коэн Депрейк, язык является такой же смесью единства и различий, как и природа, как весь мир вообще. Коммуникации требуется общая основа, и в то же время ей требуется достаточное разнообразие, чтобы быть *интересной*.

Общее и отдельное в языке и языках, таким образом, получает телеологический общий знаменатель, замыкаясь на человека (индивида и совокупного индивида). Идея отдельного и общего в языке и языках связана и с тем, что язык – в первую очередь (а онтологически – исключительно) – явление индивидуальное. Как же, собственно, осуществляется связь, взаимовлияние и деятельностное взаимослияние индивидуальных систем? Без этого невозможны ни коммуникация, ни обучение. Гумбольдт пишет: «... способность к языку может... развиваться при поддержке первого попавшегося индивида. Развитие это, тем не менее, совершается внутри самого человека... оно по необходимости *уподобляется как раз тому внешнему влиянию, какое испытывает*, причем может ему уподобляться *ввиду сходства всех человеческих языков*».

Созвучно этой и ряду других идей Гумбольдта и определение основной функции языка Матураной: «Основной функцией языка является не передача информации или описание независимого мира, о котором мы можем говорить, но *создание консенсуальной сферы поведения* между лингвистически взаимодействующими системами путем выработки кооперативной сферы взаимодействий». Здесь сразу же приходит на память термин М.М. Бахтина «общая территория» и, в связи с этим, различие принципов структурализма и диалогизма.

И Гумбольдт, и Бахтин, и Матурана приходят, каждый по-своему отказываясь от атомизма и статичности либо традиционной науки о языке, либо классической общей теории систем, к идее динамического сотрудничества относительно замкнутых автопоэтических систем. Депреик называет такие системы «внутренне открытыми»; эта открытость, это движение поддерживается внутренней парадоксальностью языка.

Сопоставление, контраст индивидуальных (и социальных) языковых систем происходит и при переводе, и при обучении языку, и, в принципе, в любом речевом акте. Именно в ситуации контраста обнаруживаются различия. Консенсуальная метасфера образуется и при взаимодействии интеллекта и мира (это и есть собственно язык, как посредник), и при взаимодействии двух языков отдельных индивидов-пользователей (взаимное уподобление, резонанс).

Примечательно сделанное Гумбольдтом сравнение индивидуального языкового воздействия на язык народа с волнами от брошенного в воду камня. Метасфера образуется как при научном, так и при наивном целенаправленном сравнении разных языков.

Как пишет Умберто Матурана, при коммуникации двух наблюдателей определяется метасфера взаимосвязанных различий, которая работает на взаимную ориентировку деятельности в рамках этой соединенной, спаренной метасферы, что является *не денотацией, но коннотацией*.

Еще раз вспомним Ролана Барта, также утверждающего, что денотация вовсе не является главным и существенным в языке, денотация, по Барту, – лишь последняя из возможных коннотаций. Описанный процесс взаимной

ориентировки деятельности, а в конечном итоге и понимания, является *функцией когнитивной сферы ориентируемого, но не ориентирующего*.

Положение о трех мирах, деятельностном характере языка в процессе дискретизации континуума действительности разделяет и В.С. Юрченко: «Язык есть процесс (и результат) структурирования человеческим сознанием предметно-признакового континуума мира на оси реального времени».

Добавляя время (=линейность), В.С. Юрченко, вслед за М.М. Бахтиным, признает пограничный характер языка: «Границами языка... являются человек – действительность – реальное время». Юрченко называет эту триаду векторами, хотя скорее следовало бы говорить об иерархических континуумах большей размерности, но в концепции Юрченко имеется и оговорка о различении поверхностной и глубинной линейности.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ

Спицына М.С., ГХИ ННГАСУ

В 60-е годы девятого столетия в европейской культурной жизни произошло событие, оказавшееся эпохальным в истории народов Центральной и Восточной Европы: миссионеры из византийского города Фессалоники (Солуня) братья Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий с группой своих учеников создали новую письменность, специально предназначенную для записи славянской речи, которая в их время звучала на огромной территории от Пеллопонеса до Балтийского моря и от устья Лабы (Эльбы) до верховьев Оки и Волги.

Для эпохи средневековья не только в Европе, но и в Азии характерно распространение письменно-литературных языков, являющихся языками официальных религий, утверждавшихся в качестве опоры феодальных монархий. Историческая неизбежность этого процесса определялась той ролью, которую играла религия в жизни средневекового общества, а его целесообразность обуславливалась заметной диалектно-этнографической пестротой, поддерживавшейся экономической, а нередко и политической обособленностью отдельных областей феодального государства: язык культа, неизбежно приобретающий функцию общего языка культуры, оказывался в этих условиях необходимым объединяющим фактором, а следовательно, и условием культурного прогресса, стоявшим над диалектной раздробленностью языка повседневного общения.

Зафиксированный в древнейших славянских христианских (переводных) текстах, старославянский язык изначально использовался не только как язык церкви (хотя целенаправленно создавался для её нужд), но и как язык науки и литературы.

Изобретение новой письменности было подчинено решению величайшей культурной задачи, которую поставили перед собой братья из Солуны: с её помощью были записаны переведённые ими с греческого на язык средневековых славян тексты христианской канонической литературы. Большинст-

во старейших из сохранившихся славянских рукописей кирилло-мефодиевской традиции было создано в период I Болгарского царства.

Начало формирования собственно древнерусской книжной культуры принято связывать с деятельностью великого киевского князя Ярослава и активной грецизации местной культуры, когда южнославянские книжники вполне могли эмигрировать в уже христианизованную Русь с глаголическими и кириллическими рукописями, созданными в Болгарии в X в. и послужившими протографами для древнерусских «писателей».

Роль Болгарии в становлении древнерусской книжности в основном заключалась в том, что пришедшие на Русь из византийских монастырей славянские книги были созданы в болгарских скрипториях.

История книжно-славянского языка в России, начиная с его старейшего представителя – евангелия-апракоса, переписанного для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием в 1056-1057 гг. (так называемого Остромирова евангелия – самого раннего из сохранившихся датированного памятника Древней Руси). Старославянский язык по своей сути и в книжных памятниках выступал как фактор объединения и единства народа, выполняя этническую функцию, свойственную далеко не каждому языку.

Доля церковнославянского наследия на разных уровнях структуры русского литературного языка неодинакова. Она незначительна в фонетике, где нормы произношения в основном ориентированы на особенности старомосковского говора. Более заметна она в морфологии, где русский литературный язык усвоил от церковнославянского целый ряд категорий и форм, не свойственных языку повседневного общения (причастия, деепричастия, простые формы превосходной степени, шестипадежную систему склонения существительных и ряд других). Но особенно велико церковнославянское наследие в синтаксисе и лексике, где до сих пор используются синтаксические конструкции и создаются новые слова с церковнославянскими корнями и аффиксами по словообразовательным моделям, предложенными славянскими первоучителями.

Особое место в числе памятников церковнославянского языка занимают оригинальные произведения, написанные русскими книжниками по образцу «идеальных» старославянских текстов. Это одни из самых ранних памятников древнерусской духовной литературы XI-XIII вв.: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Похвала кагану Владимиру», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского», «Поучение» Серапиона Владимирского и др.

Знакомство с такого рода литературой несёт в себе большой воспитательный потенциал, поскольку позволяет отчётливее увидеть своё прошлое, представить и осмыслить духовный мир человека Древней Руси, услышать живой голос прошедших эпох, осознать себя и своё место в общем историческом процессе и духовной жизни общества.

Наконец, особую роль церковнославянский язык может сыграть в формировании и развитии современной речевой культуры как составной части общей культуры человека. Не отрицая различных вариантов оздоровления

современной языковой ситуации, считается, что изучение старославянского языка, приобщение к славянским древностям молодого поколения и широких слоёв населения могло бы стать основой одного из таких направлений.

Учитывая объединяющую роль церковнославянских книг во времени, М.В. Ломоносов вычленил в старославянском языке функцию хранения и передачи информации: «По времени рассуждая, видим, что Российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку... не только отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы не учась не разумеют языка, которым предки их за четырёхста лет писали». Изучая старославянский (церковнославянский) язык, мы познаём не только своё прошлое, но и формируем настоящее.

Думается, что в этом направлении многое можно будет сделать, объединив усилия всех здравомыслящих людей, имеющих светское или духовное образование и предназначение, всех, кому дорога русская духовность и правильная русская речь.

ИСКУССТВО ПИСЬМА, КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Оброткина Е. В., НПА

Россия – многомиллионная страна, с богатейшей историей и культурой. И на протяжении многих веков людей из разных краев не только России, но и мира связывали письма. Написание письма это искусство, которое в настоящее время нуждается в сохранении и развитии. Стоит только вдуматься – какие чувства, эмоции, необходимые для людей содержат письма. Мы имеем в виду именно письма личного характера, не деловую переписку, исключительно информативного содержания, а те письма, которые полны живых чувств и самых ярких эмоций, которые играют весомую роль в жизни человека.

Наш век – век прогресса и новых высоких технологий. На смену бумажным письмам приходят электронные наборы текстов по электронной почте, SMS-сообщения, сообщения через социальные сети в Интернет. На смену конвертам и маркам – пластиковые кнопки клавиатуры и клик мышкой. На смену эмоциям, которые можно выразить через слова – смайлики. Если на минуту обратить свой взор на подрастающее поколение, которое только начинает изучать грамоту, письмо, мы увидим, что наши дети быстрее, чем научиться выводить буквы алфавита в прописях и тетрадях, осваивают клавиатуру компьютера. Современность диктует свои правила жизни – знание компьютера и прочих «даров» нашего времени очевидна, но на наш взгляд, и в этом нужно знать меру, иначе русский народ рискует потерять одну из невосполнимых ценностей – письмо. Как часто мы слышим признания своих коллег или друзей, что с появлением в их жизни компьютера, они понемногу забывают, как писать слова от руки, многие начинают замечать, что со временем начинает портиться почерк, потому что нет практики пись-

ма. Это лишь одна из сторон проблемы. Другая сторона – грамотность. Давайте зададим вопрос себе: на пользу ли нашим детям всевозможные программы, которые проверяют грамматику набираемого текста? Станет ли ребёнок пытаться понять свой родной язык, если за него всё и так сделает компьютерная программа?

Эпистолярное наследие минувших столетий имеет колоссальное значение для современной культуры.

Письмо зародилось в древние времена: в Египте, Риме, Ассирии и государстве инков. В России письмо появилось в 8-9 веках. Так как грамотных было немного, письма писали по определенному образцу, который можно было посмотреть в письмовнике. Позднее появилась почтовая связь, а грамотных стало больше, ямщицкие почтовые тройки начали доставлять письма адресатам. В письма вкладывали душу, им доверяли невероятные и фантастические проекты, рекомендательные письма открывали двери самых неприступных домов, а подброшенные письма рушили самые безупречные репутации.

Между тем письмо в нашей культуре это и интереснейший жанр литературы – эпистолярный жанр. От греческого *epistole* – письмо, послание. В античные времена письма сочинялись как литературные произведения, их стиль и построение определялись риторикой, и четкую границу между частной перепиской и эпистолярной стилизацией провести весьма трудно, о чем свидетельствуют знаменитые образцы эпистолярной литературы: письма Эпикура, Цицерона и Сенеки. Образцом русской эпистолярной литературы средних веков служит переписка Ивана IV с князем Андреем Курбским и письма протопопа Аввакума. В художественной литературе, как прежних веков, так и современности «корреспонденты» становятся персонажами, а их переписка – повествовательным приёмом. Форма письма или послания (эпистола) позволяет героям в непринужденной и доверительной беседе в полной мере раскрыть свой внутренний мир. Между тем, письма создают эффект документальности, подлинности сообщения и обладают благодаря этому особой убедительностью, вдыхают жизнь в произведение.

Письмо держит власть над временем, так как оно хранит историческую память. Перечитывать письма можно постоянно: они хранятся в семейных архивах, музеях, издаются в печати. Письмо содержит эмоции, чувства автора, то есть несет экспрессивную функцию. И это самое важное отличие письма от электронного общения, в котором полностью отсутствует функция самовыражения.

Письмо, безусловно, является частью культурного наследия России и оно нуждается не только в сохранении, но и в увеличении популяризации, в передаче будущим поколениям своей ценности. На наш взгляд, для выполнения данных задач необходимо в школьной программе изучения русского языка и литературы уделять больше внимания культуре и истории эпистолярного жанра. Необходимо в семье воспитывать у детей уважение к письменности как явлению культуры, к эпистолярному жанру, как одному из ви-

дов литературного жанра, к письму – как к свидетельству истории русской культуры.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ С НАЧАЛА XVIII – ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-ГО ВЕКОВ

Никшикова Л.Ю., НГПУ

Интерес к китайскому языку и письменности не ослабевает и сейчас, их с энтузиазмом изучают дипломаты и любители восточных единоборств, ученые-лингвисты и поклонники искусства каллиграфии, взрослые и дети. Преподавание китайского ведется не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также в Иркутске, Уссурийске, Благовещенске, Чите, Владивостоке. Возрождается китаеведение в Казани, где в Духовной семинарии и академии начинали свой путь знаменитые российские синологи XIX века – монахи Иакинф Бичурин и Палладий Кафаров. Там же, на восточном факультете Казанского университета, в 1837 году была открыта первая в России кафедра китайского языка, которую возглавил один из бывших членов Российской духовной миссии в Пекине Даниил Сивиллов.

Основанная в 1715 году, Духовная миссия в Пекине служила в свое время единственным источником достоверных сведений о Китае. Именно ее членами и учениками было положено начало изучению китайского, маньчжурского и монгольского языков в России: первый позволял проникнуть в огромный китайский мир, второй в качестве государственного языка Цинской империи служил инструментом дипломатических отношений, и, наконец, третий долгое время являлся языком-посредником при деловых контактах России с Китаем. В 1807 году начальником девятой Духовной миссии был назначен архимандрит Иакинф, в миру Никита Яковлевич Бичурин.

Он пробыл в Пекине 14 лет, стал ученым с мировым именем, членом-корреспондентом Российской академии наук, основателем систематического научного китаеведения в России. В 1835–1837 годах в пограничной Кяхте было основано училище китайского языка, для которого отцом Иакинфом была издана первая в России «Китайская грамматика, Хань-вынь ца-мынь». Бичурину принадлежит также авторство нескольких китайско-русских словарей, в том числе девяти томного, но им, к сожалению, было суждено остаться в рукописях.

Между тем именно словари помогают изучить иероглифические знаки, которые всегда исчислялись в китайском языке тысячами. Самое большое число иероглифов в истории китайского языка, более 53 тысяч, было собрано в словаре «Цзи юнь», составленном в 1037 году. Современный словарь «Синьхуа цзыдянь» содержит около 11 тысяч иероглифов, люди с высшим образованием в среднем знают от 3500 до 4500 знаков.

Трудно не только запомнить множество иероглифов, но также проверить их написание, значение и чтение, поскольку традиционные графические системы расположения и поиска знаков в словарях достаточно сложны.

Именно поэтому уже в XIX веке российскими китаеводами была разработана оригинальная графическая система расположения иероглифов, отличающаяся от всех существующих китайских. Впервые она была описана в 1866 году академиком В.П. Васильевым и затем нашла свое применение в самых различных китайско-русских словарях, вплоть до четырехтомного 1983 года под редакцией профессора И.М. Ошанина, где дается значение более 16 тысяч иероглифов.

Еще одна проблема, успешно решенная отечественными синологами уже в XIX веке, – это передача чтения китайских иероглифов русскими буквами. Первый соответствующий опыт, хотя и довольно приблизительный, был представлен в пособии «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их подлинного произношения». Оно было составлено бывшим учеником в составе второй Духовной миссии Илларионом Россохиным, когда в 1741 году, после возвращения в Петербург, он был направлен Коллегией иностранных дел в Академию наук «для переводов и для обучения китайского и маньчжурского языков».

Сравнительно законченная система транскрипции китайских слов в русском языке была разработана Иакинфом Бичуриным в 1839 году. Своим общепринятым названием – палладиевская – она обязана, впрочем, другому монаху, работавшему в составе и затем возглавлявшему Русскую духовную миссию в Пекине, – архимандриту Палладию, в миру Петру Ивановичу Кафарову, которого называют самым крупным синологом XIX века в России и всей Европе.

Знаменитый «Китайско-русский словарь» в двух частях был завершен после смерти отца Палладия старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым и увидел свет в 1888 году. Построенный по фонетическому принципу (иероглифы размещены по алфавиту в соответствии с русским написанием их чтения), он служил поколениям китаистов, а палладиевская транскрипция с незначительными изменениями дожила до наших дней. Она используется в любых текстах на русском языке и лишь в учебных изданиях иногда заменяется своим латинским аналогом – китайской официальной системой пиньинь цзыму.

Во 2-й половине XIX-го века вопрос изучения китайского языка в России был переведен на качественно иной уровень. Новая граница, протянувшаяся от Кореи до Памира, экономическое и политическое открытие Китая для внешнего мира требовали подготовки широкого круга специалистов-китаеведов – дипломатов, военных, торговцев или хотя бы достаточного числа переводчиков.

К концу XIX-го века окончательно сложилась мировая колониальная система, включавшая в себя и Цинский Китай. Российская империя, одна из сверхдержав Запада, должна была обладать достаточным интеллектуальным потенциалом для того, чтобы занимать достойное место в этой системе и обеспечивать экономическую, политическую и культурную экспансию по приоритетным для себя направлениям.

Имея ограниченный экономический потенциал, Российская империя вынуждена была ограничить свою экспансию лишь приграничными регионами, одним из приоритетных направлений российской политики во 2-й половине XIX-го века стали колониальные окраины Цинской империи, что и определило развитие востоковедения и китаистики в России в этот период.

ПОИСК «РУССКОСТИ» В ТЕКСТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО HEAVY METAL (1990-2000 ГГ.)

Ильин С., РГГУ г.Москва

Музыкально-поэтический жанр Heavy-metal распространен в России чуть более 25 лет и стал частью той мозаики, которую представляет собой отечественная культура. Впервые попав в СССР, heavy metal стал приобретать свою специфику, что не только за счет исполнения на русском языке отличало его от западного образца. В музыку привносились черты, свойственные русской музыкальной традиции; особенно характерна стала распевность. В лирике происходил поиск собственного языка, который бы позволил идентифицировать российский heavy metal как нечто самобытное, связанное с русской культурой.

Тексты песен группы «Черный Кофе» стали началом поиска для поэтического языка отечественного «металла». Одна из наиболее известных песен – «Владимирская Русь» (автор текста – Д. Шаганов, 1984 г.). В музыкальном плане она была «тяжелой» для того времени, и автор сделал стилизацию под русское церковное песнопение, при этом используя простой и запоминающийся рифф, повторение которого составляет каркас композиции.

Заглавие песен играет особую роль. При анализе заглавия важны, во-первых, культурно-символические ассоциации, связанные с ним, во-вторых, некий сгусток тем идей, которые читатель ожидает именно от данного произведения. Выражение «Владимирская Русь» в литературе встречается не так часто, и здесь автор апеллирует к образу древности и величия Руси, созданной Владимиром Великим. В припеве появляется фигура художника-творца, и изображение церкви становится связующим звеном между двумя далекими друг от друга эпохами:

Левитан оставался один,
Если кисть замирала
И тогда среди многих картин
Вдруг рождалась «Над вечным покоем».

Позже, в 2004 г., вышла песня «Церквушки», образовав с «Владимирской Русью» дилогию. В начале обеих песен автор указывает на забытость, заброшенность церквей:

Деревянные церкви Руси,
Перекошены древние стены.
Подойди и о многом спроси,
В этих срубах есть сердце и вены.
Заколочено накрест окно....
(«Владимирская Русь»)

Стоят церквушки по Руси,
Забытые, забитые.
Стоят церквушки по Руси,
Ничем не знаменитые.
(«Церквушки»)

Это была одна из первых попыток найти свой язык в «металле», оформить его отечественную специфику, показать «русскость», то есть принадлежность к русской культуре, связь с русскими культурными традициями – как за счет музыки, так и за счет текстов.

В текстах других отечественных рок-коллективов этого времени также наблюдаются попытки привнесения русской песенной традиции в *heavy metal*. Так, текст песни «Баллада о древнерусском воине» группы «Ария» (автор – М. Пушкина) наполнен мотивами и образами, отчасти языческими («филин, волк и орел»), отчасти христианскими («В алтарях святые плачут»), и реминисценциями, отсылающими к 1242 г. – периоду Ледового побоища («На спинах и на сердце крест», «И льдины трещат»).

Создание специфического языка, который бы несомненно апеллировал к «русскости», начинается в 1990-е годы, когда в России зарождается один из жанров «тяжелого металла» – *pagan metal* (англ. «языческий металл»). Среди представителей можно назвать такие коллективы, как Butterfly Temple, Северные Врата, Темнозорь, Аркона. Для «языческого металла» характерна тематика песен, отсылающая к дохристианскому периоду русской истории. Особенности заключаются в лексике: использование архаизмов, редких форм слов, нетипичное для современного языка построение предложений, цитаты из памятников древнерусской литературы и стилизации под них, вставки из русских народных песен создают особую интертекстуальную конструкцию. Тематика песен – битвы, воспевание богов, сил природы:

Вырви боль и страх,
Глянь по сторонам –
Впереди полки,
Шлемы в золоте,
Рука об руку,
Стремя к стремени...
(Butterfly Temple «Вабить, кликать, стон глотать»)

На сегодняшний день тематический круг и средства выражения определены в достаточной степени, чтобы говорить о сформировавшейся специфичности русского heavy metal, о сохранении и продолжении в нем традиций русской песни и поэзии разных периодов развития отечественной культуры.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Никшикова Л.Ю., Фирсова А.М. НГПУ

Центром российского китаеведения во 2-й половине XIX века стал Санкт-Петербургский университет. Он оказался единственным учебным заведением на территории Российской империи, где преподавался китайский язык. Университет, открытый в Санкт-Петербурге в 1819 году, имел определенный задел в изучении восточных языков. Сразу же в нем открылись кафедры арабского и персидского языков, перешедшие по наследству от Педагогического института, на базе которого и был создан университет. Вскоре были разработаны проекты расширения преподавания восточных языков, в том числе китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского и др. Однако китайский язык в Петербургском университете появился лишь в 1855 году, после переноса туда отделения восточных языков из Казанского университета. В Петербург переехали из Казани все китаеведы, перевезли синологическую библиотеку.

22 октября 1854 года был подписан Указ Правительствующему Сенату о преобразовании разряда восточной словесности Санкт-Петербургского университета в Факультет восточных языков [344]. На факультете учреждалось 9 кафедр, в том числе и кафедра китайского языка. Кафедры делились на 5 разрядов, среди которых был китайско-маньчжурский. В 60-х годах кафедра китайского языка была объединена с кафедрой маньчжурского языка, монгольский язык присоединен к китайско-маньчжурскому разряду, образовав китайско-маньчжурский разряд.

Торжественное открытие Факультета восточных языков состоялось 27 августа 1855 года. Деканом был избран иранист профессор А.К. Казем-Бек, которого в 1859 году сменил турколог А.О. Мухлинский. Кафедру китайского языка возглавил ординарный (штатный) профессор китайского языка В.П.Васильев, читавший также и маньчжурский язык, так как кафедра маньчжурского языка осталась вакантной. В течение 12 лет он был единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда. Профессор В.П.Васильев возглавлял кафедру китайского языка до 1887 года, когда вышел из числа штатных профессоров.

Преподавание китайского языка с 1886 года перешло к приват-доценту (внештатному доценту) С.М. Георгиевскому, ученику В.П. Васильева. Сын священника, он окончил Костромскую гимназию, историко-филологический факультет Московского и Факультет восточных языков Петербургского уни-

верситетов. После окончания в 1880 году университета С.М. Георгиевский два года работал в чаоторговой фирме «Боткин и сыновья» в Китае. С 1 января 1883 года он был причислен на два года к Петербургскому университету со стипендией для подготовки к профессорскому званию и в 1885 году защитил магистерскую диссертацию по древней истории Китая, а вскоре приступил и к чтению лекций.

После скоропостижной смерти С.М. Георгиевского в 1893 году курс лекций перешел к А.О. Ивановскому, соединившему преподавание китайского и маньчжурского языков. А.О. Ивановский был чуть ли не единственным среди российских китаеведов выходцем из дворянской семьи, после окончания в 1885 году Факультета восточных языков он в 1887 году защитил магистерскую диссертацию.

А.О. Ивановский вел преподавание китайской и маньчжурской словесности последовательно в звании преподавателя, приват-доцента, экстраординарного профессора, ординарного профессора до своей болезни в 1900 году. К концу XIX века, в связи со смертью и болезнью ведущих китаистов, Петербург оказался без единого специалиста, способного занять университетскую кафедру китайской словесности.

Кафедра маньчжурской словесности оставалась вакантной несколько лет, единственный на нее кандидат И.А. Ладухин утонул во время поездки на Амур, в 1863 году кафедру упразднили, соединив с кафедрой китайской словесности. В 1886 году факультет вновь выступил с инициативой выделения самостоятельной кафедры маньчжурской словесности. Позднее кафедра китайской словесности получила отдельного преподавателя маньчжурского языка с 1869 по 1885 годы в должности доцента, а затем профессора этот курс вел бывший драгоман МИД И.И. Захаров (1814-1885).

После смерти И.И. Захарова преподавание маньчжурского языка было поручено только что окончившему университет кандидату А.О. Ивановскому, во время командировки которого в Китай в 1889-1891 годах его заменил профессор монгольской словесности А.М. Позднеев. В 1900 году профессор А.О. Ивановский ушел в отставку из-за болезни, и в 1903 году умер.

С 1900 по 1903 годы маньчжурский язык не преподавался в университете, затем его преподавание было возобновлено приват-доцентом В.Л. Котвичем. Кафедру монгольской словесности возглавляли профессор К.Ф. Голстуновский, его заменил А.М. Позднеев, приступивший к чтению лекций еще в 1881 году. В 1899 году К.Ф. Голстуновский умер, А.М. Позднеев был назначен директором Восточного института во Владивостоке.

В 1900 году чтение лекций по кафедре монгольской словесности было поручено приват-доценту В.Л. Котвичу, с 1903 года вторым приват-доцентом по этой кафедре был назначен А.Д. Руднев.

Практические занятия для студентов вели преподаватели – носители языка. По уставу 1863 года на факультете для этих целей было учреждено 4 лекторских оклада, один из которых получил лектор китайского языка, уже состоявший на службе Абдекармов (И. Абу-Каримов). После смерти в 1865 году Абдекаримова 20 лет на факультете не работало носителей языка, лек-

торские оклады отдавались русским, изучившим практический китайский язык в Пекине. В декабре 1865 года приказом попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Делянова драгоман VI класса при Азиатском департаменте МИД, агроном по образованию К.А.Скачков был утвержден в должности вольнонаемного преподавателя китайского языка.

Он вел в университете занятия по программе, составленной В.П.Васильевым, включавшей в себя «упражнения в разговорном китайском языке, составление разговорных фраз с русского на китайский, чтение и перевод на русский язык китайских сочинений, написанных разговорным языком, «Хунлоу мын», «Цзин Пин Мэй» и других».

Этого лектора, назначенного в 1867 году консулом в Тяньцзинь, заменил магистр астрономии Д.А. Пещуров, 8 лет проживший в Пекине. Лектор Пещуров вскоре был избран и утвержден царским указом и.д. доцента. В Петербурге шутил – китаиста-агронома заменил китаист-астроном.

Уставом 1884 года Д.А. Пещурова, как не имеющего степени магистра, вывели за штат, он читал лекции в должности приват-доцента, а затем, с 1890 года и.д. экстраординарного профессора. Д.А. Пещуров постепенно усложнял свой курс, кроме практического разговорного языка он давал грамматику, расширял круг переводимых произведений, давал переводы не только с китайского, но и с русского на китайский, постоянно использовал для занятий официальные документы и китайскую газету «Цзинбао». В дальнейшем Д.А.Пещуров остался единственным преподавателем китайского языка на Факультете восточных языков.

В 1884 году на лекторскую должность был назначен чиновник китайского посольства Гуй Жун, выучивший русский язык в Пекине у А.Ф. Попова. В 1885 году Гуй Жун неожиданно уехал, и В.П. Васильев предложил приглашать в качестве преподавателей не работников посольства, а российских дунган.

По рекомендации Кульджинского консула пригласили Сучжуна Суахунова (Су Чжун). Но тот, отработав два года, в 1887 году поехал в отпуск к семье в Джаркент и не вернулся. В 1891 году на факультет пригласили из Кульджи преподавателя школы переводчиков Гао Иньци (китайский подданный), который зарекомендовал себя прекрасным специалистом, но в 1892 году умер от холеры. В 1897 году полгода на факультете преподавал студент китайской миссии Шао Хэнсюнь. В 1898-1904 годах преподавал китайский язык работник посольства Куэ Фан (Гуй Фан).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Блажева П.В., ННГАСУ

Человеческое общество немислимо вне общения. Общение выступает необходимым условием бытия людей, без которого невозможно полноценное формирование не только отдельных функций, процессов и свойств человека,

но и личности в целом. Реальность и необходимость общения определена совместной деятельностью: чтобы жить люди вынуждены взаимодействовать. Общение позволяет организовывать общественную деятельность и обогатить её новыми связями и отношениями между людьми. Но общение будет эффективно лишь тогда, когда люди, взаимодействующие друг с другом, будут компетентны в данной ситуации. Поэтому компетентность в общении предполагает развитие адекватной ориентации человека в самом себе – собственном психологическом потенциале, потенциале партнера, в ситуации и задаче.

В контексте выше изложенного, формирование коммуникативной компетенции студента является актуальной проблемой в психологии, педагогике, философии, лингвистике, решение которой имеет важное значение, как для каждой конкретной личности, так и для общества в целом. Следует сказать о том, что проблема подготовки разностороннего специалиста, обладающего высоким уровнем культуры (в том числе и культуры слова) и мобильно действующего в условиях динамично развивающегося общества – методологическая и теоретическая проблема высшего образования – в наше время занимает умы многих исследователей и еще не решена окончательно. Одним из главных условий решения этой проблемы, на наш взгляд, является целенаправленное формирование у будущего специалиста коммуникативной компетентности, главной составляющей которой является общение (коммуникация).

Коммуникативная компетенция предполагает овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для данного возраста сферах и ситуациях общения. Коммуникативная компетенция обеспечивает формирование и развитие готовности к общению; она приводит к соблюдению этикетных норм, умению социально взаимодействовать, проявлять интеллектуальные, познавательные, творческие способности. Коммуникативная компетентность – один из важных компонентов профессиональной компетентности выпускников ВУЗа, которым, так или иначе, независимо от специализации, предстоит работать с людьми, а, следовательно, общаться с ними и использовать речь как средство воздействия.

Исследователи данной проблемы отмечают, что разными авторами понятие «коммуникативная компетенция» толкуется не совсем однозначно. Количество и состав компонентов коммуникативной компетентности, – пишет Т.А.Лебедева, – у разных авторов не совпадает, расположенность их относительна, что выдвигает на первый план разные компоненты содержания». Для того чтобы в этом убедиться, сравним несколько дефиниций коммуникативной компетенции.

1. «для теории речи наиболее важна коммуникативная компетенция, которая охватывает речь – говорение, аудирование, письмо и чтение на изучаемом языке. Коммуникативная компетенция имеет в виду не только теоретические знания, но и навык, свободное владение речью».

2. Авторы учебника «Русский язык и культура речи» под ред. В.Д.Черняк пишут, что их учебник» должен помочь формированию коммуника-

тивной компетенции, под которой подразумевается умение человека организовать свою речевую деятельность языковыми средствами и способами, адекватными ситуации общения».

3. «Коммуникативная компетенция – это знания, умения и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватных целям, сферам, ситуациям общения. Она включает в себя: знание основных понятий лингвистики речи (речеведческие знания) – стили, типы, способы связи предложений в тексте и т.д.; умения и навыки анализа текста, и, наконец, собственно коммуникативные умения – умения и навыки речевого общения применительно к различным сферам и ситуациям общения, с учетом адресата, цели».

4. И.Л. Бим рассматривает коммуникативную компетенцию, – как готовность и способность осуществлять общение, а также воспитание, образование и развитие личности.

Таким образом, обобщая выше приведенные определения, можно предположить, что:

- языковая компетенция: владение языковым материалом для его использования в *речевых высказываниях*;
- социолингвистическая компетенция: способность использовать языковые единицы в соответствии с *ситуациями общения*;
- дискуссионная компетенция: способность понимать и достигать связности в восприятии и порождении отдельных высказываний в рамках *коммуникативно-значимых речевых образований*;
- речевая компетенция: способность *понимать текст*, предъявляемый зрительно и со слуха (чтение, аудирование), и порождать речевое высказывание (говорение, письмо);
- компенсационная компетенция: способность ориентироваться в различных источниках информации (словарях, справочниках) и использовать их в учебной деятельности, а также способность компенсировать недостатки владения языком вербальными и невербальными средствами;
- социокультурная компетенция: степень знакомства с социокультурным контекстом функционирования языка;
- социальная компетенция: способность и готовность к общению (интерактивный аспект обучения);
- стратегическая компетенция: способность учиться.

Так как составляющими любой компетенции являются: владение знанием, содержанием компетенции, проявление компетенции в различных ситуациях, отношение к содержанию компетенции и объекту ее приложения, то коммуникативную компетенцию можно рассматривать с позиции трех составляющих: предметно-информационной, деятельностно-коммуникативной, личностно-ориентационной, где все компоненты составляют целостную систему личных свойств обучающихся. Поэтому коммуникативную компетенцию следует рассматривать как готовность ученика к самостоятельному решению задач на основе знаний, умений, качеств личности.

Анализ состояния преподавания русского языка, литературы и риторики показывает, что в школе недостаточно формируются навыки и умения устной и письменной речи. Теоретические сведения о русском языке, литературе, риторике не используются в полной мере для формирования практической речевой деятельности. Это означает, что проблема соотношения знаний о языке и практического владения языком еще не решена.

Формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения русскому языку, литературе, риторике – один из путей решения данной проблемы.

Коммуникативная компетенция – это не только способность понимания чужих и порождение своих собственных высказываний, речевого поведения, адекватного целям, сферам, ситуациям общения, она включает в себя знания основных речеведческих понятий: стили, типы речи, строение описания, повествования, рассуждения, способы связи предложений в тексте, умение анализировать текст. В связи с этим коммуникативный подход требует новых методов, форм и средств обучения, особой организации учебного материала в разделах «Развитие речи» и «Культура речи» на уроках русского языка. Кроме того, коммуникативный подход предполагает изучение языковых единиц с учетом их функций и взаимодействия в речи, усвоение особенностей функционирования грамматических форм и структур в различных типах и стилях речи, т. е. изучение фактов языка в единстве их формы, значения и функции.

По поводу необходимости обучать школьников владению языком выдающийся лингвист и методист XX века В. И. Чернышев писал: «Люди, которые плохо владеют речью, имеют некоторое право упрекнуть свое учебное заведение за то, что оно не научило их пользоваться тем оружием, которое оказывается более всего нужным». Задача школы XXI века – ликвидировать этот пробел.

Суть проблемы заключается в том, что у вчерашних школьников порой отсутствуют элементарные навыки работы с текстом (как с письменным, так и звучащим), тем более – навыки самостоятельного анализа материала: умение вычленить разные точки зрения, обоснованно принять какую-либо из них или высказать собственное мнение, подтвердить или аргументировано опровергнуть тезис и т.п. Сегодня абитуриенты не обучены элементарным лексическим навыкам: они не понимают и не воспринимают научную лексику, не могут интерпретировать новые понятия, опираясь на возможности сформированного персонального, личностного языкового сознания, предопределенного сложившейся персональной картиной мира.

Курс «Культура речи» нацелен на повышение уровня практического владения современным русским литературным языком у учащихся. Овладение новыми навыками и знаниями в этой области и совершенствование имеющихся неотделимо от углубления понимания основных характерных свойств русского языка как средства общения и передачи информации, а также расширения общегуманитарного кругозора, опирающегося на владение богатым коммуникативным, познавательным и эстетическим потенциалом русского языка. Задачи курса состоят в формировании у учащихся сле-

дующих основных навыков, которые должен иметь профессионал любого профиля для успешной работы по своей специальности и каждый член общества – для успешной коммуникации в самых различных сферах – бытовой, юридически-правовой, научной, политической, социально-государственной:

- продуцирование связных, правильно построенных монологических текстов на разные темы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения;

- участие в диалогических и полилогических ситуациях общения, установление речевого контакта, обмен информацией с другими членами языкового коллектива, связанными с говорящим различными социальными отношениями.

Этими навыками носитель современного русского языка должен свободно владеть и в устной, и в письменной форме. Они охватывают не только собственно принципы построения монологического и диалогического текста, но и правила, относящиеся ко всем языковым уровням: фонетическому, лексическому, грамматическому. Знание того или иного элемента системы языка включает его правильное употребление (выбор и комбинацию с другими элементами) при продуцировании речи и интерпретацию – при понимании речи.

В результате обучения студенты должны овладеть следующими умениями:

1. кратко формулировать свои мысли по затронутому вопросу или проблеме;
2. дать критическую оценку прослушанному сообщению на научные темы;
3. принимать участие в дискуссии по докладу или сообщению;
4. продуцировать устно и письменно типовые научные тексты.

Поэтому современная концепция содержания обучения русскому языку в школе должна предусмотреть формирование не только лингвистической (языковой), но и коммуникативной (речевой) компетенции учащихся, связанной с овладением всеми видами речевой деятельности, а также с культурой устной и письменной речи, правилами и способами использования языка в разных сферах общения.

И с уверенностью можно сказать, что введение таких учебных курсов, как «Культура речи», несомненно, помогут в формировании коммуникативной компетентности будущих специалистов и, кроме того, повысят уровень учебно-профессионального общения студентов с преподавателями и между собой.

«Я ВЕРЮ В СИЛУ РАЗУМНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА»

Кондрашова Л.Ю., ГХИ ННГАСУ

Наш язык – это великая заповедь творчества, это бесценное сокровище, которое мы часто бездумно расточаем. «Мы обязаны знать, – пишет профес-

сор, доктор филологических наук В.Ю. Троицкий, – одухотворенный русский язык – душа России, ее святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние без которого человек (и народ!) теряет свое лицо, при поругании которого народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, оттесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово». Ревнителю свободы от всяческих табу любят ссылаться на авторитет А.С. Пушкина, по мнению которого, первым из русских поэтов, отбросившим архаический стиль во имя живого народного языка, был не кто иной, как Иван Барков. Часто цитируются слова классика, обращенные к подрастающему поколению: «Вы не знаете стихов... Баркова и собираетесь вступить в университет, это курьезно. Барков – одно из знаменитейших лиц в русской литературе: стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение... Для меня нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание сочинений Баркова.»

Предвидение поэта сбылось: цензура отменена и «барковиана» издается большими тиражами. Однако, поступающие в университеты знают теперь сочинения не только Баркова, но и тех авторов, которые пытаются заполнить нецензурными словами провалы в содержании, замаскировать недостаток художественности. Что это – раскрепощение духа или конъюнктура рынка, диктующего свои законы, основанные на потакании самым низменным потребностям? Что ждет русский язык и литературу в самом ближайшем будущем? Если сознание народа – носителя культуры – изменится в сторону большей свободы от предрассудков, тормозящих общественный прогресс, то страна от этого, безусловно, выиграет. Но если наряду с устаревшими идеологическими клише и стереотипами мы избавимся и от традиционной нравственности, то наверняка это приведет к утрате национальной культуры, а затем национальной идентичности.

Употребление в речи, в книжном тексте «ненормативной лексики» – это вопрос не запретов, табу. Это вопрос слабости, мизерства, а порой и убогости литературного языка писателя, но и его неспособность управиться легитимными литературными средствами богатейшего русского языка.

У России во все времена была задача перед всем миром – задача сохранения на планете культурного слоя. Весь мир всегда ждет от нее не просто сопротивления мировому злу, но сопротивления посредством сохранения этого слоя культуры, независимого от рынка.

И если государство желает выжить, оно неизбежно будет вынуждено «строить свою жизнь на культурном слое высокого образца, не потакая низменному рыночному». Каждый из нас может повлиять на современное состояние русского языка. Литературные языки создаются людьми, культурной элитой общества. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли.

Главное назначение литературного языка – быть орудием духовной культуры. И во все исторические периоды жизни России он выполнял эту задачу.

СЕКЦИЯ 8. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И СХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

МАРКЕТИНГ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Зеленова А.Л., ННГАСУ

Традиционно маркетинг и маркетинговые исследования относят к сфере экономической или коммерческой. Но если исходить из самой природы маркетинга как системы изучения спроса, за которым стоят потребности граждан, то вполне закономерно говорить о широком поле маркетинговых исследований, в частности, области культуры со всеми ее видами и типами: художественной научной, образовательной, мемориальной, сервисной, экологической и т.д.

Задача маркетинга не просто выявление спроса (интереса, запроса, влечения), но спроса на определенный объект: вещь, продукт, сервис, спортивный комплекс, мемориальный центр, природная зона, уникальное производство, художественное произведение и т.д. Все они могут комплексно рассматриваться как культурные объекты. Выявление и описание их может определить программу и маршруты туров, экскурсий, походов, развлечений, образовательных акций, мемориальных праздников и пр.

В связи с этим можно сказать, что многие культурные объекты Нижегородского края еще до конца не исследованы и информационно не представлены населению и туристам. Давно известен Макарьевский монастырь или озеро Светлояр, Городецкая роспись или Семеновская хохлома. Оживлен в памяти Городец с Александром Невским или Дивеево с Серафимом Саровским. Но много еще культурных ценностей хранит Нижегородская земля, ее история. Не все знают, что создатель первого русского Толкового словаря В. Даль – это наш нижегородец, что первые в мире крылатые суда создал великий нижегородский конструктор Р.Е. Алексеев, что первый в России трамвай пущен в Нижнем Новгороде, что Павловские художественные изделия из металла более 200 лет назад получали дипломы на Парижской выставке, что лучший хирургический инструмент делается в г. Ворсма, что лучший автобус планеты «ПАЗ-Турист-Люкс» (1969 г.), получивший Гран-При в Ницце, создан М.В. Демидовцевым на Павловском автобусном заводе, что квадрига с Апполоном на Большом театре в Москве вылита художниками-мастерами в г. Выкса и т.д. и т.д.

Можно продолжить этот перечень не только подвигом Нижегородского ополчения, но и историей Сормовского и Автомобильного заводов, историей Ядерного центра страны в г. Саров, даже рассказом о знаменитых Тумботинских ножницах и т.д. Немногие нижегородцы знают все это, не говоря уже о

туристах. Скажем, баронесса Смит из Лондона только в Нижнем Новгороде узнала, что основателями дизайна на планете являются ее земляки – профессор Д. Рёскин и проф. У. Моррис (1890-е годы).

История каждого народа хранит в своих кладовых память о творческом потенциале каждого из них. Современники должны не только сохранять эту память, но и стремиться передать ее от поколения к поколению, и эту задачу должны решать, в том числе, и маркетинговые исследования культурного наследия.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕЖДУ ЭСТЕТИКОЙ И КОММЕРЦИЕЙ

Брук Ф.Л., ГИИ, г. Москва

Культурное наследие России обширно и разнообразно. Плакат – феномен, застрявший на грани между рекламой и искусством, также крайне разнообразен. В большинстве своих форм плакат, несомненно, занял большую нишу в истории отечественной рекламы и искусства, обозначая в них стремление ко всему новому и став символом прогресса в конце XIX и начале XX века. Взяв свое начало из лубочного творчества, российский плакат сразу же стал рекламным, хотя эту черту он скорее унаследовал, нежели приобрел сам. Бесспорно, что российский плакат первые годы лишь копировал европейские плакаты эпохи Модерн (таких мастеров как Альфонс Муха, Шере, Тулуз-Лотрек), а важным толчком для развития плаката в России послужила первая в мире Международная выставка афиш, прошедшая в Петербурге в 1887 году. С этих пор плакат в России начал набирать силы.

В этом жанре работали известные мастера XX века: В.М. Васнецов, М.А. Врубель, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов, И.Я. Билибин, Н.В. Ремизов, Н.В. Ремизов, В.А. Серов, Л.С. Бакст, К.А. Коровин. Так же как и его европейский собрат, русский плакат отличался декоративностью, любовью к орнаментам и узорам. Модерн, будучи новым стилем, возникал и осознавался, как демократический и был обращен к народу. Он стремился внести искусство в быт и будни. И это стало первым серьезным шагом в формировании отношений между рекламной и творческой деятельностью.

Неудивительно, что реклама обратилась к искусству, будучи коммуникативной деятельностью. В реализации своих идей она придерживалась наиболее актуальных параметров для социальной среды: интерактивности, активной визуализации, использования выразительных средств (метафор, аллегорий, гипербол и пр.) а также выхода за рамки стандартных средств коммуникации. Инструментарий изобразительного искусства призван удовлетворить всем этим параметрам. Интеграция рекламы и искусства в основном складывается в рамках визуальной символики, для которой не так существенны различия в языках, в отличие от текстового сообщения.

Сложность символического восприятия художественного образа, кроется в отсутствии прямой эмблематичности и, как следствие, однозначной

трактовки символов, заложенных в нем. Кроме неоднозначности идей творца, сложность восприятия создает и разница культур, живущих по законам инкультурации даже в период глобализации. Трактовка любого знака представляет собой иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к нему. Реклама использует и эстетическую функцию символа, чтобы вызывать у человека эстетические переживания: чувство притягивающей красоты символа, вследствие его неоднозначности, желание повторять его – вчитываться, искать и разгадывать скрытый смысл, соперечивая самому его содержанию и переливам смысла. В таком виде искусство является отличной платформой для использования эстетики символа.

Говоря об интеграции рекламы и искусства в рамках их эволюции, можно заметить, как отношения между ними менялись от «товарищеских» к деловым. Однако они были всегда взаимовыгодными, наверно, поэтому до сих пор мы наблюдаем результаты их сотрудничества. Сначала, реклама при помощи художественных способов пытается самоопределиться и стать отдельным видом деятельности. Затем, уже благодаря рекламным и социальным нуждам, искусство вырывается на улицы в виде вывесок, чем вызывает к себе неподдельное внимание. Известнейшие мастера работают в этом жанре, получая за работу деньги и широкую известность.

Уже на раннем этапе развития российской рекламы, можно говорить о некоторой ее оригинальности и своеобразии, необычности приемов, связанных с культурными особенностями. Развитие техники изображения в XIX веке сделало возможным становление плакатного искусства вообще и рекламного плаката в частности. Художники модерна создали не только новое направление в живописи, но и сделали рекламу предметом искусства. Происходит повышение эстетической ценности рекламы. Такую рекламу, которая имеет не только коммерческую, но и самостоятельную художественную ценность, можно назвать Art-рекламой. Как направление такая Art-реклама проявила себя только на территории Европы и России.

Россия, сначала избрав путь заимствования, затем под действием революции и социальных факторов изменила облик рекламного плаката до неузнаваемости. Революция показала неэффективность изящных декоративных форм, когда речь идет не о кабаре, а о войне. В период революции социальный плакат послужил обеим противоборствующим сторонам. В Белой армии существовал Освободительно-агитационный отдел Добровольческой армии («Осваг»), в котором работали известные мастера рекламного-плакатного жанра – И. Билибин и Е. Лансере. Лидерами среди революционных плакатистов стали Д. Моор, В. Дени, А. Радаков, М. Черемных. Создавая свои плакаты, художники придерживались в основном одной из двух тенденций. Одна, заложенная Моором, отличалась монументальностью, лаконичность, скульптурностью. Другая заключалась не в восхвалении сильных, положительных образов, а в высмеивании слабых, отрицательных.

Простому рабочему оказался куда ближе и понятней язык нового плаката, сатирического или монументально-величественного. «Плакатная война», также как и реальная, были проиграны белой стороной. Причем, можно

предположить, революционеры победили, в том числе благодаря их активной, креативной плакатной деятельности. Плакаты, выпущенные «Освагом», порой не содержали «картинок» и временами обладали скромными размерами. Символические образы на рисунках выглядели абстрактнее, туманнее, а временами – так и вообще спорно. Так, «свобода» являлась в облике дородной барыни в народном кокошнике, а Добровольческая армия – в образе Георгия Победоносца. Такие сомнительные образы, не могли вызвать в обычном человеке даже близко столько эмоций, сколько вызывали мужественные мускулистые рабочие под алыми знаменами с революционных плакатов.

Отечественный плакат в начале 1920-х годов сильно изменился, так как перед ним, как перед агитационным средством, встали новые цели. У плаката появилась новая функция: разъяснить рабочим суть новой экономической политики страны в доходчивой форме. Большинство плакатов, так же как и лозунги, того периода принадлежат В. Маяковскому, а чуть позже – его дуэту с А. Родченко, который носил название «Реклам-конструктор Маяковский-Родченко». Занимался дуэт разработкой приемов торговой рекламы. Маяковский называл рекламу «промышленно-торговой агитацией» и осознавал ее огромную важность. В своем новом статусе плакат стремительно обрел оригинальный облик, выделивший его среди плакатного искусства западноевропейских стран.

Композиционные эксперименты с блоками текста, шрифтами, цветом, геометрическими фигурами и фотографическими изображениями подвели художников к созданию плаката новой «конструкции». Он не только информировал, просвещал и агитировал, но и «революционно перестраивал» сознание граждан художественными средствами, свободными от излишеств традиционной описательности и иллюстративности. Язык такого плаката был сродни языку архитектурных и книжных экспериментов, литературных и театральных новаций, кинематографического монтажа тех лет. Избрав свой путь на этом этапе, советский плакат взял себе «на службу» наиболее передовые виды художественного искусства: конструктивизм, супрематизм и фотографию. В рамках плакатного искусства мы можем наблюдать интересный феномен перевоплощения рекламы в искусство, пусть и более демократичное, нежели его предшественники. Эта тенденция продолжится и в формах поп-арта, а искусство вплотную подойдет к массовой культуре.

К 50-м годам плакат потерял свою значимость и популярность, однако, в самом конце 80-х под воздействием социальных и политических факторов происходит возрождение плакатного искусства, которое стало сугубо социальным, а к середине 90-х приобрело некий философский «окрас». Интеграция в условия современной России происходит не так гладко и если отечественные художники активно используют рекламные бренды в своем творчестве (в различных целях: самореклама, выражение социальной позиции или высмеивание), то рекламисты редко идут на смелые эксперименты. Однако русские художники крайне востребованы на Западе, где интерес к искусству выше, а рекламные и рыночные технологии развиты лучше.

Возвращаясь ко всему сказанному выше, можно увидеть, как плакат, родившись на грани коммерции и эстетики, занял огромное место в российской истории и культуре. Возможно, он исчерпал себя в своих методах, но, возможно, ему предстоит еще раз встать во главе творческой мысли.

СЕКЦИЯ 9. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖПОКОЛЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Филиппов Ю.В., Фирсова А.М., Ревягина Т.А., Вахитова Р.Р., Дрягалова Е.А.

В настоящее время много говорят о национально-культурной идентичности подрастающего поколения, о необходимости преемственности отечественного педагогического и культурного опыта, в связи с чем предпринимаются попытки разработки и создания учебной и учебно-методической литературы по краеведению самого разного уровня, ориентированной на детей разного возраста – от детского сада до старших классов общеобразовательной школы.

Несмотря на быстрый рост числа всевозможных краеведческих организаций, среди специалистов все больше распространяется мнение, что российское краеведение окончательно исчерпало свой потенциал, и приоритет в области региональных исследований должен перейти к комплексу таких, во многом для России новых, дисциплин, как региональная история, регионология, регионалистика, региональная экономика.

Преимущество названных дисциплин перед краеведением обеспечивается их опорой на соответствующие теоретические наработки мировой историографии, наличием собственной разработанной методологии, финансовой поддержкой работающих в этом направлении исследовательских центров, и, наконец, просто высоким профессионализмом занятых здесь исследователей.

И действительно, краеведческие работы последнего времени, наоборот, часто страдают предельно низким качеством и излишней политизированностью, практически не имеют собственной разработанной методологии и методики исследования, пытаясь в этой области следовать, часто совсем неумело, за исторической наукой.

В такой ситуации сам термин «краеведение» становится все более «немодным» (в школьных программах его все чаще заменяет термин «региональный компонент»).

В качестве примера интересного и новационного опыта в этой области можно привести создаваемую группой нижегородских ученых-педагогов серию учебных пособий для детей старшего дошкольного и младшего школь-

ного возрастов «Детям об истории Нижегородского края» из 6-ти книг, изданную в 2006 году.

Эта серия учебных пособий по краеведению, которая явится результатом многолетних комплексных исследований, посвященных специфике истории и культуры Нижегородского края, охватывает длительный хронологический период, представляет собой уникальную научную и методическую программу, ориентированную на многоуровневую систему занятий с детьми определенной возрастной группы – старшего дошкольного и младшего школьного возрастов.

Данные возрастные группы являются определяющим этапом для всего последующего развития и обучения ребенка в школе. Именно в этом возрасте у ребенка формируются устойчивые представления о своей Родине, закладываются основы знаний о ее истории и культуре, возникают первые патриотические чувства и приходит осознание принадлежности к истории родной страны и ее культуре.

Центральной книгой, открывающей серию, будет книга для чтения детям старшего дошкольного и младшего школьного возрастов «Очерки истории Нижегородского края», в которой с помощью ярких иллюстраций и занимательных рассказов об особенностях климата и ландшафта, археологии и экономики, этнографии и фольклора детей познакомят детей с культурно-историческим наследием Нижегородского края.

Следующие книги, продолжающие серию, более подробно раскроют различные аспекты тематических рубрик, заявленных в центральной книге.

- «Тайны Земляной Книги (введение в археологию; Каменный век; Бронзовый век: литье из бронзы, скотоводство и земледелие; Ранний железный век)»;

- «Жили-были нижегородцы»;
- «Традиционные кустарные промыслы и торговля в Нижегородском крае»;

- «Как жили и одевались люди в Нижегородском крае»;

- «Нижегородские открытия восточного купца Абу Хамида (Нижегородская ярмарка. Традиционные нижегородские промыслы. Нижегородский Кремль. Прогулки по улицам Нижнего Новгорода.)

В целом, осмысляя проект создания серии учебных пособий по региональному краеведению, хотелось бы отметить принадлежность его к руслу давней исторической традиции российского краеведения.

В середине XIX века, в начале модернизации и связанной с нею коренной перестройки связей внутри общества, выяснилось, что «в России практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций – сформировавшихся много веков назад, компактных, с определенными границами, центрами, символами и ярко выраженным самосознанием».

На протяжении предыдущих веков не предпринималось ни одной сколько-нибудь серьезной попытки осмыслить особенности отдельных мест-

ностей, напротив, с успехом выкорчевывалась сама память о местной истории.

В этой ситуации, как устойчиво оформившиеся, существовали лишь коллективы отдельных сел и городов, так как здесь подобные сообщества выступали не как культурные, а как социально-психологические общности. В реальной жизни российской деревни второй половины XIX – начала XX вв. устоявшиеся поведенческие стереотипы на уровне нескольких поколений воспроизводились не столько через культурно осмысленную традицию, сколько через воспроизводство бытовой нормы.

Рождение краеведения по времени совсем не случайно совпало с началом стремительного разрушения основ традиционного общества в России, пришедшегося на вторую половину XIX в. Быстро обновляющаяся жизнь создавала для миллионов россиян принципиально новые условия существования и утверждала новые культурные ценности. Одновременно в прошлое уходил громадный пласт культуры, порожденной обществом относительно статичным, разбитым на миллионы самостоятельных мирков в пределах села и прихода. Но на фоне этой стремительно обновившейся хозяйственной и политической жизни, меняющегося быта уходящая «старина» сохранила свою притягательность как культурная ценность, породила интерес как недавнее, но уже прошлое.

Сходная ситуация наблюдается и в настоящее время – обаяние и ценность уходящей и уже ушедшей старины, потеря современниками и подрастающим поколением духовно-ценностных ориентиров культурного наследия прошлых лет создали ситуацию научного и методического вакуума в области познания наследия отечественной и региональной культуры, что в настоящее время пытается преодолеть коллектив нижегородских ученых, разрабатывающих серию учебных пособий «Детям об истории Нижегородского края».

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Пелеваниду А.П.,
г. Салоники, Греция

Жители Греции очень бережно относятся к своей истории и чтят её. Большое внимание они уделяют воспитанию детей в духе историзма. С дошкольного возраста детям рассказывают легенды и мифы Древней Греции. Боги и герои Олимпа живут и присутствуют во всех детских играх. Во всех греческих общеобразовательных школах все национальные праздники проводятся с большим размахом. Особое внимание уделяется парадам, которые, как правило, открывают дети. При этом прерогатива уделяется отличникам. У каждого лицей, у каждой школы имеется специальная праздничная форма, обязательно с национальным колоритом.

Эта одежда вначале создаётся модельерами, а затем согласовывается с районным управлением образования. Праздничная форма используется при-

мерно пять или шесть раз в году, во время проведения самых крупных праздников. Очень большое количество их проводится на базе школ. Неотъемлемой частью жизни учащихся являются театрализованные представления тех или иных исторических событий. Также театрализация охватывает и некоторые религиозные праздники. При этом некоторые постановки проходят с участием мифологических олимпийских персонажей, а некоторые – христианских.

Большое внимание в греческой системе образования уделяется древнегреческому языку, который является одним из основных школьных предметов. Параллельно с древним языком идёт преподавание отечественной истории. Методисты говорят, что эти два предмета, как никакие другие дополняют друг друга.

Особое внимание в греческой системе образования уделяется музейной педагогике. Посещение музеев детьми можно выделить в отдельный обязательный предмет. Почти во всех музеях страны имеются интерактивные залы специально для детей различных возрастных групп. На их базе и проводятся учебные занятия. Также в программу обучения истории включены поездки в разные города и веси Греции. За время обучения в среднем учебном заведении, ребёнок должен побывать во всех местах, с которыми связаны те или иные исторические события, посетить музеи, экспозиция которых посвящена этим событиям, и прослушать курсы лекций.

Такое бережное отношение к своей истории формирует этническое самосознание детей и призвано воспитывать истинных граждан своей страны.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКА В РОССИИ В 60-70 ГОДАХ XVIII ВЕКА

Е.Ю. Ипатова, НГПУ

Благодаря исследователям «классического» периода русской исторической науки было установлено, что ранние этапы образовательной политики Екатерины II были связаны с деятельностью Ивана Ивановича Бецкого (1703-1790). Следует в связи с этой исторической фигурой, прежде всего, назвать работу А.С.Лаппо-Данилевского. Влияние Бецкого при дворе было особенно велико в 1763-1773 гг. Постепенное устранение от дел стало происходить в течение следующих семи лет – в 1780 г. Бецкой ослеп, и карьера его прервалась, так сказать, естественным путем.

А.С.Лаппо-Данилевский отмечает, что деятельность Бецкого обнаружилась прежде всего в составлении законопроектов, касавшихся воспитания и обучения российского юношества... Как и другим просветителям, ему было свойственно подходить к информационно-формирующим структурам с позиций априорного рационализма, отвлеченных, чисто умозрительных схем. Отсюда его интерес к теориям Локка, Вольтера и другим педагогическим схемам. Но существует и отличие: Бецкой действовал и мыслил как государственный чиновник. Все его проекты опирались на правовые действия госу-

дарственных структур. Известное учение Руссо о воспитании чувств о нравственной энергии, выяснению которого он уделил немало места в своем «Эмиле», своеобразно повлияло на Бецкого: он восторгался желанием императрицы, «чтобы с изящным разумом изящнейшее еще соединилось сердце» и настаивал на необходимости «воспитывать отроков в добродетели», а не только украшать их разум науками.

Далее, подробно Руссо, И.Бецкой признает значение труда, как обязанности всякого человека: трудолюбие есть «исполнение обязательства нашего»; без труда человек «тщетное бремя земли» и едва ли достоин жить, «содлавшись ленивцем»; поэтому за праздность должно наказывать детей «столько же, сколько за кражу».

Можно указать на еще одно сходство: подобно Руссо он скептически относился к многопредметности и преждевременному обременению ума ребенка разными знаниями и предлагал обучать юношей «самым делом, слышанием и видением». Даже мысли Руссо о том, что образование «последовательно» должно преследовать сперва утилитарные, а потом и моральные цели; по-видимому, несколько отразилось в уставах Бецкого; вероятно, с утилитарной точки зрения, ему казалось «лишним» обучать кадетов латинскому языку, логике, метафизике «и прочему»; вместе с тем он считал возраст от 9 до 12 лет у кадетов и от 12 до 15 лет в воспитанников коммерческого училища наиболее пригодными для «внушения им любви к добродетели и благонравию».

Далее, согласно с учением Руссо о том, что человек от природы не имеет никаких худых склонностей и пороков, и что окружающая его с самого рождения среда, оказывает на него пагубное влияние, а может быть, и под впечатлением картины изолированного воспитания Эмиля, Бецкой, со своей точки зрения, сделал соответствующий вывод: он полагал, что для устранения от ребенка влияния, оказываемого на него порочною средой, необходимо с ранних лет, удалять его от нее. Возможно, наконец, что под влиянием идей, высказанных Руссо, И.Бецкой мечтал о развитии между воспитанниками своих закрытых заведений чувства взаимного уважения, стоящего выше словных предрассудков. Одну из выгод воспитания и научения мещанских детей в кадетском корпусе Бецкой усматривал в том, что последние привыкнут заблаговременно не пренебрегать теми, кои законами общества определены к нижнему против их состоянию, и научатся исподволь судить о людях по прямым достоинствам, а не по делам, немало от них зависящим».

Между основоположниками, высказанными Руссо и образом мыслей Бецкого, как видно, было действительно много сходного; некоторое сходство. Разумеется, можно было бы проследить и в второстепенных особенностях их системы. Не следует забывать, однако, что между их взглядами существовали и различия: Руссо предлагал такую систему домашнего воспитания, в которое образование умственных способностей начиналось очень поздно и применение которое достигало цели лишь при самых исключительных условиях; кроме того, он придавал слишком мало значения авторитету, и общественному воспитанию, которое может давать школа, и, вообще, мало доверия

последней, нисколько не стоял за закрытые учебные заведения, учреждаемые правительством.

Бецкой, напротив, признавал справедливость подобного рода требований и думал, что для удаления воспитанника от порочного рода требований и порочной среды, надобно помещать его в закрытые, особые воспитательные и учебные заведения. Учреждаемые государством; здесь во весь период воспитания дети не должны были ощущать на себе влияние семьи.

Таким образом, смысл реформаторской деятельности Бецкого в практическом смысле сводился к подготовке особого слоя людей, готовых служить феодально-абсолютистскому государству. То есть, налицо выдвижение на передний план политических задач, которым должна была служить система образования. Время Бецкого при дворе Екатерины – это время, когда «двор» был увлечен идеей сформировать «третий род» людей в России, который верой и правдой должен был служить просвещенной российской монархии.

ОБУЧЕНИЕ РИСОВАНИЮ В РОССИИ В XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ

Гришина И.И., ГХИ ННГАСУ

Рисование как дисциплина, обучающая рисунку и живописи, возникла очень давно на Руси. О чем свидетельствуют иконы, фрески, рукописные книги. В школах при монастырях, как мужских, так и женских, рисование было обязательным предметом, как и чтение, грамматика, арифметика. На уроках чистописания постигались азы каллиграфии, одного из видов шрифтового искусства. Навыки и мастерство в живописи приобретались в копировании и раскрашивании – письме иллюстраций-миниатюр в книгах, икон и храмовых фресок. В XVII веке в России происходит разделение живописи на «светскую» и религиозную. Мастерские Оружейной палаты Московского Кремля были первой Академией художеств и центром развития русского искусства. Здесь состояли на службе не только русские, но и иностранные мастера. Художники-изографы «...наименование опытного и талантливого живописца или иконописца... в Древней Руси, «...украшали стенописью соборы и дворцовые палаты, писали «подволоки» на холстах (плафонах), расписывали знамена, походные шатры потехи (игры, игрушки), мебель, повозки, конскую сбрую; они же были и иконописцами, портретистами, миниатюристами» с разделением труда... Один, «знаменщик», сочинял композицию и наносил ее контуры («знаменил»), другой, «личник», выполнял лицо, «доличник» писал фигуру. Мастера, выполнявшие только растительный орнамент, назывались «травщиками», те, что специализировались в нанесении золота, именовались «златописцами» [2. С.458.]. Иностранные художники старались научить азам реалистического искусства, обучая русских мастеров писать и рисовать пейзажи-панораммы и портреты с натуры. Так появились в России новые виды искусства – пейзаж и портрет.

В русской иконе XII века произошли изменения – это выразилось в отказе от стилизации и декоративности, и появление черт, характерных для реалистической школы, а именно, свето-воздушная среда, объем, светотеневая моделировка формы и передачи пропорций реального человека. Основоположником такого направления стал Симон Ушаков (1626 – 1686г.г.). «Одни исследователи видели в нем разрушителя основ русских традиций живописи, другие, напротив, что он оживил икону».

Новым видом искусства для России конца XVII – XVIII веков стала гравюра «от французского слова Graver – вырезать». Она разделяется на два вида – ксилография – «получение изображения с плоской деревянной печатной формы» и офорт – «гравюра на металлической пластине с рисунком, травленной кислотой».

Первые гравюры появились из-под резца мастеров Оружейной палаты по рисункам С.Ушакова. Гравюра выполняла ряд «государственных функций» и способствовала «пропаганде» правительственных реформ, а так же проявляла себя как самостоятельный и полноценный вид искусства в изображении пейзажа и портрета.

В противовес официальной «государственной» гравюре в конце XVII века в российской глуши зародился «лубок». Из определения лубка – это (фр. image d'Erinal), лубочная картинка, народная картинка (название происходит от липового лубка, излюбленного материала народного искусства) – произведение народной графики (как правило, печатное), отличающееся простотой и доходчивостью образа...». Лубочная «продукция» незатейливо и ненавязчиво послужила формой обучения чтению и рисованию в России.

«В первой половине XVIII века в России получали специальное художественное образование, в основном, в частных мастерских или за границей. Среди частных мастерских того времени широкой известностью пользовались мастерские живописца И. Аргунова, скульптора Л.Роллана, живописца П.Ротари, где обучение рисунку было поставлено на высоком уровне. Будучи хорошим рисовальщиком и прекрасным живописцем, Аргунов своим ученикам давал отличную профессиональную подготовку. Из мастерской Аргунова вышли А.Г. Лосенко, И.С. Саблуков и А.К. Головачевский, которые в 1759 году были приняты из мастерской сразу в качестве ассистентов Академии художеств».

В 1711 году была открыта Рисовальная школа при Петербургской типографии. В школе не только копировали образцы, но и рисовали с живой натуры.

Крупной художественной школой в 1-й половине XVIII века стала так называемая «живописная команда» при «Канцелярии от строений». В ней работали и учились многие известные мастера живописи – И.Я. Вишняков, А.М. Матвеев и другие.

Впервые в начале XVIII века в Российских учебных заведениях дисциплина рисование – обязательный предмет в процессе обучения.

1715 год – рисование – одна из составляющих учебных дисциплин Санкт-Петербургской Морской Академии.

1716 год – рисование преподается для учащихся хирургической школы при военном госпитале в Санкт-Петербурге.

1721 год в Карповской школе Феофана Прокоповича рисование также изучаемый предмет. Феофан Прокопович (1677-1736) – сподвижник Петра I. «В 1721 г. он учредил синодальную школу при Александро-Невской лавре и одновременно с ней в собственном доме на Петроградской стороне (на Карповке) открыл школу-интернат, содержащуюся им за свой счет. Эта школа была лучшей в России того времени. В дополнение к классическим семи предметам «свободных искусств» в Карповской школе Прокоповича преподавались ремесла, учебные занятия чередовались с играми, физическими упражнениями и сценическими представлениями.

Школа просуществовала 15 лет, до кончины Феофана. За это время в ней получили добротное среднее образование 160 человек – сирот и детей из бедных семей, которых Прокопович за свой счет учил, обеспечивал не только пропитанием, одеждой, но и книгами. Из числа пансионеров Карповской школы вышли будущие академики Г.Н. Теплов, С.К. Котельников и А.П. Протасов» .

В 1724 г. при Российской Академии наук в Санкт-Петербурге была открыта «Рисовальная палата», где первыми преподавателями были иностранные учителя.

В 1732 г. на Васильевском острове в Санкт-Петербурге открывается Корпус кадетов шляхетских детей, в программу которого входили такие предметы как логика, математика, физика, риторика, история, география, латинский и французский языки, этика, право, экономика, навигация, артиллерия и фортификация, фехтование, музыка, танцы, так и архитектура, рисование и скульптура.

«С 1747 г. – в гимназии при Академии наук, с 1764 г. – в Институте благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре».

Процесс обучения в этих заведениях был построен так, что воспитанники получали необходимые знания, способствующие усвоению программы конкретного учебного заведения и, по возможности, могли полнее развить эстетические и нравственные качества, но перед учащимися не ставились задачи возвращения из них художников-профессионалов.

Эту проблему взяла на себя Академия художеств, основанная в 1757 году в городе Санкт-Петербурге. Это «учреждение, объединяющие крупнейших мастеров изобразительного искусства и архитектуры, подготавливающих профессиональные художественные кадры высшей квалификации. На протяжении всей своей истории Академия художеств была центром профессионально-художественного образования, а так же научно-творческим центром. При Академии художеств существовало Воспитательное училище.

В России конца XVIII и начала XIX веков ознаменовались появлением провинциальных художественных школ.

Так, например, в конце XVIII века в г. Нижнем Новгороде академик Академии художеств П. А. Веденевский открыл первую частную школу (студию) в России.

В 1802 году в городе Арзамасе Нижегородской губернии другой академик Академии художеств, А. В. Ступин, организовал первую русскую провинциальную школу живописи, где могли обучаться дети крепостных. Эта частная школа была признана и одобрена Академией художеств и Обществом поощрения художников города Санкт-Петербурге.

В 1820 году основал свою школу в селе Сафонкове Тверской губернии живописец и гравер А. Г. Венецианов.

Ученики А. В. Ступина в 30-х годах XIX в. открывали школы живописи в разных городах России: И. К. Макаров – в Саранске и Пензе, А. И. Надеждин – в городе Козлове. В Казани В.С. Турин, выпускник Академии художеств и товарищ А. В. Ступина, основал рисовальную школу.

В 1832 году в Москве открылась русская художественная школа – Художественный класс, (в 1843 году преобразован в училище живописи и ваяния, в 1865, после открытия при нем архитектурного отделения, – в училище живописи, ваяния и зодчества). Среди учеников Московской школы были выходцы из народа (часто из крепостных).

В 1839 году при Обществе поощрения художеств в Петербурге, открылась рисовальная школа.

В XIX веке получила развитие подготовка мастеров декоративно-прикладного искусства. В 1825 году в Москве С.Г.Строганов основал «Школу рисования в отношении к искусствам и ремеслам», (ныне Московское высшее художественно-промышленное училище).

Близким по профилю к школе Строгонова было училище технического рисования, основанное А.Л. Штиглицем в 1876 году в Петербурге.

Но какая бы школа не появлялась в России, в пример всегда бралась или подразумевалась Санкт-Петербургская Академия художеств и ее система образования и воспитания.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АКВАРЕЛИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Ростовцев Н.А., НХУ, г. Нижний Новгород

Акварель при всей кажущейся простоте является сложным, тонким искусством. Она предъявляет к художнику требование уверенной работы кистью, сохраняющей трепет руки автора. Соединение в акварели достоинств графики и живописи таит в себе разнообразные возможности художественного выражения, дает проявить себя художникам с различными творческими наклонностями, темпераментом и мировосприятием.

Акварель незаменима в преподавании изобразительного искусства в различных формах образования детей, ибо среди художественных материалов для школьников выделяется своей доступностью, не требует сложных специальных приспособлений. Но для того, чтобы обучать этой «доступной» технике, педагог должен сам уверенно владеть навыками письма акварелью, однако подготовка учителей в этой области является недостаточной. Поэтому в высшей педагогической школе искусству акварели должно быть уделено

более серьезное внимание. В настоящее время в курсе живописи она часто играет второстепенную роль, становится предварительным этапом к освоению масляной живописи.

Акварель занимает существенное место в творческой практике художников. Она привлекает художников своей мобильностью, импровизационностью, непосредственным контактом с жизнью. В Санкт-Петербурге в педагогических и художественных учебных заведениях накопился большой методический опыт обучения акварели. Его необходимо изучать, подвергать научному анализу, делать достоянием педагогической общественности.

Кроме проблем профессиональной подготовки художника-акварелиста, важнейшей и вечно актуальной проблемой педагогики искусства является воспитание зрителя. Чтобы воспринять и оценить достоинства произведения, выполненного акварелью, зритель должен быть знаком с ее возможностями, проникнуться уважением к ней как средству художественного отражения мира.

Таким образом, исследование художественно-выразительных особенностей акварели как средства живописи – это актуальные проблемы теории и методики обучения изобразительному искусству.

К теме изучения истории преподавания акварели обращалась историко-искусствоведческая литература. В ней преобладает рассмотрение истории развития акварели в общем художественном процессе. Богатейшие традиции акварельной живописи в России XVIII-XIX веков и ее широкое распространение в конце XIX – начале XX века, сложность и противоречивость художественной жизни этого периода, борьба различных тенденций в искусстве нашли отражение в книге С. Г. Каплановой «Русская акварельная живопись конца XIX – начала XX века».

С. Г. Сапланова отмечает огромное разнообразие творческих исканий, выделяет то ценное, что есть в русской акварели указанного времени, рассматривает персоналии русских художников-акварелистов, начиная с И.Репина, В.Сурикова, В.Поленова, заканчивая М.Сарьяном. Остановившись на деятельности Общества русских акварелистов, автор считает, что регулярное проведение выставок Обществом способствовало более пристальному привлечению внимания к акварели, ее художественным преимуществам и распространению среди широких кругов петербургской публики.

К этой же группе относится историко-искусствоведческая литература общего плана, в которой есть довольно ценные сведения по интересующим нас вопросам, но эти вопросы не были в фокусе внимания авторов и не являлись предметом специального исследования. Краткий обзор самых заметных линий истории русской акварели дан в труде А.А.Сидорова «Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX века)». Автор анализирует весьма существенные черты как в творчестве отдельных художников, так и в деятельности группировок, связанных общими тенденциями в пределах определенных периодов (Артель, Товарищество передвижных художественных выставок, Общество акварелистов).

Книга дает некоторое представление о формировании школы русской акварельной живописи и побуждает к сравнению отдельных явлений в развитии современной акварели с историческим материалом. Несмотря на весь авторитет этого крупнейшего специалиста по истории графики, мы должны отметить, что, он не придавал особого значения акварели как средству живописи, относя ее к рисунку (это можно увидеть в самом названии).

О заметной и полезной роли Общества русских акварелистов писал Г.Ю. Стернин, что свидетельствует о большом распространении этого вида искусства в художественной жизни России рубежа XIX – XX веков. Не потеряла своего значения ставшая хрестоматийной книга Б.Р.Виппера «Введение в историческое изучение искусства».

Б.Р.Виппер обращается к различным странам и эпохам, дает определение специфики каждого из видов изобразительного искусства (графики, скульптуры, живописи, архитектуры), раскрывает преимущественные возможности того или иного вида, техники и материала, в том числе акварели.

СТРУКТУРА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Ипатова Е.Ю., НГПУ

Образовательная реформа, естественно, рождалась в теоретических поисках. Но эти поиски, а тем более результаты этих поисков не могли не соотноситься с реальным положением дел в сфере народного образования (обучения) в России. Поэтому попытаемся в начале показать социальные и социально-образовательные предпосылки и условия для образовательной политики Екатерины II.

Рассуждая на тему о народном образовании, надобно иметь в виду две ее составных части. Во-первых, следует попытаться представить, что конкретно представляла из себя структура образования в России на начало 60 гг. XVIII века. Во-вторых, рассмотреть предпосылки для развития и совершенствования этой структуры.

Екатерине II и ее советникам пришлось иметь дело с довольно развитой системой «ведомственных» учебных заведений по узко-профессиональной подготовке. Наиболее развитой была церковная система обучения и воспитания, состоявшая на начало 60 г. из 26 семинарий с шестью тысячами учащихся. Кроме того, существовали два высших «богословских», точнее – церковных, учебных заведения – более «ветхая» Киево-Могилянская академия и Славяно-Греко-Латинская академия в Москве. Контингент этих «духовных» Академий – несколько сот человек. Другая группа – дворянско-сословные «кадетские» учебные заведения. Существовали также особые солдатские школы. Иначе их называли «гарнизонные» школы (по месту функционирования).

В 1721 г. Военная коллегия приняла решение открыть при 49 существовавших тогда гарнизонных полках школы для солдатских сыновей в воз-

расте от 7 до 15 лет, рассчитанные первоначально на 50 человек каждая... Число учащихся в них неуклонно росло, особенно после указа 1735 года, предписывавшего принимать «солдатских сынов» в любом количестве, хотя бы и сверх комплекта. Поэтому, если в 1732 г. число учащихся в гарнизонных школах доходило до 4 тысяч, то к началу 1773 г. их насчитывалось уже 10313 человек.

Также действовали особняком несколько медицинских училищ в Москве, Петербурге. Существовало немалое число ведомственных школ – при Адмиралтействе, Дворцовой Конюшенной канцелярии, при «заводах» горных и верфях морских. Особое место занимали «гимназии» при Петербургской Академии Наук, а позднее при открытом в 1755 году Московском университете. Если в Санкт-Петербурге «Академическая» гимназия была «всесословной», и дворянские отпрыски шли в нее неохотно, то в Москве, при университете, действовали сразу две гимназии – одна для детей разных чинов, другая – для дворян. Здесь следует сразу и категорично подчеркнуть, что дворянство очень неохотно садилось на соседние парты с «детьми низких» сословий. Где только возможно они создавали сословные учебные учреждения, отгораживаясь от разночинцев...

Но потребности государства в образованных людях превышала возможности дворянского сословия. Как установил М.М. Штранге, общее число недворян, обучавшихся в учебных заведениях разного профиля, во много раз превышало контингент учащихся дворянских сословных «корпусов», «гимназий» и др.), причем исследователь подчеркивает, что «...темпы производства грамотных недворян последовательно нарастают с 1760-х годов».

Кроме государственной «системы» подготовки грамотных людей существовали частные школы, частные учителя-одиночки. Здесь следует говорить и о дворянских гувернерах, вошедших в моду именно после середины XVIII века. В селах крестьянских детей «приватным образом» учил клир.

Конечно, этот вопрос можно рассматривать подробнее. Но для разбираемых нами проблем в данной статье важно указать, что в итоге усилий государственных институтов и частных лиц были созданы определенные предпосылки перехода от выборочного, частичного образования к образованию массовому (осмелимся сказать – всеобщему). Здесь и Петербургская Академия, и Московский университет с его гимназиями... Но не только... Об общем подъеме образовательного уровня населения к началу екатерининского времени свидетельствует «заведение» в ряде губернских городов публичных библиотек....

В 1768 г. по инициативе графа А.С. Строганова создается «подписная публичная библиотека». Развивается книгопечатание. Вторая половина XVIII века отличается от первых пятидесяти лет столетия по многим факторам, в том числе, по количеству изданий. На этот период приходится 87% вышедших за весь век книг. В свое время В.В. Сиповский проследил годовую динамику издания книг в России на протяжении всего XVIII века. Последующие исследователи несколько скорректировали цифровые данные В.В. Сиповского, но в целом отметили ту же тенденцию.

Например, А.Г. Болебрух пишет, что если с 1725 г. по 1740 г. было напечатано 240 книг по данным «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725-1800 гг.», а в 1763 г. – 121, то уже в 1786 г. – 276, а в 1788 – 457. Рост книгопечатания особенно быстрыми темпами начался после опубликования 15 января 1783 г. «Указа о вольных типографиях».

Если с 1761 г. по 1781 г., по данным Н.В. Здобнова, открылось только две частные типографии – Гартунга и Вейтбрехта, то после указа частные типографии возникают не только в провинциальных городах, но даже и в селах. О росте количества книжной продукции косвенно свидетельствует и сопоставление каталогов книгопродавцов. Например, у известного столичного книготорговца Миллера К.В. в 1778 г. было 532, а в 1788 г. уже фигурирует 967 номеров. Тираж книг колебался, по оценке исследователей, в среднем от 600 экземпляров до 1800. Если эти данные принять за исходные, то получается, что в 1788 г. было издано более полумиллиона экземпляров книг.

Потребителем книги становится, таким образом, в сравнительном масштабе большое количество людей. Следовательно, налицо тяга к знаниям... не всеобщая, но все-таки достаточно «массовидная». Складывается читательский рынок – причем не только среди привилегированных (а значит имевших досуг) сословий, но и среди «подлых» трудовых людей города и деревни. Появились издатели, которые ориентировались на образованного читателя (М.Д. Чулков, изд-во Решетникова, Богдановича и др.). Отмечалось наблюдателями, что «полуобразованный русский с необыкновенною охотою берётся за всякое чтение; особенно любит он отечественную историю».

О повышенном интересе к книге в провинции говорит и тот факт, что в 1778 году Тульский приказ общественного призрения принял в дар от священника Гавриила 400 книг с условием, чтобы каждый желающий мог пользоваться ими. В 1786 году то же самое сделал нижегородский чиновник Х.Х. Граве. Он передал народному училищу более 100 книг. Н.М. Карамзин отмечал, что «...едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возросло, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель».

К концу XVIII века стремление к самообразованию путем чтения книг и серьезный интерес к литературным произведениям вырос еще больше во всех слоях русского общества. На это обратили внимание многие исследователи. В монографии М.М. Штранге о демократической интеллигенции России XVIII века читаем: «...круг людей, читавших произведения или переводы... не замыкался только купеческой средой, хотя... и она была достаточно многочисленной и активной».

М.Н. Сперанский, много занимавшийся изучением «среднего» и «низового» читателя XVIII века, пишет, что различные книги «читались и списывались мелкопоместным дворянством в столицах и в провинциях, мелким служилым людом, мещанством и купечеством, низшим духовенством и грамотным крестьянством». Высшие же круги общества, по его мнению, почти

не участвовали в этой деятельности. Кроме рядового дворянства и складывавшейся русской буржуазии, имелась еще другая читательская среда. На ее существование указывают многие современники.

Она состояла из «мелкотравчатых»...грамотных людей с ограниченным образованием, полученным не столько в школах, сколько путем непосредственного чтения...месяцесловов и других общеобразовательных книг, а затем и более серьезных сочинений».

О зрелости книжного рынка и наличии широкого спроса на книжные, журнальные и т.п. издания, свидетельствует успех издательской деятельности Н.И. Новикова, университетских и масонских его соиздателей. Но это особая и весьма трудоемкая тема, к тому же – достаточно хорошо изученная нашими предшественниками.

РУССКАЯ РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ростовцев Н.А.,
НХУ, г. Нижний Новгород

В 1906 году Н.К. Рерих вступил в должность директора Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств (ИОПХ). В качестве преподавателей в школу были приглашены крупные специалисты: знаменитый гравер В.В. Матэ, архитекторы А.В. Щусев и В.А. Щуко, скульптор И. Андреолетти, художественный критик С.К. Маковский, иллюстратор А.Афанасьев, график И.Я. Билибин, прекрасный медальер и анималист Г. Малышев, археолог Н.Е. Макаренко, палехский иконописец Тюлин, товарищи Рериха по мастерской Куинджи – А.А. Рылов, Н.П. Химона, К.К. Врублевский.

Рерих добился расширения территории школы. Ежегодно с его планами увеличивалось число классов и художественно-промышленных мастерских. Н.К. Рерих основал новые классы: модельерный, женский этюдный, художественной вышивки, графического искусства, анималистики, съемки с природы и др., ввел курсы анатомии, педагогики, истории древнего искусства, был усилен курс истории искусства. Были созданы художественно-промышленные мастерские, рукодельная и ткацкая (1908), иконописная (1909), керамики и живописи по фарфору (1910), чеканки (1913), архитектурная (1915) и др. Для специальных мастерских находили новые помещения в Демидовском переулке (ныне пер. Гривцова).

Помимо директорства Н.К. Рерих вел класс композиции. Он задавал определенную тему – исторического или бытового характера, заранее обуславливая формат и размеры картины, и уходил. Иногда композиция должна была быть решена в квадрате, иногда в круге, овале, треугольнике или даже в шестиугольнике. Учил Рерих и владению различными техниками – масляной живописью, акварелью, пастелью, сангине или углем.

Также Н.К. Рерих устраивал для учеников экскурсии в старинные русские города, где проводил специальные занятия по древнерусской архитекту-

ре и монументальной живописи. Рерих вывел школу на новый уровень образования. Наиболее способные ученики вовлекались в педагогический процесс.

По инициативе Рериха стали выпускаться сборники, в которых воспроизводились изделия мастерских школы. При Н.К. Рерихе за 4 года было выпущено 6 сборников. Вскоре, благодаря его содействию, появилась хорошо иллюстрированная книга Н.Е. Макаренко «Очерк истории Школы Всероссийского общества поощрения художеств» (1839-1914), «Русская геральдика» и «Ежегодник школы».

Рисовальная школа при ИОПХ стала крупнейшей художественной школой России, и уровень ее образования имел значение всероссийское. Рерих стремился усовершенствовать организацию учебного процесса, повышать качество образования. В ней при Рерихе учились дети ремесленников, крестьян, чиновников, матросов.

Две с половиной тысячи учащихся. Восемьдесят преподавателей. Два дома – на Морской и в Демидовском переулке. Четыре загородных отделения. Превосходный музей, собранный Григоровичем. Выставки. Высокие покровители, именитые чины, и за всем этим нужда, пресекавшая все лучшие чаяния. Но, несмотря на все стеснения, школа процветала.

При Рисовальной школе Рерих открыл воскресные классы, для поступления в которые не требовалась спецподготовка в науках и рисовании. Это была «вольноприходящая школа».

В декабре 1916 года Н.К. из-за болезни заведующим стал Н.П. Химона, а Рерих директором-попечителем. Летом 1917 года Н.К. Рерих отказался от директорского поста.

Во второй половине 1917 года у Рериха возникла идея организовать на базе школы свободную художественную Академию с «подготовительными классами», пригородными отделениями и воскресными классами, в которой бы учитывался опыт демократической общности народного просвещения в организации художественных учебных заведений, где каждый желающий мог бы учиться в любой отрасли искусства и совершенствоваться по свободному выбору.

Не было требования о пребывании в каждом классе определенного времени, а, кроме того, даже окончившие Школу (как бывает во французских свободных мастерских) могли опять записываться и набивать руку в любой избранной отрасли. Особенно ценно было, что наряду с живописью, скульптурой и архитектурными сочинениями каждый мог работать и в прикладных мастерских, которых уже и тогда было очень много. На фабриках, куда многие поступали после окончания мастерских, очень ценились ученики школы.

ШКОЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА

Квасова М.Г, Шобонов Н.А.,
ГХИ ННГАСУ

В силу отражения в сельском социокультурном воспитательном пространстве всей совокупности ценностей российской культуры, а также традиций народной педагогики можно говорить о существовании богатого социально-педагогического потенциала сельской школы.

Социально-педагогический потенциал сельской школы можно определить как средства, источники, имеющиеся в наличии сельской школы как социального института, которые могут быть ею использованы для возрождения традиционных, соответствующих культурной, хозяйственной специфике села методов воспитания и обучения подрастающих поколений с учетом потребностей и перспектив развития современного российского общества.

Осознание сущности педагогического потенциала сельского социума, особенностей сельского социокультурного воспитательного пространства может стать основой развития сельской школы как института, способного содействовать сохранению хозяйственно-культурного своеобразия русского села в целом.

Изучение педагогического потенциала школы, погруженной в открытое социокультурное пространство села, целесообразно с опорой на методологию *средового подхода* (Х.И.Лийметс, Л.И.Новикова). Средовой подход подразумевает необходимость изучения воспитательной среды с целью использования ее потенциала, формирования технологии развития типа личности через среду, превращаемую действиями субъекта управления в средство воспитания.

Воспитательный потенциал современной сельской среды формируется под воздействием трех основных факторов бытия сельского социума: 1) сельской культуры, которая объединяет в себе черты современной информационной цивилизации и элементы этнической культуры, транслируемые посредством методов и традиций народной педагогики; 2) форм социального взаимодействия, межличностной коммуникации, принятых в конкретном сельском обществе; 3) сложившихся форм взаимодействия человека и природного окружения, определяющих собой основной тип хозяйственной деятельности. Эти факторы: *природа, социум, культура* – интерпретируются в рамках средового подхода как важнейшие *средовые ниши*.

Ниша – более или менее однородная часть среды, представляющая собой пространство возможностей. Слабо изменяющиеся под воздействием смены исторических эпох, средовые ниши значительно воздействуют на проявления личностных особенностей детей, позволяя говорить о формирующемся под их влиянием *социокультурном типе личности*.

С точки зрения современного средового подхода, среда в функциональном значении определяется через систему значений так называемого

«семантического гнезда»: как средство воспитания она опосредует развитие субъекта и осредняет его личность. Классик американской психологии У.Джеймс полагал, что личность – это в совокупности все то, что человек может назвать своим, отождествить с собой. Мы считаем такой взгляд правомерным, позволяющим в личности видеть субъект обладания ценностями среды, в контексте данного исследования – российской сельской среды. В процессе присвоения ценностей среды и происходит осреднение, типизация личности, благодаря качеству *трофики среды*, порождающей и предоставляющей возможности, которыми личность может обладать, и тем самым являющейся «морфологией возможностей». В данной статье мы ограничимся методологической постановкой проблемы типологии личности ребенка и определением типа личности как общей для обитателей среды структуры обладания ценностями (природными, социальными, культурными).

Вариативность типов среды, задаваемой спецификой трофики среды, средовых ниш, не позволяет говорить о едином социокультурном типе личности, соответствующем особенностям среды российского села как такового. Своеобразие этнического, хозяйственного, социального контекста в различных сельских районах России является основанием для *вариативности моделей сельского образования*, задача которого – воспитание личности, интегрирующей в себе на индивидуальном уровне трофику, знаково-символические особенности среды.

Поскольку образование непосредственно выполняет функцию трансляции социокультурных ценностей, характер образования в сельской школе обусловлен, прежде всего, спецификой культурной средовой ниши. Школа на селе в большей степени, чем городская, может содействовать сохранению основ национальной культуры в российском обществе. Способствуют этому сохранившиеся в воспитательном пространстве российского села знания *народной педагогики*. Преемственность поколений обеспечивается в области народной педагогики *воспитанием*. На социетарном уровне воспитательного процесса транслируется культура от поколения к поколению. Именно воспитание в структуре педагогики выполняет такие аксиологические функции как: трансляция культуры; сохранение своеобразия национальных традиций в условиях глобализации; обеспечение стабильности общественной жизни путем передачи моральных норм, нравственных ценностей; социализация человека, его адаптация к постоянно изменяющейся социальной ситуации.

Смысл народного воспитания – осознание человеком принадлежности к своим корням и традициям. Воспитательное пространство представляет собой пространство культуры, основанное как на традициях, так и на новаторстве, тем не менее, именно многообразие традиционной составляющей этого пространства есть та прочная основа, на которую опирается национальная культура. Следовательно, сохранение традиций народной педагогики является условием сохранения национальной духовной культуры, накопленной всем многовековым развитием цивилизации, усилиями многих поколений. Сельская крестьянская культура, богатая традициями, в том числе и тради-

циями народной педагогики, транслируется в рамках воспитательной системы сельской школы.

Тем не менее, абсолютизировать значение сельской школы как института, сохраняющего народные традиции и мировосприятие, не целесообразно. Существует непосредственная зависимость изменений содержания образования и его результатов от характера социальной реальности. Сельская школа является динамичной образовательной структурой сельской социальной среды, вынужденной изменяться в соответствии с изменениями социальных и экономических основ общественной жизни. Деятельность сельской школы как открытой, целостной, динамичной системы не только определяется воздействием социокультурного пространства села, но меняется под влиянием развития общего социокультурного контекста. В педагогике среды временные социокультурные силы, которые охватывают и увлекают, обращают и изменяют, программируют поведение захваченных ими индивидов – *средовые стихии*.

Современная система образования на селе, находящаяся как под действием средовых ниш, так и средовых стихий, в соответствии с духом времени имеет возможность представлять собой синтез своих традиционных характеристик и новых культурных ценностей, соответствовать актуальнейшим требованиям современного российского общества, сохранять культурно-исторические традиции при относительно высокой степени включенности в пространство информационного общества начала XXI столетия.

В философии есть восходящее к Гегелю понятие «снятие». Это преобразование, в котором наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем сохраняют, удерживают свое значение как подчиненные моменты новой целостности или системы. Гегель подчеркивал, что снятие характеризует возникновение нового единства, достижение более высокой ступени развития.

Необходимо, таким образом, не противопоставление современного состояния культуры и общества традиционному в контексте сельского воспитательного пространства, не тотальное отрицание первым второго, а организация *цивилизационного диалога* между ними, достижение нового качества самосознания носителя традиционной культуры, при котором оба типа сознания интегрируются в органическое новое целое, сохранившись в нем в снятом виде. Система образования в сельской среде может способствовать этой интеграции.

В новых культурно-исторических условиях меняется и характер транслируемого сельской школой типа социальности. Ведущей особенностью современности является информационно-коммуникативный характер социальности, нашедший отражение в теориях постиндустриального общества и коммуникации (Д. Белл, З. Бжезинский, Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт и др.). Его проявление наблюдается в «индустрии знаний», активизации процессов «демассификации» сознания (Э. Тоффлер), самопрезентации и самореализации личности, динамичном развитии информационных технологий, коммуникационных сетей и инновационной культуры. В постиндустриальном обществе

меняется характер социальных связей, реализация интересов социального субъекта (свободного от иерархии), достижение им цели всецело зависит от степени его информированности и успешности построенной коммуникации.

Село в условиях постиндустриального общества, «третьей волны» (Э. Тоффлер), с одной стороны, испытывает на себе эффекты глобальной универсализации жизни, а с другой стороны, пытается сохранить собственный культурный стандарт: близость к природе, ценность крестьянского труда, этику межличностного общения. В такой же сложной ситуации оказалась и сельская школа. Оставаясь в числе общеобразовательных школ, созданных по массовому стандарту индустриального общества (классно-урочная система Я.А. Коменского), она вынуждена искать образовательные практики, способствующие положительному самоопределению выпускников по отношению к различным видам социальной деятельности в условиях села. Учет сельской воспитательной системой потребности информационного общества в личности, способной к функциональной оценке и практическому применению своих знаний и умений, обладающей инициативностью и владеющей коммуникативными навыками, даст возможность сельской школе сформировать слой жителей села, готовых к деятельности по его возрождению в новой социальной реальности, но с учетом традиционной культурной специфики образа жизни и быта в сельской местности.

Взаимодействие традиции и инновации в сельской школе проявляет себя сегодня в модификации содержания важнейшей составляющей народной педагогики, востребованной в рамках современной культуры – в *системе трудового воспитания*. Труд, как и любая составляющая культуры, подлежит действию гегелевского закона «снятия». Изменение принципов трудового воспитания в сельской педагогике отражает процесс изменения самого феномена сельскохозяйственного труда. Современный сельскохозяйственный труд, с одной стороны, неизбежно требует приложения физических усилий, использования традиционных знаний о способах ведения сельского хозяйства, но, с другой стороны, благодаря появлению сложной современной техники и новых сельскохозяйственных технологий, он должен отличаться «научоёмкостью», «интеллектоёмкостью» и «образовательностью».

Обучение труду в сельской школе должно быть непосредственно сориентировано на современные потребности села, сельских видов хозяйственной деятельности, являясь тем самым фактором социокультурной динамики, механизмом согласования системы культуры и системы социальных отношений.

В культуре российского села трудовое обучение и воспитание способствуют передаче целого комплекса знаний, умений и навыков, сопряжены с основным типом хозяйственной деятельности, распространенной в районе. Тип хозяйствования есть неотъемлемая составляющая культуры. В данном контексте сохранение сельского общества как носителя знаний традиционной культуры особенно актуально, является необходимым для сохранения основных черт самосознания народа. Специфика, уникальность мировосприятия того или иного народа всегда определяется *спецификой его деятельности по*

освоению среды. Хозяйственная деятельность определяет этнический характер культуры. Любой этнос существует как общность людей, имеющая единые хозяйственно-культурные особенности.

Соответственно тип хозяйствования сам по себе обладает огромным культурообразующим потенциалом. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во всех составляющих культурного ядра, что означает перестройку системы культурных связей, означает изменение почти всех механизмов, формирующих и «воспроизводящих» народ. Но условия и образ жизни наций (как многоэтнических гражданских сообществ) и этносов (этнических групп) постоянно, особенно в XX веке, развивались и модернизировались. Поэтому городское население, если его сравнивать с сельским, уже не так привязано к традиционным хозяйственным комплексам, в том числе – этнически обусловленным. Следовательно, сохранение села и его культуры – сохранение этнической самоидентификации российских народов.

В данном контексте, сельская школа, сохраняющая традиции трудового воспитания, соответствующие потребностям определенного хозяйственно-культурного типа, выступает хранительницей основ этнического своеобразия народов России.

Сельская школа, задача которой – воспитание подрастающего поколения сельского общества, выступает институтом, на который ложатся сегодня функции обучения школьников оптимальным, прогрессивным методам ведения сельского хозяйства. Эти методы должны удовлетворять двум основным требованиям, необходимым для развития современной российской цивилизации: 1) требованию соответствия методов хозяйствования принципам *экологического природопользования*; 2) требованию *экономической эффективности* ведения сельского хозяйства в российских условиях.

Сельская школа, обладающая значительным потенциалом в воспитании грамотного «хозяина земли», обладает возможностью воспитать его в духе принципов народного природопользования, необходимого для решения ряда современных экологических проблем. Возвращение к ценностям традиционного хозяйствования, принципам взаимодействия общества и природной среды, может осуществляться сегодня на новой мировоззренческой основе, которая определяется как *неотрадиционализм*. Неотрадиционализм можно рассматривать не в узкоэкономическом, а в социокультурном смысле, как возвращение на новом уровне к ценностям традиционной хозяйственной культуры.

Представляется целесообразным ориентировать современную сельскую школу на подготовку выпускников, представляющих особенности оптимального для российских условий типа хозяйственной деятельности. Научаемость современного сельскохозяйственного труда предполагает не только знание субъектом хозяйственной деятельности современной агротехники, но и понимание цивилизационных основ эффективного землепользования.

Задачи, которые традиционно призвана решать сельская школа в России: сохранение этнокультурного своеобразия народов, трансляция знаний и умений в области природопользования и культурно-хозяйственной деятель-

ности, обеспечение бытия российского села как уникальной социальной структуры и т.п. – определяют сложность социокультурного феномена сельской школы в России, аналогов которому в мире не существует. На основании этого можно говорить о сельской школе в России, существующей в определенном культурно-историческом измерении, как об уникальной этносоциальной практике.

ЗНАЧЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ ПОЖАРНОМУ ДЕЛУ В РОССИИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Продан И.А., г.Нижний Новгород

Русские летописи изобилуют описаниями «зла, равносильного мечу и нашествию иноплеменников». Александр Павлович Чехов, старший брат великого писателя, в одно время редактировал журнал «Пожарный». Он же автор «Исторического очерка пожарного дела в России» (С.-Петербург, 1892 г.). «Древнюю деревянную Русь, – говорится в нем, – беспощадно выжигали стихии в виде грома и молнии, жгли инородческие враждебные племена, жгли сами князья в междоусобных войнах, затем палили татары и проч.»

С XII по XIX век Москва выгорала частично или полностью около 60 раз. По этому поводу историк В. О. Ключевский писал: «...пожары были, так сказать, привычным ежедневным явлением, к которому относились довольно равнодушно; если пожар истреблял сотню или две сотни домов, о нем и не говорили много; только тот пожар считался в Москве большим и оставлял о себе память, который истреблял, по крайней мере, 7-8 тысяч домов».

Самый страшный пожар в Москве был в сентябре 1812 года, когда в город вторглись войска Наполеона. Длился он трое суток и уничтожил три четверти города. По размерам, это бедствие не имело себе равных в истории.

Опустошительные пожары происходили во Владимире, Суздале, Киеве, Минске, Новгороде, Пскове, Твери, Костроме и других древних городах России. Некоторые из них несколько раз выгорали полностью.

Началом своеобразной организованной борьбы с пожарами были первые государственные противопожарные указы, появившиеся в XV веке в царствование Василия Темного. В них шла речь о том, как обращаться с огнем и при каких условиях им пользоваться: не топить летом изб и бань без крайней надобности, не держать по вечерам в доме огня и т. д. Нарушение указов жестоко наказывалось, вплоть до смертной казни.

Определенный шаг вперед пожарное дело получило при Петре I. Он запретил строить в Петербурге деревянные дома. Всем жителям города было предписано чистить печные трубы в своих домах один раз в месяц. За топкой печей следили «объезжие головы».

По приказу Петра I были изданы и разосланы по всей стране планы и рисунки огнестойких крестьянских изб и дворов. Он же написал и издал указ об устройстве печей, уменьшил в Москве количество часовен, так как они были деревянными, и от свечей возникало много пожаров.

Меры, проводимые Петром I, несколько улучшили пожарное дело, способствовали в известной мере значительному сокращению числа пожаров в Петербурге и Москве. Был наведен некоторый порядок в организации тушения пожаров.

Первые пожарные команды появились в Москве и Петербурге в 1804 году. Комплектовались они из отставных солдат, не способных воевать на фронте. Однако примитивная техника, отсутствие эффективных средств тушения не позволяли в ряде случаев успешно бороться с огнем. Выезжали пожарные на лошадях, воду возили в бочках, и огонь тушили с помощью ручных насосов.

Тем не менее, героизм и мужество пожарных не знали границ. Рискуя собственной жизнью, пренебрегая опасностью, они боролись с огнем, спасали людей, попавших в беду.

Немалый ущерб государству и населению приносят пожары. Сложным, но ярким был путь от первого пожарного обоза до современной Государственной противопожарной службы. Овеян он вихрем гражданской войны, лихолетьем Отечественной, трудностями послевоенного строительства и перехода к рыночной экономике. Менялись времена, менялись люди. Только пожарная охрана, как в прошлом, так и сегодня по первому зову готова прийти на помощь людям.

Ведь недаром в свое время знаменитый русский писатель Владимир Гиляровский подметил: «Каждый пожарный – герой, всю жизнь он на войне, каждую минуту рискует головой». И это не простые слова. Только лишь с начала 80-х годов более 100 наших пожарных за мужество и героизм при тушении пожаров и спасение людей были награждены орденами и медалями. Иные погибли на боевом рубеже при исполнении служебного долга.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Ревягина Т.А., ГХИ ННГАСУ

В настоящее время общепризнанной является точка зрения, что любая национальная культура – это, прежде всего, культура рода, семьи, в которой вырос ребенок. Поэтому, как считают Л.Г.Богославец, О.И. Давыдова, А.А.Майер, его не нужно «приобщать» к ней, он уже находится внутри этой культуры. С молоком матери ребенок впитывает в себя мировоззрение и мировидение той этнической и социокультурной среды, в которой он родился. При этом, считают авторы, совершенно не имеет значения, пела ему мама или бабушка традиционные народные песенки или она ласково «мурлыкала» ему современный песенный репертуар. Но если мама никогда не пела ребенку колыбельной песни, то задача педагога – убедить ее в необходимости этого исполнения. Г.Н. Волков приводит данные о том, что родной язык является предпосылкой к идентификации личности; уже в утробе матери – под влиянием ее колыбельных напевов – у ребенка формируется процесс само-

познания. Родной язык несет в себе генетическую программу тысячелетней этнической культуры народов. Игнорирование языка разрушает эту программу, приводит к параличу интеллекта, человеческой и этнической неполноценности.

В связи с этим Г.В. Давлекамова вводит понятие «этнопедагогическая среда» – часть педагогической среды, которая окружает личность, позитивно или негативно влияя на ее развитие представляющая собой совокупность всех условий жизни с учетом этнических особенностей места проживания, выражающихся в поведении людей, народных традициях, обрядах и т.д.

Этнопедагогическая среда (ЭПС) России, по справедливому замечанию автора, является полиэтнической педагогической средой. Но отношения этносов, проживающих рядом или вместе друг с другом, имеют свою специфику: наряду с культивацией доброго соседства эти народы имеют историю взаимной предвзятости. В наше время эта проблема приобретает особую актуальность.

Г.В. Давлекамова считает, что целенаправленное использование особенностей полиэтнической среды в работе с родителями поможет обеспечить ребенку адекватное восприятие своей национальности и сформировать у него позитивное отношение к представителям других национальностей, развить межкультурную компетентность.

Из определения этнопедагогической среды исследователь выводит ее функции, затрагивающие формирование:

- 1) личности человека как носителя своей национальной культуры;
- 2) человека как субъекта и носителя межнациональной культуры, способного усваивать традиционную культуру, язык других наций.

При организации педагогического процесса в образовательном учреждении необходимо учитывать все компоненты этнопедагогической среды):

- личность и общество: религия, этнос, родной язык, средства массовой информации, средства народной педагогики, методы народной педагогики;
- личность и семья: родители; семейные обычаи; обычаи; традиции; сказки, детский фольклор; пример, совет, укор;
- личность и общество сверстников: инициация, взаимоотношения со сверстниками, правила поведения детей;
- личность и значимые взрослые: наставник; воспитатель; семья, воспитатель.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ – ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Вербовская Е.В., ГХИ ННГАСУ

В культурном процессе особое значение приобретают преемственность в развитии, накопление и сохранение существующих традиций. Преемственность в развитии культуры является одним из важнейших законов ее функ-

ционирования. Нормальное развитие культуры предполагает процессы ее сохранения и трансляции от старших поколений к младшим. При этом, как отмечают специалисты, процесс трансляции культуры предполагает не только формирование у человека знаний, умений и навыков жизнедеятельности в традиционных образах и нормах культуры (другими словами формирование репродуктивных сторон личности), но и обязательное формирование у личности творческого начала, которое обеспечивает продуктивные стороны его жизнедеятельности.

Таким образом, процесс развития культуры неотделим от процесса формирования личности как творческого субъекта, умеющего в процессе овладения нормами культуры развивать и сам культурный процесс, создаваемые предметы, и самого себя как творца и созидателя. Преемственность как закономерность развития нашла отражение в психолого-педагогической литературе, в специальных исследованиях. Весьма ценным представляется определение преемственности, которое дает Э.А. Баллер: «Преемственность – это связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, т. е. при переходе его из одного состояния в другое».

Мы согласны с утверждением Э.А. Баллера о том, что без анализа преемственности нельзя понять диалектику развития, взаимосвязь между отрицаемым и отрицающим, между старым и новым, так как «каждое явление есть единство тождества и различия». Если каждый процесс, отличаясь от других, вместе с тем имеет и нечто общее с другими процессами, то следует вывод, что именно наличие этого общего обуславливает преемственность и, как частное ее проявление, – повторяемость в процессе развития данного явления.

Эти философские утверждения позволили нам сделать вывод о необходимости подхода к осуществлению преемственности в воспитании и развитии детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста как к целостному процессу перспективного формирования личности ребенка, подчеркнуть необходимость выявления позитивных сторон воспитательной работы с детьми, поиска тех средств, которые способствовали бы качественно-му совершенствованию процесса воспитания и развития в дошкольном образовательном учреждении и начальной школе.

В связи с этим понятие «преемственность» может рассматриваться в различных контекстах: в социальном плане это развитие тех или иных явлений, процессов, состояний в сфере материальной, общественной, духовной жизни; в методологическом значении – изучение процессов, явлений, состояний, когда принцип преемственности адекватен природе их последовательного развертывания; в педагогической сфере преемственность любого явления или процесса. При этом функционирование преемственности универсально, она является общепедагогическим законом. Термин «преемственность» охватывает весьма широкий социальный диапазон. Преемственность присуща любому рационально организуемому процессу социальной практи-

ки, ибо она предлагает, как отмечает Л.И. Божович «...тот необходимый элемент связи прошлого, настоящего и будущего в процессе выработки организованных форм, который позволяет диалектически сочетать старое с новым, осуществлять замену одной формы другой, более совершенной, находить новые формы и создавать предпосылки для их успешного развития».

История развития педагогической мысли накопила большой концептуальный материал, имеющий важное значение для целостного осмысления проблемы преемственности, дальнейшей разработки ее научных основ и путей практической реализации. Остановимся на некоторых позициях представителей гуманистической педагогики.

Выдающийся деятель эпохи Возрождения, педагог-гуманист Эразм Роттердамский подчеркивал, что воспитание, полученное в детские годы, определяет дальнейшую жизнь человека; он считал необходимым строить воспитание ребенка в соответствии с его возрастом, а возрасту должны соответствовать содержание и методы воспитания. Он утверждал, что «к воспитанию ребенка надо приступать с раннего детства, когда ребенок еще свободен от повседневных забот, а его дух чувствителен ко всему», и определил основой и главным условием человеческого счастья «правильное наставление и постоянное воспитание».

Великий чешский педагог Я.А. Коменский показал, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: «в понимании вещей, в физических трудах и ловкости, в искусстве речи», обращая внимание на необходимость преемственной связи образовательных звеньев. По мнению Е.Н. Водовозовой, идеалом воспитания является человек, у которого хорошее здоровье, твердая воля, сильный и великодушный характер, человек, который развит умственно и нравственно. Умственное и нравственное воспитание она рассматривала в тесной взаимосвязи и считала необходимым осуществление его с раннего возраста. От природы ребенку свойственно стремление к деятельности и его надо удовлетворять, поддерживать, создавать условия для детской деятельности; первым условием умственного и нравственного воспитания ребенка до школы являются занятия, которые должны обязательно соответствовать возможностям детей, вытекать из «потребностей детской природы», развивать «ум и сердце» формирующейся личности.

Важно особое внимание обратить на воспитание чувств ребенка, пробуждение в его душе сострадания, сочувствия, интереса и любви к ближним. Эти чувства служат основой нравственности. Первая заповедь воспитателя: научить ребенка любить. Е.Н. Водовозова считала, что «воспитание можно назвать разумным только тогда, когда оно направлено сообразно с природою человека, т. е. когда физические, моральные и интеллектуальные силы ребенка развиваются равномерно».

Один из самых значимых моментов в жизни ребенка является переход из одного возрастного этапа в другой, а именно переход из детского сада в школу. Огромное количество ученых изучали, и будут изучать, исследовать данный возрастной этап развития ребенка.

Под **психологической готовностью** к школьному обучению понимается необходимый и достаточный уровень психологического развития ребенка для освоения школьной программы в условиях обучения в коллективе сверстников. Говоря о готовности ребенка к школе, важно учитывать преемственность в развитии ребенка в разных системах и в системе «семья – школа», и в системе «детский сад – школа»:

- по линии созревания мотива к изменению социальной роли («хочу быть школьником»);
- по линии развития коммуникативных умений (способность контактировать с учителем, сверстниками);
- по линии развития психических процессов: познавательных, эмоциональных, волевых;
- по линии адаптации к новой среде (школа, класс, парта).

Таким образом, преемственность – это облегчение адаптации к новым условиям, в которых ребенку предстоит продолжать свое образование и развитие. Н. Ф. Виноградова считает, что преемственность детского сада и школы обогащается новыми содержательными компонентами:

- *эмоциональный компонент* – учет эмоциональной специфической сферы личности ребенка, обеспечение эмоциональной комфортности (как дошкольника, так и школьника) в процессе обучения, приоритет положительных эмоций;

- *деятельный компонент* – обеспечение связей ведущих деятельностей смежных периодов, опора на актуальные для данного периода виды деятельности, создание условий для формирования предпосылок ведущей деятельности следующего возрастного периода;

- *содержательный компонент* – правильное соотношение между знаниями об окружающем мире, о самом себе, о процессе познания, установление перспектив в содержании обучения от дошкольного детства к начальной школе;

- *коммуникативный компонент* – учет особенностей общения детей старшего дошкольного возраста и младшего школьного возраста, обеспечение непосредственного и контактного общения;

- *педоцентрический компонент* – постановка воспитательно-образовательного процесса ребенка, прослеживание связей между ним и окружающим миром (ребенок и предметный мир, ребенок и природа, ребенок и другие люди и т. д.), индивидуальный характер его обучения и воспитания.

Среди условий, обеспечивающих эффективное решение проблемы сохранения и укрепления здоровья детей, исключительное значение имеет возрастной подход к организации школьной жизни ребенка. Суть этого подхода заключается в том, чтобы реально учитывать закономерности психического развития детей, прежде всего сензитивность разных возрастных периодов к становлению тех или иных психологических функций и новообразований, а также роль ведущих типов деятельности в их формировании у школьников. Психологическая готовность к школе – это итог всестороннего развития

личности ребенка 6-7-летнего возраста. Гарантом формирования полноценной психологической готовности ребенка к систематическому обучению в школе служит насыщение дошкольного образования творчески развивающими и обязательно многообразными формами «специфически детской», по выражению А.В. Запорожца, деятельности (игровой, изобразительной, музыкальной, театрализованной, конструктивной, коммуникативной и т.п.).

Неоправданное же увлечение ранним обучением в дошкольном возрасте приводит к тому, что сегодня в школу все чаще стали приходить «недоигравшие дети», умеющие читать, писать, но отстающие в развитии: не умеющие наблюдать, сравнивать, устанавливать простейшие причинно-следственные связи, выполнять творческие задания, с недостаточно развитым воображением, вниманием, произвольностью психических процессов; у таких детей не сформированы волевая регуляция поведения, коммуникационные навыки и др.

С целью лучшей подготовки ребенка к школе можно идти по линии насыщения различных видов деятельности дошкольников практическими, творческими, двигательными задачами. Например, программа «Развитие двигательных-экспрессивных навыков и способностей» – это курс телесно-ориентированных образных игр, заданий, упражнений. В процессе развития двигательных-экспрессивных навыков и способностей взаимодействие между детьми строится на основе двигательной экспрессии, мимики, пантомимы. Любое движение в телесно-ориентированных заданиях выражает образ фантазии, насыщено эмоциональным содержанием, тем самым оно объединяет деятельность психических функций – движение, эмоции, мышление.

«Двигательно-экспрессивное развитие» – телесно-ориентированное направление, где осуществляется снятие эмоционального и телесного напряжения. Занятия проводятся в виде игры, сказки; организованы игровые ситуации, которые направлены на развитие внимания, памяти, умения свободно владеть своим телом, ориентироваться в окружающем пространстве, произвольно регулировать двигательный образ; ребенок познакомится со своим телом; научится владеть: мышцами лица, тела, выражать эмоции, настроение и включает 4 раздела.

Раздел «Активизация сенсомоторных систем». Осознание своего физического «Я» возможно в процессе формирования ощущения своего тела, поэтому важной задачей является оптимизация и закрепление способности ориентироваться в пространстве своего тела. Кинестетический контроль становится более устойчивым лишь к 7 годам, поэтому уже в 5-6 лет необходимо развивать тактильно-кинестетическую основу движения: чувствительность ладоней, «мышечных» ощущений кисти и пальцев, а также оптимизировать кинестетический фактор речи (артикуляцию), что позволит детям на основании этого опыта сначала сформировать осознанное внимание к движению отдельных частей тела (кисти, пальцы, мимика), а затем – к движению тела целиком.

Раздел «Активизация психомоторных систем в условиях экспрессии». Здесь педагог создает условия для развития умений выражать настроение,

эмоциональные состояния и формирования эмоциональной открытости. Детям предлагаются задания, где необходимо использовать мимику, пантомимику, жесты. Одновременно используются игровые персонажи, которые приглашают детей в необычное путешествие и в процессе взаимодействия пользуются звуковыми, тактильными сигналами.

Раздел «Интеграция механизмов психомоторного и социо-эмоционального развития». На этом возрастном этапе (5-6 лет) ребенок учится понимать «язык» чувств, учится уместно и адекватно воплощать его, поэтому на занятиях уделяется огромное внимание развитию эмоционально-эффективной сферы, где дети не только распознают эмоции (радость, удивление, грусть и т.д.), но и учатся понимать желания другого, причины изменения настроения и т.д. С этой целью педагог предлагает детям игры и задания с использованием пиктограмм с разными эмоциональными состояниями (интерес, испуг, радость и т.д.), где дети изображают их, а затем создают ситуации общения (этюды) под руководством педагога.

Раздел «Произвольная саморегуляция движений через осознанную творческую деятельность». В возрасте 5-6 лет у ребенка к чувственному образу тела подстраивается более сложное представление о себе, происходит его самоидентификация, здесь ребенок выходит на уровень формирования произвольной регуляции движений посредством развития телесной идентификации. Дети выполняют образные, творческие задания, где метод подражания (в начале учебного года) сменяется методом осознанного выполнения движений, сопровождаемых четкой, доступной инструкцией. И отсюда можно сделать вывод, что возрастающее взаимодействие тактильно-кинестетического и зрительного каналов, созревание уже многих психологических факторов, участвующих в организации произвольных движений и действий, растущее чувство «Я могу» к 6 годам выводит ребенка на уровень осознанного владения своим телом.

В заключение хотелось бы отметить, что специалисты нашей кафедры (педагогика и психологии ГХИ ННГАСУ) считают, что лучше, если развитие 5-7-летних детей будет проводиться на базе центров поддержки развития ребенка. Поскольку здесь можно обеспечить полноценное всестороннее развитие ребенка, обеспечить родителям своевременную психолого-педагогическую помощь в создании условий для развития их детей, обозначить для родителей и педагогов индивидуальную линию развития каждого ребенка, обеспечить индивидуальный подход к каждому ребенку и его родителям.

Особенностью функционирования культуры является ее самобытность, неповторимость, уникальность. Каждый народ, обладающий собственной культурой, вносит самостоятельный и оригинальный вклад в общую сокровищницу культурных достижений человечества.

Рассматривая особенности взаимодействия культуры, общества и человека на большом фактическом материале, специалисты по происхождению, источникам развития и сущности культуры, считают, что культура создается не только рациональными путями, она не является отождествлением

разумности, но включает в себя всю полноту духовной жизни человека и человечества – чувства и эмоции, интуицию и фантазию, волю и веру, логическую аргументацию и сверхсознание.

УЧЕТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ

Шобонова А.Н., ГХИ ННГАСУ

При организации педагогической работы с детьми необходимо принимать во внимание особенности того региона, где находится образовательное учреждение.

1. Климатические особенности региона

Каждый конкретный регион характеризуется своими специфическими климатическими особенностями: временем начала и окончания тех или иных сезонных явлений (листопад, таяние снега и т.д.) и интенсивностью их протекания; составом флоры и фауны; длительностью светового дня; погодными условиями и т.д., что неизбежно ставит педагога перед необходимостью учитывать эти факторы при составлении перспективно-тематического годового плана.

На занятиях (уроках), посвященных развитию познавательной активности и развитию речи, дети знакомятся с явлениями природы, характерными для местности, в которой проживают; в процессе занятий художественно-творческой деятельностью (рисование, аппликация, лепка, конструирование) детям предлагаются изображения знакомых им зверей, птиц, домашних животных, растений; на двигательных занятиях (уроках) эти образы передаются через движение.

2. Социокультурное окружение

Социокультурные особенности того или иного региона также не могут не сказаться на содержании педагогической работы в образовательном учреждении: ведущие отрасли экономики обуславливают тематику ознакомления детей с трудом взрослых; разный уровень доходов населения и возможностей финансирования системы общественного дошкольного и начального школьного образования вносит свои коррективы в организацию развивающей предметно-пространственной среды; в сельской местности создаются большие возможности для полноценного экологического воспитания детей и т.д.

3. Национальная принадлежность

При организации педагогического процесса в любом образовательном учреждении необходимо учитывать реальные потребности детей различной этнической принадлежности, которые воспитываются в семье с другими национальными и культурными традициями.

Таким образом, в разных регионах следует учитывать специфику педагогической работы по тому или иному направлению целостного педагогического процесса, обусловленную региональными особенностями.

Так, основные аспекты учета региональных особенностей при проектировании содержания педагогического процесса по развитию познавательной активности можно представить следующим образом:

1. При работе по разделу *«Мир природы»* необходимо знакомить детей:
- с природными явлениями с учетом специфики их протекания в данной местности;

- с объектами и явлениями неживой природы, характерными для данной местности (например, с малахитом – на Урале, с каменным углем – в Сибири, с янтарем – в Калининградской области и т.д.);

- с животными и растениями, встречающимися в данной местности (с северным оленем – на Севере, верблюдом – в степных районах, медведем или лосем в центральных районах России, дельфинами – в приморских областях и т.д.).

2. При работе по разделу *«Мир предметов, труд человека»* необходимо знакомить детей:

- с предметами одежды, обуви, труда и быта, характерными для данной местности (ткацкий стан, хохлома, лапти, тюбетейка, унты, нарты и т.д.);

- с профессиями, наиболее распространенными в данной местности (машиностроитель, моряк, шахтер, нефтяник и т.д.);

- с жизнью городских и сельских жителей на основе сравнения различных аспектов жизнедеятельности (разная архитектура, городские и сельские профессии, транспорт; особенности взаимоотношений людей).

3. При работе по разделу *«Деятельность человека в различные сезоны, сезонные праздники»* необходимо знакомить детей:

- с деятельностью человека в тот или иной сезон с учетом реальной климатической обстановки;

- с национальными праздниками (например, Рождество у православных, Сабантуй у мусульман, Пурим у иудеев и т.д.).

4. При работе по разделу *«Человек – социальное существо»* необходимо учитывать специфику семейных и межличностных взаимоотношений в той или иной культуре.

При организации педагогической работы по развитию познавательной активности в дошкольных образовательных учреждениях и начальной школе необходимо использовать произведения местных поэтов, писателей, музыкантов, художников.

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИОБЩЕНИЯ К ДУХОВНЫМ ЦЕННОСТЯМ РУССКОГО НАРОДА

Чистякова М.А., ГХИ ННГАСУ

Формирование нравственной культуры личности – целенаправленный процесс формирования у подрастающего поколения потребности в высоких культурных и духовных ценностях, в их дальнейшем обогащении,

развитие творческих способностей.

Культура как «совокупность позитивных социальных образований» в полной мере реализует в себе духовную и нравственно-эстетическую основу. Формирование эстетической культуры личности осуществляется через «окультуривание» человеческих потребностей. Исследуя духовность как необходимую потребность личности, Н.А. Коваль говорила о том, что сущность духовности заключается в приобщении человека к общечеловеческой духовной культуре и ценностям как ориентирам самореализации. Духовная культура личности – это внутреннее богатство личности, ее жизненного опыта, выражающаяся в способности индивида к усвоению, реализации и созданию новых ценностей в практической деятельности.

Культура в трактовке В.А. Сластенина – это всегда творчество со всеми характеристиками творческого акта, она всегда рассчитана на адресата, на диалог, а «усвоение» ее есть процесс личностного открытия, создания мира культуры в себе, сопереживания и сотворчества, где каждый вновь обретенный элемент культуры не отрицает предыдущий пласт культуры. В этом смысле культура выступает, прежде всего, как исторически концентрированный опыт, который каждый человек превращает в личностный смысл.

В концепции человека, развиваемой русскими философами Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским, П.Ф. Флоренским, человек предстает как эпицентр культуры, ее высшая духовная ценность. Человек обретает свою духовную сущность, становится частью человечества, постигая культуру и творя ее. Из этих положений естественно вытекает вывод о том, что культурная сущность человека является системообразующим компонентом его целостности.

Основу идеального образа человека культуры составляют природные особенности человека (здоровье, способности мыслить, чувствовать, действовать), социальные свойства (быть гражданином, семьянином, тружеником, взаимодействовать с другими людьми), и его свойства как субъекта культуры (свобода, гуманность, духовность, творчество, адаптивность). Основопологающее свойство целостного человека культуры, по мнению М.М. Бахтина, – это его способность к культурной идентификации, т.е. к осознанию своей принадлежности к определенной культуре, интериоризации ее ценностей (принятию их как своих), выбору и осуществлению культуросообразного образа жизни, поведения, самодетерминации в горизонте большого и малого времени культуры.

В педагогике основной функцией дидактической системы является процесс воспитания целостной личности, целью которого является стремление «приобщить молодое поколение к культуре общества и развить личность, включив ее в учебную деятельность и общение».

Понятие «культура» (от лат. cultura) – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, можно определить как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельно-

сти людей, а также в создаваемых им материальных и духовных ценностях. Лишь через культуру своего народа происходит естественное вхождение подрастающего человека в социальную жизнь. В педагогической сфере культура выступает как «содержательная составляющая процесса образования, источник знаний о природе, обществе, способах деятельности». Нравственной культура личности в современном образовании включает в себя решение таких задач, как: обогащение личности художественно-эстетической культурой, пониманием произведений искусства; обучение начальным навыкам и умениям самостоятельности деятельности в искусстве; развитие музыкального слуха, художественной зоркости, творческого воображения, оригинального мышления; воспитание эстетических чувств; формирование эстетического сознания.

Важнейшая задача эстетического образования, по словам В.А. Сухомлинского, – «научить ребенка видеть в красоте окружающего мира духовное благородство, доброту, сердечность и на основе этого утверждать прекрасное в самом себе». Как писал Б.Т. Лихачев, для подрастающего поколения необходима «экологически чистая духовно-нравственная общественная среда», в которой доминирует опора на нравственно-эстетические ценности. Целая личность может и должна «устоять против мощных средств психологического давления и подавления личности, опираясь на знание российской национальной и мировой художественной культуры».

Духовная культура включает в себя духовные представления и ценностные ориентации. В «Этнопедагогической целевой программе» подчеркивается, что «духовность – это результат общего развития личности, для становления которого не существует специальных воздействий и упражнений, но она требует обособленных, определенных усилий педагогов и родителей для ее возвращения и культивирования.»

Современный педагогический процесс предполагает наличие принципа целостности, который является одним из общих педагогических принципов. Опираясь на достижения современной антропологии, можно утверждать, что человек является единством трех сущностей: природной, социальной и культурной. Соответственно этому и ребенка необходимо рассматривать как существо природное, социальное и культурное. Однако, человек – существо целостное, недаром основным в его развитии на всех возрастных этапах признается противоречие между социальным и биологическим, природным началом. На развитие природной и социальной сущностей человека направлены основные педагогические принципы гуманистического воспитания: принцип культуросообразности, природосообразности и личностный подход. Формирование эстетической культуры личности осуществляется также через применение принципа эстетизации детской жизнедеятельности. Принцип эстетизации воспитания означает использование эстетического оформления детских образовательных учреждений и их участков, наличие цветов, зелени, произведений искусства в интерьере, эстетический внешний вид детей и педагогов, формирование куль-

туры взаимоотношений у всех участников педагогического взаимодействия.

При формировании нравственной культуры личности в процессе приобщения подрастающего поколения к духовным ценностям важно учитывать роль народа как субъекта-носителя этой культуры. Учитывая, что в понятие культурных ценностей входит не только создание материальными ценностями, но и нравственные ценности, идеалы, стереотипы поведения, образ жизни, следует понимать динамику процессов развития общества и наличие существенных различий между народной культурой прошлого и культурой современного общества. Эти изменения необходимо учитывать при составлении учебно-развивающих программ приобщения детей к духовным ценностям русского народа, так как они рассчитаны на воспитание детей в современном обществе.

ВОЗМОЖНОСТИ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИОБЩЕНИИ ДЕТЕЙ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Сорокина Н.М., ГХИ ННГАСУ

Мир ребенка-дошкольника неразрывно связан с игрой. Игра – это ведущая деятельность, оказывающая существенное влияние на развитие всех сторон его личности. Именно в игре, по мнению психологов, формируются основные новообразования, подготавливающие переход ребенка к более высокой ступени его развития.

В игровой деятельности происходит постижение ребенком нового опыта социального взаимодействия со взрослыми и сверстниками, расширение круга общения, приобретаются новые знания и умения, развивается речь.

В условиях игры происходит постепенное преодоление познавательного и личностного эгоцентризма; ребенок учится понимать и принимать позицию другого человека, партнера по игре, благодаря чему познает свои возможности, развивается самосознание; ребенок становится социально компетентным, приобретает позитивный опыт разрешения проблемных ситуаций.

Через разнообразное содержание игр у детей пробуждается познавательный интерес; развивается любознательность, способность выполнить начатое дело до конца, дать оценку выполненному. Именно игра в дошкольном детстве создает зоны ближайшего развития, внутри которых происходит психическое развитие ребенка. В игре осуществляется переход от игровых мотивов деятельности к учебным, что способствует зарождению нового вида деятельности – учебной и развитию познавательной активности ребенка. Это является успешной предпосылкой социально-психологической готовности к школе.

Таким образом, организация игровой деятельности обеспечивает:

1) активизацию и обобщение имеющихся у детей образных представлений о различных объектах и явлениях окружающего мира;

2) формирование практических умений и навыков осуществления игровой деятельности;

3) развитие социально-коммуникативных умений и способностей.

Однако, кроме всего сказанного выше, игровая деятельность может являться важным средством воспитания у ребенка этнической идентичности, приобщения к национальной культуре, трансляции межпоколенного культурного опыта.

С этой целью в образовательных учреждениях и в условиях семьи вполне успешно могут быть организованы следующие виды игровой деятельности детей:

1. Народные подвижные игры (малой, средней и высокой степени подвижности).

2. Театрализованные игры, или игры-драматизации по сюжетам народных сказок.

3. Художественно-развивающие игры на содержательном материале народного декоративно-прикладного искусства.

4. Развивающе-речевые игры с использованием фольклорного материала (заклички, пословицы, поговорки, потешки и т.д.).

5. Познавательные игры, игровые упражнения и ситуации с использованием аграрно-календарной поэзии и фольклорного материала (народные приметы, феноменологические характеристики месяцев года и т.д.).

6. Сюжетно-ролевые игры на такие темы, как: «Деревня», «Этнографический музей», «Путешествие в прошлое», «Художественная мастерская» и т.д.

7. Игровые проекты на содержательном материале традиционной культуры. Например, «Город мастеров», «Путешествие по России» (Нижегородской области) на Машине Времени», «Этнографическая выставка» и т.д.

ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК КАК НАРОДНЫХ СРЕДСТВ ВОСПИТАНИЯ

Кольцова И.Н., ГХИ ННГАСУ

Материалом для народных сказок служила жизнь народа: его борьба за счастье, верования, обычаи, и окружающая природа. В верованиях народа было немало суеверного и темного. Это темное и реакционное – следствие тяжелого исторического прошлого трудящихся. В большинстве же сказок отражены лучшие черты народа: трудолюбие, одаренность, верность в бою и труде, безграничная преданность народу и родине. Воплощение в сказках положительных черт народа и сделало сказки эффективным средством передачи этих черт из поколения в поколение. Именно потому, что сказки отражают жизнь народа, его лучшие черты, культивируют в подрастающем поколении эти черты, народность оказывается одной из важнейших характеристик сказок.

В сказках, особенно в исторических, прослеживаются межнациональные связи народов, совместная борьба трудящихся против иноземных врагов и эксплуататоров. В ряде сказок имеются одобрительные высказывания о соседних народах. Во многих сказках описываются путешествия героев в чужие страны, и в этих странах они, как правило, находят себе помощников и доброжелателей: трудящиеся всех племен и стран могут договориться между собой, у них общие интересы. Если сказочному герою приходится вести в чужих странах ожесточенную борьбу со всевозможными чудовищами и злыми волшебниками, то обычно победа над ними влечет за собой освобождение людей, томящихся в подземном царстве или в темницах чудовищ. Причем освобожденные так же ненавидели чудовище, как и сказочный герой, но освободиться самим сил не хватало. Да и интересы, и желания освободителей и освобожденных оказывались почти одинаковыми.

Положительным сказочным героям, как правило, в их трудной борьбе помогают не только люди, но и сама природа: дерево, скрывающее беглецов от врага, река и озеро, направляющие погоню по ложному пути, птицы, извещающие об опасности, рыбы, ищущие и находящие кольцо, уроненное в реку, и передающие его другим помощникам человека – кошке и собаке; орел, поднимающий героя на недоступную человеку высоту; не говоря уже о преданном быстроходном коне и др. Во всем этом отразилась вековая оптимистическая мечта народа о том, чтобы подчинить силы природы и заставить их служить себе.

Многие народные сказки внушают уверенность в торжестве правды, в победе добра над злом. Как правило, во всех сказках страдания положительного героя и его друзей являются преходящими, временными, за ними обычно приходит радость, причем эта радость – результат борьбы, результат совместных усилий. Оптимизм сказок особенно нравится детям и усиливает воспитательное значение народных педагогических средств.

Увлекательность сюжета, образность и забавность делают сказки весьма эффективным педагогическим средством. Макаренко, характеризуя особенности стиля детской литературы, говорил, что сюжет произведений для детей должен по возможности стремиться к простоте, фабула – к сложности. Сказки наиболее полно отвечают этому требованию. В сказках схема событий, внешних столкновений и борьбы весьма сложна. Это обстоятельство делает сюжет увлекательным и приковывает к сказке внимание детей. Поэтому правомерно утверждение, что в сказках учитываются психические особенности детей, прежде всего, неустойчивость и подвижность их внимания.

Образность – важная особенность сказок, которая облегчает их восприятие детьми, не способными еще к абстрактному мышлению. В герое обычно весьма выпукло и ярко показываются те главные черты характера, которые сближают его с национальным характером народа: отвага, трудолюбие, остроумие и т. п. Эти черты раскрываются и в событиях, и благодаря разнообразным художественным средствам, например, гиперболизации. Так, черта трудолюбия в результате гиперболизации достигает предельной яркости и выпуклости изображения (за одну ночь построить дворец, мост от дома

героя к дворцу царя, за одну же ночь посеять лен, вырастить, обработать, прясть, наткать, нашить и одеть народ, посеять пшеницу, вырастить, убрать, обмолотить, намолотить, испечь и накормить людей и т. п.). То же самое следует сказать и о таких чертах, как физическая сила, мужество, смелость и т. п.

Образность дополняется забавностью сказок. Мудрый педагог – народ проявил особую заботу о том, чтобы сказки были интересными и занимательными. В народной сказке – не только яркие и живые образы, но и тонкий и веселый юмор. У всех народов есть сказки, специальное назначение которых – позабавить слушателя. Например, сказки «перевертыши»: «Сказка деда Митрофана», «Как же его звали?», «Сармандей» и др; или «бесконечные» сказки, такие, как русская «Про белого бычка».

Дидактизм является одной из важнейших особенностей сказок. Сказки всех народов мира всегда поучительны и назидательны. Именно отмечая их поучительный характер, их дидактизм, и писал А. С. Пушкин в конце своей «Сказки о золотом петушке»:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Намеки в сказках применяются как раз с целью усиления их дидактизма. Особенность дидактизма сказок в том, что в них дается «добрым молодцам урок» не общими рассуждениями и поучениями, а яркими образами и убедительными действиями. Поэтому дидактизм ничуть не снижает художественности сказок. Тот или иной поучительный опыт как бы совершенно самостоятельно складывается в сознании слушателя. В этом – источник педагогической эффективности сказок. Почти все сказки содержат те или иные элементы дидактизма, но в то же время есть сказки, которые целиком посвящены той или иной моральной проблеме.

В силу отмеченных выше особенностей сказки всех народов являются эффективным средством воспитания. О воспитательной ценности сказок писал А. С. Пушкин: «...вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания». Сказки – сокровищница педагогических идей, блестящие образцы народного педагогического гения.

РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ КАК СЛАГАЕМОЕ КУЛЬТУРЫ ДВИЖЕНИЯ

Кислинская Т. А., ГХИ ННГАСУ

Культура движения – это неотъемлемая часть культурно – исторического наследия России, есть явление историческое, и формируется с учётом духовных и природных возможностей страны.

Основными компонентами внешней формы культуры движения является техника выполнения, выразительность и согласованность движений. Ко вто-

рой группе компонентов относятся познавательные процессы личности: внимание, память и теоретические знания.

Ещё Ф.Энгельс писал: «Всё, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову...» Двигательные действия представляют собой сложнейшие явления, ибо отражают деятельность мозга – самый высокоорганизованный материал. Интерес к этой проблеме возник давно. Ещё К.Д.Ушинский и П.Ф. Лесгафт отражали стремление к целостному познанию человека в единстве его физического, умственного и нравственного развития.

По мнению Ю.М.Николаева критерием оценки уровня культуры движений являются познавательные процессы. Современный человек окультурил свою двигательную деятельность, где двигательное действие выступает средством удовлетворения многообразных потребностей человека, его саморазвития, самоактуализации, самопознания и самосовершенствования.

Т.С.Леви считает, что своевременное и правильное развитие движений в раннем детском возрасте имеет большое значение. В процессе развития телесные движения начинают означиваться взрослыми. Ребёнок открывает для себя, что его движения имеют определённое значение для Другого. Освоение тела и формирование чувственно – двигательного единства происходит интенсивно на протяжении первых лет жизни. Процесс освоения ребёнком собственного тела динамичен. Маленький ребёнок целостен, открыт и сенсорен. Его мир полон чувств и движений. У каждого есть свои воспоминания, но их объединяет то, что в них отсутствуют преграды между «я» и миром, а тело является естественным посредником.

В телесных движениях и формах форма есть «застывшее движение» (В.Райх), «прерванное движение» (В.Подорога), «накопленное движение» (О.Мандельштам) выражается, и типичное, и индивидуально неповторимое.

Поскольку, внешне наблюдаемое движение всегда есть результат, проявление внутреннего движения, внутренней жизни, то отсутствие внутриличностной целостности всегда, так или иначе, проявляется в движениях. Отсюда неисчерпаемый потенциал движения, как диагностического и коррекционно–развивающего средства. (Т.С.Леви «Психология телесности в ракурсе личного развития»).

Крупный отечественный физиолог А.Ф.Самойлов декларировал: «Мышца сделала животное животным, мышца сделала человека человеком». Осознанные движения мы делаем уже с 4 – х месяцев после рождения – тянуться и хватать различные предметы. Первое время, правда, не очень точно, затем всё определённое. В основе этого лежит сокращение мышц.

Тонкие и точные движения пальцев называются мелкой моторикой. Их развитие – важное условие освоения ребёнком большинства видов творчества и бытовой деятельности. Кроме того, мышление и речь ребёнка развивается через мелкую моторику.

В области развития мелкой моторики ребёнка существует насущная необходимость создания циклической программы по развитию мелкой моторики рук для детей всех ступеней дошкольного возраста. Над практической апробацией такой программы мы сейчас и трудимся, в соответствии с планом

научно – исследовательской работы кафедры педагогики и психологии ННГАСУ на опытно – экспериментальной базе – МДОУ № 404 «Ростки» Советского района г. Нижнего Новгорода.

Цикл развивающих игровых занятий «Гениальность на кончиках пальцев» включает в себя:

Для детей до 4 – х лет – программа «Золотые пальчики»

Для детей 4 – 5 лет – программа «Королевство Живых сказок»

Для детей 5 – 6 лет – программа «Живая цепочка»

Для детей 6 – 7 лет – программа «Кругосветное путешествие»

Все программы подчиняются следующим принципам построения: «от простого к сложному» – при разучивании упражнений лучше осваиваются те, которые имеют схожую структуру с более простыми, и ранее освоенными; «активизация внимания» – от активности внимания зависит точность повторения движений; «смыслонаполнение» движений» – это облегчает задачу разучивания и внимания. Связь физического и умственного воспитания в процессе занятий достигается путём создания познавательных ситуаций, связанных с овладением и совершенствованием приёмами практических действий. С этой целью занятия проводятся в игровой форме, благодаря чему максимально реализуется ситуация успеха и не возникает психического напряжения.

Каждая из четырёх программ имеет ряд характерных особенностей.

В системе «Золотые пальчики» в основном предлагаются разнообразные игры – потешки и подвижные игры с разноформатным материалом. Развитие мелкой моторики рук через пальчиковые игры, динамические игры с предметами, развитие речи по принципу «движение – жест плюс слово». Пальчиковая гимнастика даёт пальцам полноценный отдых, развивает их ловкость, подвижность, а весёлые стишки помогают детям снять моральное напряжение. На пальцах и на ладонях есть «активные точки», массаж которых положительно сказывается на самочувствии, улучшает работу мозга. Данные упражнения способствуют поддержанию хорошего тонуса.

Развитие формирования обобщений и закрепление понятий. Развитие навыков совместных подвижных игр и игр с предметами – заместителями. Развитие памяти через повторение и разучивание стихов.

Программа «Королевство Живых сказок» включает различные игры с разнофактурным материалом. Каждое занятие подчинено сюжету какой – либо сказки, что и является мотивацией всех игр на данном занятии. Развитие мелкой моторики ребёнка идёт через тренировку и расслабление мышц рук во время пальчиковых и динамических игр. Развитие тактильной памяти в игровой форме. Развитие речи в процессе пересказа сказки. Закрепление понятий. Поделки в процессе деятельности изображают предметы их действительности, что способствует развитию детского творчества, обогащению детей изобразительными и техническими умениями, созданию интереса к данному виду деятельности. Развитие навыков совместных игр. Развитие слуховой памяти в игровой форме и посредством повторения содержания сказок. Развитие художественной фантазии.

В программе «Живая цепочка» дети заучивают статичные формы изображения руками одного из предложенных животных и в театре «Руки – куклы» разыгрывают диалог – сценку из стихотворного цикла «Наши ЛапУшки». Животных, изучаемых на занятии, предлагается мастерить из бумаги, проволоки и т.д. Что развивает координацию кисти, логическое мышление и пространственное воображение, знакомит со свойствами различных материалов, знакомит с азами плоскостной и пространственной геометрии. Занятия по методике Г. Домана закладывают биты знаний по группам животных и птиц. Расширяется литературный багаж. Развивается мышечная память, слуховое внимание. Прививается экологическая грамотность.

Здесь идёт развитие умения производить точные движения кистью и пальцами рук. Развитие способности координированной работы рук со зрительным восприятием. Развитие творческой активности, пространственного мышления, фантазии. Формирование умения воплощать свои идеи в художественный образ. Воспитание уважительного отношения к своему и чужому труду.

В программе «Кругосветное путешествие» детям предлагается на каждом занятии отправляться в импровизированное путешествие в какую – то страну, где они узнают игры данной страны и получают небольшую информацию о ней (название столицы, природа, достопримечательности и т.д.) Кроме того, в возрасте от 6 до 7 лет у детей закладываются навыки письменной речи, поэтому на каждом занятии идёт работа с карандашом – отработка рисование – линейных навыков. Данная программа и развивающая, и информативная, и обучающая. Развитие через рисование – чертёжные навыки. Развитие координации движения и ловкости. Развитие фантазии, расширение кругозора.

Проверка уровня развития мелкой моторики ребёнка обязательна при поступлении в школу. Ведь овладеть письмом возможно только тогда, когда пальчики хорошо слушаются и могут выполнять тонкие, точные движения. Обычно ребёнок, имеющий высокий уровень развития мелкой моторики, умеет логически рассуждать, у него достаточно развиты память и внимание, связная речь. Уровень развития мелкой моторики – один из показателей интеллектуальной готовности к обучению.

РАЗВИВАЮЩИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ РЕБЕНКА К ШКОЛЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

Сорокина Н.М., Вербовская Е.В.,
ГХИ ННГАСУ

Игра, являясь ведущей деятельностью, имеет огромное значение для развития ребенка. Л.С. Выготский, рассуждая о происхождении и значении игры в развитии ребенка, рассматривал ее как источник развития, подчеркивал, что она создает зону ближайшего развития. Он писал, что в игре ребенок

всегда выше своего среднего возраста, в игре он как бы на голову выше самого себя. Он отмечал, что игра в конденсированном виде, как в фокусе увеличительного стекла, содержит в себе все тенденции развития. Таким образом, игра оказывает существенное влияние на все стороны развития личности ребенка.

Многие ученые занимались изучением проблем влияния игры на разные стороны развития личности ребенка (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, А.П. Усова, С.Л. Новоселова, Н.Ф. Комарова, Р.И. Жуковская, Е.В. Зворыгина). Познавательный аспект игровой деятельности имеет существенное значение. В игре ребенок осуществляет процессы замещения, оперирование знаками (символами), придает игровое значение предмету, действию с ним, игровому персонажу. Это свидетельствует о том, что игра выступает в тесной связи с мышлением.

В игре зарождаются и интенсивно развиваются многие личностные качества, такие как любознательность, инициативность, самостоятельность, общительность, умение налаживать взаимоотношения, развивается творчество. Л.С. Выготский, рассматривая значение игры, писал, что в игре появляются волевые мотивы, происходит образование жизненного плана, произвольного намерения – все это ставит игру на высший уровень развития и возносит ее на гребень волны, делая ее девятым валом дошкольного возраста. А.В. Запорожец отмечал, что в игре происходит развитие эмоциональной сферы, ребенок переживает такие чувства, которые ему не доступны в реальной жизни.

Игра, как ведущая деятельность, имеет большое значение в подготовке ребенка к школе. К сожалению, многие взрослые недооценивают роль игры для подготовки ребенка к обучению в школе. Они стремятся научить ребенка читать, писать, считать и совершенно не заботятся о том, как он играет. Хотя многие известные ученые (Л.А. Венгер и др.) отмечали, что если в дошкольном возрасте игра не сформирована, то, поступив в школу, ребенок продолжает играть. Нередки случаи, когда младший школьник отдает предпочтение игре, а не учебе.

Однако в последние годы произошли серьезные изменения в использовании игровой деятельности в воспитательно-образовательной работе с детьми. Одной из основных причин такого положения на наш взгляд, является подмена игры ранним обучением детей. Завышенные требования современных родителей к уровню интеллектуального развития детей без учета специфических детских потребностей в игре: активной деятельности, эмоциональном общении с взрослыми и сверстниками, приводят к тому, что жизнь дошкольника оказывается задиактизированной.

Притом, что дети в результате механического заучивания «поглощают» предлагаемый им взрослыми объем знаний, пока не доступный их восприятию, что приводит к снижению познавательного интереса и познавательной активности детей. Знания и навыки, приобретаемые детьми в школах на подготовительных курсах, порой оказываются узко направленными, в результате затруднен перенос ребенком знаний в новые условия (отсутствует

экстраполяция знаний и навыков интеллектуально-познавательной деятельности: ребенок не может пользоваться ими как собственными достижениями).

Кроме того, «маленькие знайки» часто лишены самой главной составляющей сути детства, бесценного периода жизни и развития, каждого человека: у них отсутствует живой, непосредственный интерес ко всему, происходящему в окружающем мире, по-детски эмоциональное его восприятие. Следствием всего этого является не только увеличивающееся из года в год количество отклонений в функциональном развитии детей, но и возникновении большого числа школьных трудностей; негативное формирование мотивационно-потребностной сферы личности ребенка.

Если в дошкольном возрасте игра не сформирована как деятельность и не достигла «высшего уровня» своего развития, то будет затруднен переход к освоению учебной деятельности и ребенок в школе продолжит играть. В игре происходит процесс, который ведет к возникновению у ребенка стремления учиться. В старшем дошкольном возрасте потребность в расширении круга познания и углубления имеющихся знаний, через активную умственную работу зарождает новый мотив собственно познавательной деятельности (сколько надо знать ребенку, чтобы взять на себя роль капитана: набрать команду, распределить поручения – кто за что отвечает, все проконтролировать, управлять кораблем так, чтобы не сбиться с курса – уметь ориентироваться по географической карте, проявить умение договориться с каждым членом команды и с пассажирами ...)

Исходя из собственных научных воззрений, разные авторы по-разному характеризуют многообразие функционального назначения игры следующим образом:

1. Функция социокультурного назначения игры означает синтез усвоения ребенком богатства культуры. Социокультурный смысл игры состоит в том, что она формирует типовые навыки социального поведения, специфические системы ценностей, соревновательность, развивает стереотипы поведения в детской среде. Игра – сильнейшее средство социализации ребенка, включающее в себя как социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на становление личности, усвоение детьми знаний, духовных ценностей и норм, присущих обществу, или конкретной социальной общности, или группе сверстников, так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на формирование ребенка.

Социокультурное назначение игры может означать синтез усвоения ребенком богатства культуры, потенциалов воспитания и формирования его как личности, позволяющей ребенку функционировать в качестве полноправного члена детского или взрослого коллектива. Процесс социализации ребенка в игре не сводится лишь к непосредственному взаимодействию индивидов, а включает всю совокупность общественных отношений.

2. *Функция коммуникации* игры заключается в том, что ребенок, играя, входит в реальный контекст сложнейших человеческих отношений. Игровое общение включает в себя специфические нормы поведения: сыгранность и

независимость, общность интересов и личные пристрастия, взаимопонимание и способность действовать и принимать решения сообща. *Игра – деятельность коммуникативная, хотя по чисто игровым правилам и конкретная. Она вводит ребенка в реальный контекст сложнейших человеческих отношений.* Детям абсолютно необходимы общая мечта, общее желание быть вместе, опыт коллективных переживаний. Дети в игре сходятся быстро, и любой ее участник интегрирует опыт, полученный от других играющих. Вступая в игру коллектива, ребенок берет на себя ряд моральных обязательств перед партнерами. *Коммуникативное общение детей – важнейшая проблема педагогики.*

3. Диагностическая функция игры дает возможность распознать, предсказать потенциал детей. Ребенок в игре способен проверить свой интеллект, силу, творческие задатки, характер. *Диагностика – способность распознавать, процесс постановки диагноза. Диагноз – определение не только существа и особенностей болезни, но и отклонений в поведении ребенка и вместе с тем в нормативном поведении.* *Игра обладает предсказательностью, она диагностичнее, чем любая другая деятельность человека, во-первых, потому, что индивид ведет себя в игре на максимальной проявленности (физические силы, интеллект, творчество), во-вторых, игра сама по себе особое «поле самовыражения».* Игра убедительно раскрывает в детях истинно детское, личностное, свидетельствует о том, что дети могут быть неблагодарными, шумливыми, озорными, конфликтными, дерзкими и т.п. Учебная деятельность детей выстроена как авторитарно-императивный процесс, рассчитанный на послушание, благообразие, дисциплину, она до сих пор сохраняет эту сущность. Дети либо принимают «правила» этого процесса и приспосабливаются к нему, сдерживая чисто детские импульсивные реакции, эмоциональные отражения. Им хочется смеяться, двигаться, кричать, т.е. естественно реагировать на дидактические раздражители, но, поскольку это осуждается, они загоняют эмоциональные порывы вовнутрь, «делают вид», испытывая от этого унижение и раздражение, либо проявляют строптивость, протест, даже дерзость. Как в первом, так и во втором случае желание познавать, учиться часто приглушается императивом, сдерживается. Игра диагностична, и уже потому она есть «зона ближайшего развития». Поскольку игровая деятельность представляет произвольное, обобщенное воспроизведение действительности и является внеутилитарной по своему характеру, она для ребенка привлекательна в силу удовлетворения желаемых, а не навязанных извне действий. *Ребенок сам в игре проверяет (самодиагностирует.) свои силы, возможности в свободных действиях, самовыражаясь и самоутверждая себя. Для этого ему необходимо знать себя. Игра побуждает его к самопознанию и одновременно создает условия внутренней активности личности.* Для педагогов и воспитателей игра – законный и наиболее удобный метод диагностики детей еще и потому, что *игра – форма их поисково-экспериментального поведения.* Известно, игра наиболее объективно выявляет ресурсы интеллекта, двигательный потенциал, творческие задатки и ха-

рактар, качество межличностных отношений детей друг с другом (симпатии, антипатии).

4. Функция коррекции в игре. Ее механизм необходим в практике потому, что значительной части детей свойственны утомляемость, замкнутость, вспыльчивость, конфликтность, агрессивность, капризность и другие негативные проявления, которые порождают несовместимость в общении, разрушают внутриколлективные отношения.

5. Функция самореализации ребенка в игре является одной из главных, поскольку детям в большинстве своем важен сам процесс игры (пространство для самореализации), а не ее результат. Ребенок стремится самостоятельно принимать различные решения. Это одна из основных функций игры. Реализация – осуществление какого-либо плана, намерения, исполнение желаний самим индивидом. *Для ребенка игра важна как сфера реализации себя как человека, как личности. Именно в этом плане ребенку важен сам процесс игры, а не ее результат, или конкурентность, или возможность победы, или достижение какой-либо цели. Процесс игры – пространство самореализации. Игра – уникальный полигон человеческой практики ребенка, действительности как области применения и проверки накопленного опыта.* Поскольку моделируемая в игре практика, результаты разных игровых открытий переносятся на совершенствование дальнейшей практической деятельности, именно это обстоятельство становится важнейшим, если учесть саму функцию многих игр – постановка и решение различных проблем в деятельности. *Человеческая практика постоянно вводится в игровую ситуацию для того, чтобы раскрыть возможные или уже имеющиеся проблемы у ребенка и моделировать их снятие.* Практически во всех детских играх выражена сущность объективной действительности и жизненной правды. Материал для игр дети приобретают только из окружающего мира. Для действительной жизни у ребенка в период детства слишком мало душевного материала, мало опыта, недостаточно сложившихся представлений, но он хочет жить активно и деятельно. Игра становится его жизнью, и он в этой жизни личность свободная, самостоятельная, живущая полной детской и неполной взрослой жизнью.

Дошкольный возраст – оптимальный период для формирования личности, поэтому не стоит питать иллюзии, что способности эти разовьются сами по себе в более зрелом возрасте.

На наш взгляд, особенно в период подготовки ребенка к школе, необходимо создать условия для развития психолого-педагогического потенциала игровой деятельности: отказаться от подмены игры уроками, обеспечить максимальную двигательную активность на занятиях. Организовать игровую деятельность детей в соответствии с возрастными особенностями. Создать игровую развивающую среду, максимально отражающую содержание детской деятельности. В Нижнем Новгороде на базе кафедры педагогики и психологии ГХИ ННГАСУ осуществляется исследовательская работа по игровой деятельности. В программу по подготовке детей к школе была включена авторская развивающая технология: «Метод игровых проектов». В течение

года с детьми разрабатывались следующие игровые проекты: «Путешествие на машине времени», путешествие в прошлое включает знакомство с первобытными людьми, ледниковый период; путешествие в будущее включает создание музея необычных машин; «Путешествие по разным странам и континентам»; «Нижегородская ярмарка», включает знакомство с народными традициями. Использование метода игровых проектов, ориентированно на игру, интерес, творческую самореализацию развивающейся личности ребенка, развитие его интеллектуальных и физических возможностей, волевых качеств и творческих способностей, поддержку игр детей, их стремления к общению.

Игра реализует потребность ребенка в достижении успеха, обуславливает развитие таких личностных качеств, как активность, инициативность, любознательность, креативность, социальную компетентность.

СЕКЦИЯ 10. СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Сидоров А.Н., ВВАГС

Культурная политика региона является одним из условий формирования мировоззренческой культуры личности представителей каждой территории Российской Федерации. В рамках культурной политики региона культурно-историческое наследие является неотъемлемой частью факторов, влияющих на воспитание мировоззренческой культуры личности.

В целом современная ситуация характеризуется значительным повышением интереса к прошлому, особенно к тем явлениям и персонажам, которые были закрыты. Об этом свидетельствует многочисленная историческая и краеведческая литература, выходящая сегодня, переиздание работ забытых авторов. Мы наблюдаем процессы возвращения старых названий городам, улицам, площадям, процессы серьезной переоценки прошлого в целом, конкретных событий, роли отдельных личностей. Это происходит как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Наряду с этим, достаточно широко рассматриваются вопросы включения историко-культурного наследия в экономическую сферу, когда культура в целом рассматривается как важный ресурс, в том числе и регионального развития. Прежде всего, это связано с возможностью использования историко-культурного наследия в туристическом бизнесе, что позволило бы привлечь значительные инвестиции и создать новые рабочие места, особенно в тех регионах и районах, где инфраструктура промышленных предприятий развита слабо и велика доля безработных среди населения. Необходимо констатировать, что большинство программ развития туризма, в том числе и в Поволжском регионе, разработанных несколько лет назад, так и осталось не

реализованным, при том, что подобный потенциал, например Нижнего Новгорода, значителен.

Тем не менее, вопрос о роли и месте культурного наследия в современной культуре является не узко прагматическим, а глубоко мировоззренческим вопросом, от решения которого во многом зависит дальнейшее развитие культуры и региона, и России в целом. Сегодня отношение к культурному наследию прошлого становится мерой нравственной зрелости, мерой ответственного поведения современного человека перед прошлыми поколениями и поколениями будущими.

Культурное наследие прошлого остается одним из важнейших элементов патриотического и нравственного воспитания человека, оказывает значительное воздействие на формирование широко образованной и многогранно развитой личности. Культурно-историческое наследие формирует гражданскую позицию человека, чувство гордости за вклад родного края в историю и культуру страны, способствует складыванию регионального менталитета. На это оказывают воздействие не только отдельные объекты культурного наследия, но и историко-культурная среда в целом, которая представлена в виде исторической застройки городов, сел, бытующих традиций, народных художественных промыслов и ремесел, исторических территорий и ландшафтов и многого другого, что является неотъемлемой частью жизни человека.

Однако в настоящее время мы являемся свидетелями разрушения историко-культурной среды старых городов России, в том числе и Нижнего Новгорода. Уничтожается историческая застройка, разрушается та атмосфера, которая формировала уникальный облик, дух города, что делало его отличным среди других российских городов. Сносятся целые улицы, кварталы. Подобная «реконструкция» исторической части города ведется под прикрытием улучшения жилищных условий, но без широкого обсуждения с горожанами. Город из уникального, неповторимого превращается в стандартный провинциальный центр, каких много (будет много). Не исключено, что в ближайшее время следует ожидать серьезных изменений в менталитете горожан, снижения интереса к родному городу, к его истории и культуре. Заслуживает ли любви город, уничтожающий связь со своим прошлым?

Сегодня отсутствуют долгосрочные программы сохранения и использования культурно-исторического наследия в регионе, история края практически не изучается в общеобразовательных школах. Молодежь слабо представляет историю своего родного края, его роль и место в истории и культуре России. Многие имена выдающихся деятелей науки, искусства, литературы, политики, жизнь которых, так или иначе, связана с Нижегородчиной, практически не известна школьникам, да и студентам вузов. Вырастают поколения, для которых истории края практически не существует. А подобной публичкой, как известно, достаточно легко манипулировать. Это не может не вызывать серьезной обеспокоенности.

Задачи, которые сегодня стоят перед органами регионального и местного управления, историками, занимающимися местной историей, весьма обширны. Это, прежде всего, формирование регионального законодательства

о культуре, которое позволило бы обеспечить развитие сферы культуры и искусства региона, сохранение и использование культурно-исторического наследия, а также разработка долгосрочных и краткосрочных программ культурного развития. Больше внимания должно уделяться подготовке кадров для сферы культуры и искусства. Все это позволит не только сохранить, но и преумножить культурное достояние народов Поволжья.

Отношение к культурному наследию остается одним из важнейших показателей мировоззренческой культуры личности.

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Балакшин А.С., ВГАВТ

Культурная политика – это политика развития и роста благосостояния. Для понимания ее сущности необходимо помнить «что не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества». Основным мотивом, лежащим в основе такой политики, является забота о поддержании и улучшении жизни человека. Исходя из этого, она призвана обеспечить опережающее развитие и разумное использование интеллектуального потенциала в интересах социального развития, неуклонный рост общекультурного и жизненного уровня народа.

Сегодня идет интенсивный поиск стратегических целей развития культуры, которые не только отвечали бы интересам всего общества, но и были бы способны трансформироваться в региональной среде. Вместе с тем осмысление и разработка целей развития общества на ближайшую перспективу требует немалого времени и сопряжены с трудностями аналитического, организационного, управленческого плана. Зачастую выдвигаемые цели страдают или абстрактностью, связывая решение всех российских проблем либо с восстановлением институтов и ценностей прошлой культуры, либо с поспешным включением страны в глобальные процессы, или узостью диапазона, замыкаясь на задачах преимущественно политического и экономического характера и технологии их выполнения.

Наличие же стратегических целей культурной политики, как на федеральном, так и региональном уровне благотворно отразится на осуществление прогрессивных культурных реформ, ориентированных на новые социально-культурные технологии развития страны, даст возможность совершенствовать демократические общественные отношения. Это позволит эффективнее использовать природные ресурсы для человеческого развития, решать проблемы бедности и занятости, медицинской и экологической защищенности, добиться кардинального улучшения качества жизни и расширения демократии как зоны мира, стабильности и развития, отвечающих жизненным интересам человечества.

Государство, так или иначе, всегда должно заявлять о своих интересах в сфере культуры. В разные периоды и в разных странах объем культурной

политики, осуществляемой государством, различен, различны и сами модели как определенные «правила игры» между государством и культурой, культурой и обществом. «Ориентация и использование на практике той или иной модели культурной политики совершаются не по произволу.

Концептуальными основаниями выбора обычно служит то или иное понимание сути культуры, ее назначения и функций в обществе. Парадигмы культурной политики обычно произрастают на почве конкретной исторической ситуации в стране, и с изменениями этой ситуации они тоже меняются».

Перед культурной политикой стоит задача обеспечивать интеллектуальный прогресс, с тем, чтобы его результаты стали достоянием каждого человека и гармонизировали культурные отношения людей. Но сделать это невозможно без привлечения широких слоев населения и, особенно без активного участия деятелей культуры. Только тогда можно ожидать нового отношения к культуре, только тогда ее ценности перестанут быть музейными экспонатами, когда люди активно включаются в творческую деятельность. В центре культурной политики должно быть поддержание основного фонда культуры, обогащение его новыми ценностями.

Исходя из сказанного, вытекают и наиболее важные задачи культурной политики государства. Они, на наш взгляд, являются следующие:

- критический пересмотр старых взглядов и решений, обычаев и норм на основе культурологической науки, в контексте опыта социально-культурного развития человечества, открывающего новое видение мира;
- модернизация национальной культуры. Создание условий для постоянного притока и творческого использования в ней прогрессивных инноваций европейской и мировой культуры, в первую очередь в сфере образования, науки, высоких технологий, а также социально-бытовой и экологической культуры;
- повышение эффективности управления сферой «духовного производства», как интеллектуальной и этнической основы развития экономики и роста благосостояния общества; координации развития образования, науки, искусства;
- правильное распределение инвестиций в различные области культуры, обеспечивающее приоритетное развитие и воспроизводство интеллектуального потенциала как главной движущей силы социально-экономического прогресса. Повышение общественного статуса правовой и социальной защищенности интеллигенции;
- установление равноправных партнерских отношений сотрудничества между государственными и неправительственными организациями в сфере управления социально-культурным развитием общества;
- выработка механизмов реального утверждения таких принципов общественной и государственной жизни как высокопроизводительный труд, патриотизм, гуманный социальный порядок, ответственность. Честность и справедливость, благозаконие, приоритет «высокой духовной культуры» – разума, знания и этики»;

- содействие выработке единых принципов глобальной культурной политики, способствующей утверждению культуры мира, гармонизации процессов регионального и глобального культурно-экономического сотрудничества, расширению демократии как зоны мира, безопасности и стабильности развития человечества.

Подводя итоги и суммируя все вышесказанное необходимо отметить, что переход к новой методологии формирования культурной политики должен быть основан на специфических методах принятия решений, системного и ситуационного (сценарного) подхода к будущему сферы культуры.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ

Соколова Н.Л., ННГАСУ

Проблема социальных ценностей до сих пор является мало изученной, не нашла своего однозначного решения в отечественной и зарубежной литературе, является дискуссионной. Между тем, данная проблема приобретает особую значимость в переходные периоды общественного развития, когда кардинальные социальные преобразования ведут к резкой смене существовавших в нем систем социальных ценностей, тем самым ставя людей перед дилеммой: либо сохранять устоявшиеся, привычные ценности, либо приспособиться к новым, которые широко предлагаются, даже навязываются представителями различных партий, общественных и религиозных организаций, движений. Виднейшие представители отечественной философии, социологии, психологии усматривали в качестве важнейшего условия внутреннего социального мира и мира международного – наличие целостной и устойчивой системы социальной ценностей.

Именно ценности, утверждает Д.А.Леонтьев, выступают интегративной основой как для человечества в целом, так и для любой социальной группы, культуры, нации, так и для отдельно взятого индивида. Разрушение ценностной основы неминуемо ведет как к кризису личности, так и общества в целом, а выход из кризиса возможен только на пути сохранения важнейших привычных, устоявшихся и обретения новых социальных ценностей.

Раскол современного российского общества – порождение ценностного кризиса, связанного с распадом единообразной системы ценностей советского общества, успешно формировавшейся через общегосударственную систему идейного воспитания и пропаганды. До сих пор не дали значимых результатов поиски новой системы ценностей, объединяющее нынешнее поколение россиян.

Отсюда берут начало многие социальные проблемы, с которыми мы постоянно сталкиваемся: кризис нравственности и правосознания, социальная нестабильность, падение ценности человеческой жизни и многое другое. Налицо ценностный нигилизм, переоценка ценностей, экзистенциальный вакуум и другие симптомы социального кризиса общества и личности (Вопросы философии, №4, 1996, с. 15). Поэтому вопрос, перед каким ценностным

выбором стоит современное российское общество, – является сегодня жизненно важным.

Отвечая на эти вопросы, президент РФ Д.А.Медведев в своем Послании Федеральному Собранию остановился на социальных ценностях, которые выступают сегодня интегратором российского общества: «Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации – в системе международных отношений. Это свобода – личная, индивидуальная свобода. Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов ... Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших. Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре. Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще – таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией... Наши ценности формируют и наше представление о будущем. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем – Россия будет процветающей демократической страной. (Российская газета, 6 ноября 2008).

Многие из названных выше президентом России социальных ценностей как элементов культурного наследия России, как позитивно значимого социального опыта хранит социальная память. Социальная память позволяет обществу осознать свое место в истории человечества, обосновать значение собственной культуры и соотнести с различными ценностями других культур. Поскольку социальный опыт – это все то, что нельзя передать по каналам генетической программы наследования, постольку структура социального опыта детерминирует и структуру социализации. В процессе социализации формируются социальные коды как система знаний, умений и установок. Овладевая соответствующим социальным кодом, человек запоминает, сохраняет, воспроизводит или забывает позитивно или

негативно значимый для него социальный опыт. При этом социальное беспомыслие может возникнуть лишь тогда, когда искусственно прерывается связь прошлого, настоящего и будущего, в том числе и в результате культурной деградации.

Таким образом, социальная память составляет одну из основ осознания человеком своей человеческой родословной, понимания «мы» в национальной и культурной общности (Соколова Н.Л., 2009, с.121-124; Болдычева В.А., 2009, 140 с.).

А.А. Берелехис и С.Г.Ильинская отмечают, что периодически в России предпринимаются попытки реализации различных западно-европейских универсалистских проектов без учета того обстоятельства, что значимые сегменты ее граждан являются приверженцами традиционной ценностной матрицы. Существенно изменила основные парадигмы массового сознания, как они полагают, неоконсервативная тенденция в российском обществе наметившаяся с 2000 года. Общество на уровне ценностей начало адаптировать перемены к своей социально-исторической органике, пережив глубокую ломку, связанную с попытками форсированной модернизации по догоняющему типу.

По их мнению, наблюдается появление достаточно массового запроса на идеологию социального консерватизма. Это обусловлено тем, что российской особенностью, несмотря на внешние признаки современного государства является сохранение традиционной ценностной матрицы с такими ее атрибутами, как восприятие власти как собственности, а также «широкое поле терпимой противозаконности», невозможное в государстве с устойчивыми институтами собственности (Философские науки, № 3, 2007, с.123-124).

На сохранении традиционной матрицы ценностей в сознании россиян обращает внимание и Н.А.Романович. Она отмечает, что в России иное представление о задачах государственной власти и иное представление о свободе, которое отличается от западного образца. Как показывает анализ представлений о социально-экономических функциях государства, по-прежнему доминируют традиции патернализма. Легитимно для россиян будет только такое государство, которое будет соблюдать интересы общности, отражаемой понятием «народ», а не свои интересы как государство.

И только законы такого государства будут признавать справедливым и готовы соблюдать российские граждане. Именно в этом смысле можно говорить о коллективизме россиян. С пониманием россиян демократии связана и их трактовка свободы. Личным свободам россияне особого значения не признают. Свобода в российском понимании – скорее, возможность вести жизнь «по душе», быть самому хозяином, чем реализация каких-либо прав. Можно с ней согласиться в том, что глубинные фундаментальные ценности в России не были разрушены окончательно, а деструкции подверглась лишь более поверхностная система приоритетов(СОЦИС, № 8, 2002, с.35-39). Базовые социальные ценности российского общества возрождаются. В противном случае любое общество прекращает свое существование.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Сидоров А.Н., ВВАГС

Мировоззрение человека формируется под воздействием разнообразных факторов – экономики, идеологии, семьи, школы, вуза, социальной группы и многих других. При определяющем значении социально-

экономических условий социокультурные факторы тоже оказывают значительное влияние на формирование мировоззрения человека.

Среди разнообразия социокультурных обстоятельств особое место отведено культурно-историческому наследию. Именно овладевая культурным богатством своего народа и всего человечества, человек становится полноценным членом того или иного общества, носителем конкретного типа культуры, получает возможность овладевать мировым культурным наследием. Степень доступности культурно-исторического наследия, его включенность в современную социокультурную практику, «мода» на знание этого наследия во многом определяют культурный уровень общества, свидетельствуют о характере взаимоотношений государства и общества, государства и культуры. Отношение общества и государства к культурно-историческому прошлому является показателем их морального состояния. Рассмотрим более подробно слияние культурно-исторического наследия на мировоззрение современного человека.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, что мы будем понимать под историко-культурным наследием. В современной философской, культурологической, социологической и другой литературе, рассматривающей этот вопрос, нет значительных и принципиальных различий в понимании данного феномена. Следуя за многочисленными авторами, мы будем понимать под историко-культурным наследием – все культурные достижения человечества в материальной и духовной сферах, исторический опыт, имеющий вневременной характер и сохраняющийся в общественной памяти, которые, переходя из поколения в поколение, создают объективные условия для дальнейшего развития культуры в регионе. Важным качеством историко-культурного наследия является наличие в нем элементов, способных передаваться во времени, что служит основанием преемственности в культуре. Кроме того, чем больше вклад предыдущих поколений в культуру, тем больше возможностей для современных поколений в использовании этих достижений в развитии культуры, как материальной, так и духовной. Историко-культурное наследие является одним из факторов формирования национального сознания, одним из условий самоидентификации личности с культурой своего народа, способствует гражданскому и патриотическому воспитанию человека.

На наш взгляд, можно выделить несколько направлений воздействия историко-культурного наследия на формирование мировоззрения человека.

Во-первых, влияние на аксиологическую составляющую мировоззрения. Важно то, что именно ценностно-смысловая составляющая мировоззрения человека формирует базовые ценности, которые позволяют человеку стать носителем того или иного типа культуры.

Во-вторых, влияние на ментальную составляющую мировоззрения. Менталитет является одним из основных факторов самоидентификации человека, формирует особенности общественного и индивидуального поведения, психологические особенности личности.

В-третьих, семиотическая составляющая культуры. Каждая культура обладает своей, характерной только для нее семиотической системой. Ее

особенности отражают ее специфику формирования и историко-культурного развития. Наличие общей семиотической системы позволяет представителям различных этносов, народов, культур и конфессий беспрепятственно взаимодействовать на различных уровнях, а наличие в этой системе общих элементов знаковой системы – с разными культурами.

Чему способствует выделение этих составляющих? Выделение данных компонентов способствует пониманию характера и особенностей культуры как самобытного явления, дает основания для оценки историко-культурного наследия конкретной культуры и его вклада в общечеловеческое историко-культурное наследие.

КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Савичев С.С., ННГАСУ

Еще в 1964 г. американские исследователи А.Кребер и К.Клакхон собрали 257 определений культуры и еще более 100 попыток определить это понятие описательно. С тех пор эти цифры только росли. Недостатка в определениях нет и в отечественной философии культуры. Уже это ярко свидетельствует о том, сколь сложен данный феномен.

Мир человека – это мир культуры. В своем первоначальном значении («возделанное») культура противостоит «натуре» – природному, «дикому» и означает все то, что отличает человека от природы, отличает искусственный мир от естественного. Это мир, от начала и до конца создаваемый самим человеком. В этом смысле он противостоит и миру природному, и миру божественному, существующим помимо человека. В этом же предельно широком смысле культура включает в себя все накопленные людьми материальные и духовные ценности и способы их приумножения.

Здесь, правда, следует оговориться. «Способы их приумножения» стоят в нашем перечне последними по соображениям стилистики, но не по значимости. По значимости же равных им нет. Во-первых, потому, что «материальные и духовные ценности» есть не что иное, как определенный результат человеческой деятельности. Во-вторых, потому что именно «способами их приумножения» – ручными, механизированными, компьютеризированными – определяются исторические типы культуры. Поэтому нет оснований оспаривать утверждение, что культура есть «концентрированный опыт предшествующих поколений, дающий возможность каждому индивиду усвоить этот опыт и участвовать в его умножении»[1]. Отметим кстати, что образование как система представляет собой социальный институт адресной и целенаправленной передачи такого опыта.

Итак, с определенной долей максимализма можно утверждать, что культура – это освоенный и овеществленный опыт человеческой жизнедеятельности. Опыт же представляет собой закрепленное единство знаний и умений, переросшее в модель действий при любой ситуации; программу, принятую в качестве образца при решении всевозможных возникающих за-

дач. Иными словами, если переступить через известное благоговение, которое с эпохи Просвещения внушает европейцам этот термин, культуру можно рассматривать как определенный набор стереотипов, определяющий и тем самым ограничивающий человеку возможность действовать в любых условиях.

Любой исторический тип культуры в своей конкретности представляет неразрывное единство двух составляющих – актуальной культуры и культуры накопленной, или культурной памяти. Под актуальной понимается та часть культуры, которая непосредственно функционирует в данном обществе и выражается в повседневных проявлениях – культуре труда, быта, поведения. Культурная память представляет собой определенную культурную деятельность, которая непосредственно не участвует в воспроизводстве общественной жизни. Это как бы отложенные, но не стертые прогрессом старые знания и умения, лежащие в основе современного уровня развития и при необходимости извлекаемые из забвения.

На все встающие перед ним вопросы человек ищет ответ в усвоенной им культуре. Последняя же предлагает ему не слишком богатый выбор – актуальный или накопленный опыт. Выбрать что-то третье невозможно, ибо нельзя выбрать то, чего нет или что еще неизвестно. Когда социальные катаклизмы сотрясают общество и жизнь человека становится невыносимой, а актуальная культура ни в экономике, ни в политике, ни в идеологии не дает ответа на животрепещущие вопросы, человек начинает искать ответ за ее пределами. И здесь иного, чем накопленный опыт, чем традиция, культура ему не дает. Люди ищут ответ в прошлом, потому что больше им искать нигде. Отдельный человек – мыслитель, гений – способен подняться над ограниченностью культуры и увидеть новые горизонты развития.

Но, никого не обвиняя, описанную особенность феномена культуры нельзя и недооценивать. В противном случае любой возврат к традициям (будь то традиции национальной культуры или народной педагогики, экономического уклада или политической организации) обернется своей худшей стороной – традиционализмом. Последний же, как справедливо отмечает Г.С. Батищев, «по своей сути не способен самокритично учиться у своей традиции, что потребовало бы раскрыть и развернуть все многообразие и сложность, всю антиномичность присущего ей одновременно и положительного, и отрицательного культурно-исторического опыта былого при столь же непредубежденной готовности творчески обновляюще продлить жизнь традиции»[2].

Биологическая единица вида *Homo sapiens* становится человеком по мере приобщения к культуре. Примеры настоящих, а не сказочных «Маугли» трагичны именно тем, что выпавший в силу случая из культурной среды человеческий детеныш уже никогда не мог вернуться в мир людей, овладеть речью и навыками общения. Культура вбирается новорожденным из общения с людской средой. Благодаря этому усваиваются навыки контактов с себе подобными, действий с предметами, форм выражения эмоций, умения говорить. Следовательно, культура – это человеческое в людях, это степень, мера

формирования, развития и реализации социальных (сущностных) сил человека в его многообразной общественной деятельности. Именно культура отличает человека от всех остальных живых существ.

Так, пожалуй, и можно сформулировать самое общее определение культуры. Культура – это совокупность всего того, что делает человека человеком. При этом «все» включает в себя как чисто природные объекты, так и предметы, созданные людьми, и духовные явления. Известный отечественный исследователь культуры В.В. Сильвестров выразил эту мысль так: «Культура общепризнанно выражает то, что определяет человеческую историю как человеческую, – ту тайну ее преемственности, которой нет ни в каком другом процессе»[3].

-----
[1] Коган Л.Н. Всестороннее развитие личности и культура.- М.,1981.- С.43.

[2] Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира.- М.,1987.-С.110.

[3] Сильвестров В.В. Философское обоснование теории и истории культуры.- М.,1990.-С.3.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГЕНЕТИКИ ОБЩЕСТВА

Владимирский О. А., г. Нижний Новгород

Преамбула Конституции: «Мы, многонациональный народ, соединённый общей судьбой на своей земле, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества».

Преамбула утверждает приоритет менталитетов и стереотипов в качестве основ нравственности общества. Они позволяют действиям и стилю поведения дать определение «основы нравственности», «нравственная преступность». Применить их для оценки действия лиц, дающих при вступлении в должность клятву на Конституции.

Статья 3, п. 1 Конституции: «Носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ».

П. 2 «Народ осуществляет свою власть через органы власти; высшим выражением власти народа являются свободные выборы».

Суверенитет персонажа «народ» не обусловлен обязанностью осознавать себя частью мирового сообщества, ответственностью перед поколениями, его символ – урна для бюллетеней. Победивший даёт клятву на преамбуле Конституцию, после чего может не видеть народ, для него имеет значение ректорат.

Персонажи «многонациональный народ» и «народ» обладают чётким генетическим различием: из субъекта персонажа «многонациональный народ» удалён ген национальности, в субъекте «народ» он присутствует, каждый человек обладает геном этнической принадлежности.

Конституция в 1993 году поставила проблему определения субъектности персонажа «многонациональный народ». Она была решена созданием произведения науки – «Структура фенотипа общества России», авторским правом, расшифровкой генома человека и последними достижениями в молекулярной генетике.

Два генетических текста человека коррелируются с персонажами Конституции. Первичный текст генетической информации о человеке как биологическом виде записан соотношением химических оснований – генетическое число человека 1,54. Развитие организма человека – последовательностью носителей генетической информации в гене.

Статья 3 Конституции по этому признаку корректно разделила статусы и роли двух персонажей – «многонациональный народ», связанный с генетическим знаком 1,54, и «народ», связанный с текстом генов. Персонаж «многонациональный народ» стремится к стандартизации ментального разнообразия волевых импульсов, персонаж «народ» к росту их разнообразия. Возникает диалектика динамик переходов хаос-порядок волевых импульсов по их менталитетам и стереотипам.

Статья 169 Гражданского Кодекса отражает эту диалектику – «Сделка, противная основам нравственности общества, ничтожна».

Генетика общества позволяет продолжить диалектическое разделение, применив нормы статьи 256 Налогового Кодекса: не подлежит амортизации 5) продуктивный (*элитный*) скот (за исключением рабочего скота); 6) произведения искусства; 8) приобретённые права на результаты интеллектуальной деятельности.

Проявляются параллельные цепочки прав:

1. Элитный скот – произведения искусства – приобретённые права на результаты интеллектуальной деятельности – приоритет добросовестности – «многонациональный народ» – субъект экономических отношений – неотъемлемое право носителя суверенитета.

2. Рабочий скот, машины и здания, отношения животное-машина, поле ничтожных сделок – «народ» – ограниченный суверенитет участием в легитимации прав на власть общей волей.

Практика применения структуры фенотипа общества подтвердила вывод генетической теории христианской цивилизации: норма права выражающая приоритет общей воли персонажа «народ» над суверенитетом персонажа «многонациональный народ» объективно создаёт в юридических отношениях полярную нишу суверенитета общества. Именно эта ниша выступает источником санкции на власть и собственность, обладающая приоритетом над нормой легитимности.

Этот феномен объясняет соревнование законодателей и способов обойти закон, бесконечную смену законов России, которая потеряла здравый смысл. Позитивная норма должна отражать принцип паритета суверенитетов человека, государства и общества.

ВНЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Ермаков Р. М., ННГАСУ

Президент России Дмитрий Медведев считает одной из приоритетных задач развитие гражданского общества. Гражданское общество, как система внегосударственных общественных отношений и институтов, даёт человеку реализовать его гражданские права и выразить разнообразные потребности, интересы и ценности всех членов общества. В нашей стране действуют десятки тысяч общественных организаций разного уровня, объединяя значительную часть граждан России. Все эти организации оказывают немалое влияние на различные аспекты страны, в том числе и на её культуру.

Пример такой организации – фонд «Культурная столица Поволжья», который проводил соответствующий конкурс последний раз в 2006 г. Благодаря этой программе города участники борются за звание культурной столицы Поволжья, оптимизируя культурную жизнь города: в городе проводится не в пример больше культурных мероприятий в самых разных сферах (кинопоказы, фото-выставки, презентации и т.д.), с задействованием как местных культурных деятелей, так и с приглашением оных из-за рубежа. Одним из главных моментов этой программы является то, что она подталкивает к разговору об ответственности за культуру, ведь ответственность эта лежит не только на чиновниках и учреждениях традиционных форм культуры – музеях и театрах. Культура – это и поле экспериментов, и территория проживания, территория нашей повседневности, наших интересов, и вообще культура – это всё, что составляет позитивную деятельность человека. Вот о чём говорит нам программа фонда «Культурная столица Поволжья».

Конечно, нельзя не отметить Российский фонд культуры, ранее бывший Советским. В своё время создание этого фонда было одним из самых крупнейших культурных событий нашей страны. Стартовал фонд очень мощно: выставки, концерты, представления юных талантов, исторические и литературные публикации. Создавались целые музеи и картинные галереи при поддержке фонда и благодаря его дарам (с первых дней существования фонда туда буквально хлынул поток даров). Фонд как магнит притягивает самых разных людей, которые хотят, чтобы сбережённые ими сокровища или их средства не пропали, а увидели свет.

В общей сложности за годы своего существования Фонд получил более ста тысяч единиц хранения даров. Из них более семидесяти тысяч были переданы в музеи, архивы и библиотеки.

Однако, не менее значительная, чем собирательская, является деятельность Фонда, связанная с его знаменитой и, без преувеличения, известной всему миру программой «Возвращение». Именно эта программа, тогда ещё Советского фонда культуры, открыла некий шлюз, благодаря которому две ветви русской культуры соединились: советская культура и русское зарубе-

жье. В результате этого в нашу страну вернулись тысячи произведений русской культуры, оказавшиеся за пределами России.

Культурный фонд «Вереск» – представляет собой информационно музыкальный портал по фольклорной музыке. Организация занимается поддержкой и развитием культуры традиций различных народов, распространением её в широких кругах населения, обеспечением свободного доступа всех желающих и интересующихся к накопленной информации и к участию в культурной жизни данного направления.

Это некоммерческий проект, цель которого объединить людей со схожими интересами и предоставить им удобный ресурс для получения, публикации, обсуждения интересной информации из мира музыки, главным образом относящейся к фольклору и этнической музыке.

Проект создан для поддержки независимых музыкантов. Благодаря ему у талантливых исполнителей со всей России есть возможность заявить о себе широкой публике, а у самой публики есть возможность расширить свой кругозор в области фольклорной музыки и культуры.

Фонд искусства Фаберже – Российско-Американская некоммерческая общественная организация. Фонд содействует развитию русских культурных традиций и расширению культурных связей между Россией и Западом, опираясь на наследие Карла Фаберже (проведение выставок, образовательных программ, разработка новых и участие в существующих реставрационных проектах).

Пермский общественный некоммерческий фонд развития культуры «Юртин». Фонд создан в Перми в 1994 году. Все эти годы он эффективно действует в сфере культуры города, реализуя на практике культурологический опыт. Все проекты фонда руководствуются единой стратегией. Они направлены на преодоление провинциализма как тяготения к культурной изоляции, замкнутости в рамках местнических систем оценок, приоритетов и языков культуры, с одной стороны. С другой, фонд стремится содействовать развитию культурного самосознания и потенциала Перми, вписывать пермское в общее культурное пространство. Фонд создан филологами Пермского университета.

Фонд содействия творческому образованию, развитию науки и культуры «Сторник». Цель фонда – выявление таланта в различных областях художественного творчества, создание условий для их непрерывного роста и совершенствования. Фонд опекает школы, одарённых детей, отдельных музыкантов и исполнителей, юношей и девушек, продвинутых в науках, в литературе и в искусстве.

Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы» создан в апреле 2000 года группой профессионалов обеспокоенных положением дел в сфере сохранения объектов наследия. Он стал первой негосударственной организацией, поставившей своей задачей найти практические пути возрождения памятников культурного наследия России и в первую очередь уникальных объектов отечественной культуры – загородных усадеб. Фонд осуществляет свою деятельность по следующим направлениям: мониторинг состояния и

характера использования исторических усадебных комплексов России; обследование усадебных комплексов под задачи учёта и паспортизации по заказу госорганов охраны памятников культуры; популяризация объектов наследия; археологические и архитектурные исследования усадебных комплексов; разработка проектов восстановления объектов наследия; вовлечение усадебного наследования в современный социо-культурный оборот.

Нижегородская общественная организация содействия восстановлению усадьбы Приклонских-Рукавишниковых – объединяет граждан РФ, другие общественные организации в целях сохранения, восстановления, популяризации, защиты и охраны усадебного комплекса в селе Подвязье (Богородский район Нижегородской области).

Русская дворянская усадьба в с. Подвязье – неотъемлемая часть русской культуры и истории Нижегородского края, объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения и федеральной формы собственности. Парадокс, но этот двойной титул отчасти и способствует разрушению усадебного комплекса.

Очевидно, что государство своими силами не в состоянии обеспечить сохранность всех памятников культуры, находящихся в подавляющем большинстве в плохом состоянии. В частности, на охрану и содержание усадьбы Приклонских-Рукавишниковых денег госорганы никогда не выделяли. Если бы не усилия созданной в 2004 году Общественной организации, направленные на спасение этой удивительной красоты старинной русской усадьбы, то усадебный комплекс был бы полностью уничтожен.

Таким образом, мы видим, что не только государство, по обязанности своей, заботится о сохранении культурного наследия России, но и отдельные люди, проявляя собственную инициативу, объединяются в соответствующие организации. Основных причин здесь две: небезразличие к историческим культурным ценностям и далеко не всегда успешные меры государства в этой сфере.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оброткина Е. В., НПА

В жизни любого народа историческое наследие занимает особое место: к нему обращаются в самые сложные моменты своей истории. Стремление к сохранению наследия – это почти проявление генетического инстинкта к сохранению нации. Даже в условиях экономического кризиса сегодня первоочередная задача – возвращение древним российским городам былого величия и вовлечения их культурного наследия в экономику страны.

К сожалению, сегодня имеется ряд проблем, из-за которых проекты по сохранению исторического наследия не могут обрести приоритетный статус.

В первую очередь мы ждём принятия нормативно-правовых актов и решений Правительства Российской Федерации во исполнение Федерального

закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Это – и создание единого реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации, и уточнение пообъектного состава, территории и предметов охраны в отношении каждого объекта культурного наследия, и проведение их инвентаризации. Следует наладить эффективную реализацию полномочий субъектов Федерации по охране культурного наследия, стимулировать их законотворческий процесс – региональные законы в этой сфере жизненно необходимы.

Как показывает зарубежная практика, во многих странах мира применяются льготы и дотации для лиц, вкладывающих деньги в сохранение исторического наследия. Внедрение данных механизмов в России позволит привлечь инвесторов, представителей среднего и малого бизнеса к сохранению отдельных памятников и целых исторических кварталов городов.

Кроме того, необходимо обеспечить самое широкое общественное участие в охране культурного наследия России.

Сохранение культурного наследия – основа дальнейшего развития общества. По состоянию на 31.12.2008 г. в Российской Федерации на государственном учёте состоит более 80 тыс. объектов культурного наследия, из них 25757 памятников истории и культуры федерального значения, 62384 – регионального. В их числе 13 объектов состоят в Списке всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, а 67 учреждений культуры, науки и образования включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, который формируется с 1992 года.

К объектам культурного наследия религиозного назначения относится 11041 памятник истории и культуры, из них 6624 федерального значения, 4417 регионального значения. В последние годы мировое сообщество придаёт особое значение охране нематериальной культуры. Под эгидой ЮНЕСКО введена новая номинация – памятники нематериальной культуры. Это прежде всего разнообразные проявления народной традиционной культуры – фольклор, народные художественные промыслы, бытовые традиции и т.д. Из российских объектов в список особо ценных видов нематериального наследия ЮНЕСКО включены устное народное творчество и культурные традиции старообрядцев Забайкалья. Это пока единственный объект подобного рода от нашей страны. Однако Российская Федерация имеет большие возможности представительства в этой номинации в связи с сохранностью многих промыслов и производств, фольклорных традиций, других проявлений живой традиционной культуры в различных регионах страны.

В настоящее время состояние объектов культурного наследия может рассматриваться как критическое. Происходит устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны. По различным оценкам состояние от 50 до 70 процентов находящихся на государственной охране памятников истории и культуры характеризуется как неудовлетворительное, для большей их части необходимо принятие срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения.

Очень важно подчеркнуть, что в России поставлены на государственную охрану не только памятники истории и культуры, но и особо ценные территории, где сохраняется весь культурно-исторический и природный комплекс наследия, уникальные культурные и природные ландшафты.

В настоящее время состояние объектов культурного наследия может рассматриваться как критическое. Происходит устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны. По различным оценкам состояние от 50 до 70 процентов находящихся на государственной охране памятников истории и культуры характеризуется как неудовлетворительное, для большей их части необходимо принятие срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения.

Помимо непосредственного разрушения памятников в результате природных или антропогенных воздействий также следует выделить нерегулируемую застройку исторических городов и территорий и зон охраны многих ценнейших памятников, что приводит к гибели либо самих памятников, либо окружающего их ландшафта. Значительными являются масштабы разрушения археологических памятников.

За последние 10 лет в Российской Федерации погибло более 2,5 тысяч памятников. Ежегодные утраты составляют 150-200 памятников, и этот показатель практически не снижается. Специалисты отмечают, что продолжение данной тенденции неизбежно приведёт к невосполнимым утратам ценнейшего культурного наследия народов России.

В списке утраченных за последнее время значатся следующие памятники истории и культуры:

- торговые ряды начала XX века в г. Звенигороде Московской области (утрачены в связи с аварийным состоянием и проведением строительных работ);
- дом купцов Ворониных 1794 года постройки и дом Чуракиных в г. Суздале Владимирской области (пожар);
- дом жилой начала XIX века и конюшня в г. Калуге (утрачены в результате хозяйственной деятельности);
- Максимовская лавка «Каменка» в г. Уфе (разрушение дома из-за воздействия на фундамент грунтовых вод). И этот перечень далеко не полный.

Отсутствие пользователей (использования) памятников признаётся специалистами в качестве существенной причины ухудшения состояния памятников. По этой причине разрушаются десятки памятников.

Бесхозность наиболее губительно сказывается на сохранности памятников в Архангельской области (более 400 памятников). Многие годы фактически бесхозными остаются некоторые памятники в Омске и ряде поселений Омской области.

В последнее время на территории Российской Федерации было утрачено 155 памятников археологии. Под воздействием естественных процессов разрушаются свыше 2 тысяч памятников археологии.

Грабительские раскопки в Российской Федерации расширяются, и с каждым годом увеличивается число пострадавших от них археологических памятников. В Зольском районе Кабардино-Балкарской Республики был разграблен курган скифо-сарматского времени, продолжается разграбление других курганов, расположенных в этом же районе.

Отсутствие нормативной базы в области охраны и использования археологического наследия остаётся главной причиной плохого состояния археологического наследия. Работа Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия по созданию единой системы охраны памятников в Российской Федерации по этой причине остаётся малоэффективной. По-прежнему нет системы взаимодействия органов охраны памятников истории и культуры с органами охраны природы. Состояние археологического наследия можно стабилизировать и в какой-то мере улучшить только в результате принятия эффективной нормативно-правовой базы, создания централизованной системы охраны памятников и налаживания взаимодействия с природоохранными органами.

Ещё одной причиной разрушения объектов наследия и ненадлежащего проведения там реставрационной защиты является их правовое и имущественное состояние. Многие памятники архитектуры не имеют пользователей (предпринимателям не выгодно брать памятник в аренду без должной правовой проработки этого вопроса). В 2007 году из действующего законодательства исключён запрет на приватизацию памятников истории и культуры федерального значения. Назрела необходимость разработки чёткой правовой концепции имущественных и земельных отношений в сфере наследия, поощрения меценатства в культуре и соответствующего подкрепления принятием законодательных и необходимых организационных и экономических решений.

Важнейшие перспективные задачи сохранения и использования культурного наследия должны быть следующими:

1. Ориентация на понимание наследия как широкого и фундаментального понятия, лежащего в основе общественных процессов. Это предполагает включение в данную категорию не только недвижимых или движимых памятников истории, культуры и природы, но и таких элементов, как народная культура, традиции, ремёсла и промыслы, традиционные формы природопользования, исторические технологии, этнокультурная среда, природное окружение. При этом наследие рассматривается как система, в которой отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды.

2. Возрастание роли территориального подхода к сохранению наследия, при котором основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности.

3. Рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как части комплекса современных социокультурных и экономических процессов.

4. Приоритетной перспективной задачей является составление полного Государственного реестра объектов культурного наследия. Должны быть профинансированы и продолжены экспедиционные работы и научные исследования по инвентаризации памятников истории и культуры.

Такой представляется ситуация в области сохранения культурного наследия в России в наши дни. Конечно же, отразить весь спектр проблем существующих ныне в данной области в рамках тезисной статьи – не представляется возможным. Однако, учитывая вышеизложенное необходимо добавить что, наше время динамично и противоречиво. Это пора социальных катаклизмов и назревающих природных катастроф. Именно поэтому люди все пристальнее вглядываются в собственный облик, осмысливают истекшее, стремясь понять перспективы грядущего. Сейчас как никогда важно обратить взгляд в прошлое. Ведь только сохраняя наше богатое национальное культурное наследие, мы не только оставим нашим потомкам память о себе, но и поймем, какое нас ждет будущее, к чему стоит стремиться.

КОНСТРУКЦИЯ: СТРУКТУРА ФЕНОТИПА ОБЩЕСТВА РОССИИ

Владимирский О. А., г. Нижний Новгород.

Автор смысл определения «генетический» уточнил общими знаками «+» или «-» формул физической статики, которыми описываются процесс энтропии энергии и мера информации. В контуре переходов хаос – порядок волевых импульсов общий знак указывает на вероятное событие принципа максимум жизни как биологической, так и социальной эволюции.

Принцип материализуется в последовательности наращивания генетическими структурами своего функционального эволюционного преимущества. Она образует общий генетический интервал эволюции, на котором расположены участки генетических структур человека, общества и христианской цивилизации.

Для создания конструкции использовался индикатор – «суверенитет общества по отношению ресурсов принципа максимум жизни», которым были выделены социальные, экономические и этические условия паритета суверенитетов человека, государства и общества.

Содержание «ресурс принципа максимум жизни» уточнено понятием «имущество»: фонд амортизации предприятий, разницы между номиналом и расходами на проведения эмиссии денег. Понятие экономики общества уточнено понятием «имущественный комплекс общества».

Носителем генетической информации общества и цивилизации является норма фенотипической популяционной группы социально психического компенсаторного характера. Выделен спектр норм этих групп, который несёт свойства устойчивости, уникальности и заданности развития христианской

цивилизации. Такая норма выступает единицей генетической информации христианской цивилизации – генетическим Кодом цивилизации.

Выделение норм для конструкции фенотипа общества осуществлялось по их связям с фенотипическими признаками прогресса христианской цивилизации:

1. Интеллект производительных сил стал Субъектом Космоса.
2. Гуманизм цивилизации связан с общественными условиями эволюции души.
3. Повышения экономической и социальной роли генезиса системной стоимости имущественного комплекса общества до уровня его оборотных средств.
4. Эти оборотные средства являются объектом собственности суверенитета общества, отчуждение их внесудебном порядке вершинами социальных пирамид нарушает суверенитет общества.
5. Естественное право утверждает диспозицию паритета суверенитетов человека, государства и общества, с которым конфликтуют субъекты отчуждения оборотных средств имущественного комплекса общества (по действующему законодательству – способ неосновательного обогащения).

«Структура фенотипа общества России» является конструкцией из Кодов христианской цивилизации, несущих алгоритм воздействия принцип максимум жизни на социальное поле в масштабе исторического поколения. Конструкция концентрирует энергетику и информацию исторического механизма наследования поколений по индикатору «право суверенитета общества на ресурсы принципа максимум жизни», позволяет изменять масштаб действия этих энергий до масштаба контура отдельного социального события.

На основе Кодов структуры фенотипа общества созданы социальные, экономические и этические способы концентрации энергий генетики общества, трансляции её в контур социального события. Такая трансляция в рамках действующего законодательства восстанавливает права суверенитета общества на ресурсы качества своей жизни.

«Структура фенотипа общества России» – обладает способностью гиперскалярного ядра – воспроизводит единый смысл множества выходных сигналов воздействия на общественные отношения.

Конструкция соответствует объективным законам истории и естественного права.

Конструкция генетический смысл персонажа преамбулы Конституции: «многонациональный народ, соединённые общей судьбой на своей земле, сознавая частью мирового сообщества» уточняет понятием общества как часть мирового сообщества. Мистику «общей судьбы» – принципом максимум жизни.

Конструкция разрешила смысловое противоречие между статусами и ролями персонажей статьи 3 Конституции: «носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ», «народ осуществляет свою власть через органы власти». Противоречие между отчуждаемым и неотчуждаемым их суверенитетами.

«Народ» выступает источником легитимности власти, «многонациональный народ» выступает суперскалярным ядром этого пространства, носителем суверенитета общества вне зависимости от роли легитимации персонажа «народ».

Конструкция уточняет содержание гуманизма принципом права души человека на общественные условия своей эволюции. Гуманизмом являются общественные условия параллельных социальных эволюций (социальные лифты стилей социального поведения), обеспечивающих приоритет основ законности и нравственности общества, которым исполняется роль эволюции души.

Конструкция фенотипа общества России присутствует в обществе аксиомами:

Аксиома естественного права: как генетическая природа человека является источником суверенитета его воли, так и генетическая природа общества является источником суверенитета воли общества.

Экономическая аксиома: как генетическая природа человека является источником прибавочной стоимости труда, так и генетическая природа общества является источником системной стоимости имущественного комплекса общества.

Аксиома естественного права: как государство реализует свой суверенитет в лице субъекта, наделённого правом исполнителя роли суверенитета государства, так и общество реализует свой суверенитет в лице субъекта, наделённого авторским правом ролью исполнителя суверенитета общества.

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Горячева А.П., г.Нижний Новгород

«Настроения растущей тревоги, неуверенности и пессимизма, характерные для общественного сознания русской интеллигенции в начале XX столетия, сменились после победы большевиков состоянием душевного надлома, духовной обреченности, утратой исторических перспектив» – (из тезисов Синякова С.В. из докладов участников международной научной конференции в г. Н.Новгороде 1993г).

Перед Россией тогда, как и сейчас, стояла задача – создание человека способного творчески жить, умеющего быть свободным и самому отвечать за себя в экзистенциальном одиночестве. Террор и ужасы гражданской войны, распространение марксизма коренным образом поменяли интеллектуальную атмосферу в стране, подорвали основы традиционного мироощущения, веру в незыблемые человеческие ценности, моральные принципы.

В конце 19-го столетия в среде творческой интеллигенции распространилось убеждение, что лишь на обломках религиозной идеологии (католицизм, православие), при условии, что отношения человека с Богом будут строиться индивидуально, без посредничества церкви, будет развиваться

свободная экономика частного предпринимательства. Представителями этого направления были: Н.Бердяев, С.Булгаков, С.Франк и другие. Выход из состояния глубочайшего духовного кризиса начала XX века Н.А.Бердяев связывал с возрождением эпохи Духа. Отсюда вытекают и задачи религиозной философии – вырвать человека из мира материальных ценностей, вернуть ему утраченную свободу, восстановит его творческий энтузиазм.

Рядом с ними формировалась и другая духовная традиция Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и их идейных последователей радикального крыла русского общественного атеистического движения. Социальный утопизм, романтизм и мечтательный иррационализм их призывал русскую революционную интеллигенцию руководствоваться идеями «служения народу», «растворения в народе». Искали быстрых и простых решений социально-экономических проблем на основе принципа сведения сложного к простому.

Старый мир 19-го столетия с его традиционными ценностями: идеи соборности, общинности, коллективизма не умерли, а трансформировались в новых социалистических условиях и помогали выживать и в колхозных кооперативах, на больших стройках коммунизма, в коммунальных квартирах, в бараках, общежитиях, на зонах. Механизм 12-ти летних социально-экономических циклов России, начиная с 1905 года, описывал программы развития России. Для цикла 1989 – 2001 годов это были программы развития культур свободы, экономического мышления и социальных отношений. При такой диспозиции интуиция общей воли избирателей выражает приоритет позитивных свобод, а генетическая природа общества порождает энергетику общественной поддержки типов личностей, способных материально воплотить свободы и придать им гражданское качество.

Антигосударственный переворот 1993 года, антидемократический переворот олигархов в 1996 году лишили связи с генетическими законами общества власть и крупных собственников, а затем и их санкций на власть и собственность. Генетической природой общества и естественным правом не были признаны их права: статья 29 гражданского кодекса – «...сделка, противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна». Фактически в России сложилась клептократия, которой противостоит миссия вертикали власти президента. Она обозначила стратегическую элиту, которая, заняв нишу в социально-экономической жизни общества, интеллектуально не обустроена и ищет оправдание сложившимся социально-экономическим отношениям. Социальные отношения приняли характер отношений жертв, хищников и «бесов» Достоевского. Общество приняло вид «пирамиды феодального кормления» с подавлением воли человечности в человеке. Ответом генетических законов общества стало действие – включить социальные лифты только в направлении – «вниз». В результате противостояния легитимности общей воли и санкции генетической природы общества процесс построения гражданского общества был перенесён на цикл 2001 – 2013 годы с переходом на другие исторические технологии.

Энергетика общественной поддержки переориентировалась с культур свобод на путь создания гражданского общества через стратегическую элиту,

создающей новое знание с гражданским качеством, с аргументами культур экономического мышления и умением материально реализовать социальные проекты. При сохранении аргументов законности и нравственных основ общества возможен сдвиг от аргументов культуры свободы к культуре мышления и создание условий для свободной эволюции души.

На потребность общества в модернизации экономических, социальных и этических отношений летом 2005 года с заявлением о переходе к принципу корпоративного государства выступил президент РФ Путин В.В., но реализация принципа произошла не на генетической площадке общества, а рядом – на генетической площадке ментальности народов. Феодалы пирамиды (местечковая власть и бизнес) восприняли технологии как угрозу их социальным статусам. Социальные технологии породили ситуации конфликта с пирамидами власти и через конфликт приобрели значение юридического факта участника юридических отношений. Процесс формирования социальных ниш стратегической элиты перешел из области концентрации собственности и власти в область способностей создавать инновационные экономические, социальные и этические знания с гражданским качеством. Качество новых социальных технологий позволило, при отсутствии субъектов стратегической элиты, выделить имущественные ресурсы, ниши социального статуса, создать виртуально-социальные модели для процессов генетической онтологии.

Неэффективность корпоративного государства по их несправедному скарбу и международному социальному статусу ставит инициаторов и исполнителей проекта под ответственность перед аргументами и смыслами цивилизации. Выход представителей госкорпорации из пирамиды власти в середине генетического цикла России 2001 – 2013 г.г., когда негативные качества госкорпорации ещё не воспринимаются широким общественным сознанием, не освобождает её от обязательств перед суверенитетом общества, а в дальнейшем и перед гражданским обществом. Для генетической онтологии процессы возникновения у субъектов социальных пирамид обязательств перед суверенитетом общества и неисполнение обязательств на уровне естественного права создаёт правонарушение вплоть до сферы преступлений против человечности. С 2002 года происходит процесс накопления имущественных прав элиты и ответственности по ним социальных пирамид с юридической оболочкой оформления этого социального опыта. На генетическом и социальном уровне произведён отбор методов, стилей экономической, социальной и этической инновационной деятельности стратегической элиты России. Они обладают гражданским качеством и способностью к отбору типов людей для своей трансляции в среду социальных отношений.

В общественном сознании воплощается опыт и знания независимо от отношений людей друг к другу. Моральные нормы и нравственные ценности производят сопряжение полей психических явления архетипа и онтологии. Информационно-энергетическое поле (архетипов) человека и общества выступает через способность воплощать знания поколений, которое есть свойство генетическое. К примеру, компартия Китая реализовала принцип страте-

гической элиты на основе связи ценностей китайской культуры со смыслами и аргументами китайской цивилизации, чем придали статусу и роли элиты гражданское качество. Генетический менталитет народа является аргументом баланса нормы – источником легитимности санкций прав на власть и собственность.

Функциональная сложность интеллекта производительных сил и его связей с гуманизмом истории требует изменение масштаба действия программ. Точка приложения производительных сил должна сопровождаться соответствующим интеллектом управления социальными отношениями. Прогресс общества требует нового механизма преодоления социальной дури и решения проблемы предотвращения возможности использования нравственной преступностью суверенитета государства против суверенитета права. Из соотношения социальных алгоритмов жадности и динамического программирования организации социальных событий Владимирский О.А. выделил свойство суперскалярности. Суперскалярность – архитектура вычислительного ядра, использующая несколько команд, которые могут нагружать работой множество исполнительных блоков. Планирование исполнения потока команд на основе энергетической связи интеллекта производительных сил и гуманизма истории является динамическим и осуществляется самим ядром, которое утверждает в пространстве отношений приоритет интеллекта динамического программирования над интеллектом жадного алгоритма. Суперскалярность позволяет концентрировать по цели, в масштабе отдельного социального события, решения и воздействовать на результат, наделять социальным, экономическим и этическим приоритетом интеллекта алгоритма программирования над интеллектом жадного алгоритма, лишая субъекта жадного алгоритма прав на власть и собственность из поля цивилизации и общества. Ментальность смыслов источников воли и маршруты этой воли в социальном пространстве имеют точку приложения – экстраполяция воли в контур социального события и носителем волевого импульса является человек или группа. На разделение волевых импульсов указывают по наличию или нет – способностей создавать новые знания и опыт их воплощения – носителя интеллекта общества. Человек является материальным носителем волевого импульса, ментальности, стереотипы которого могут выступать наследственными фенотипическими признаками устойчивости, уникальности и заданности или не выступать.

Речь идёт об обращении внимания на культуру генетического мышления, которая напрямую связана с технологиями воплощения знаний и развитием функциональных способностей. Фактически, любой преподаватель должен иметь представление о генетической проекции социальных отношений, он сам является субъектом интеллекта суверенитета общества. Достижения в области биологической и социальной генетики обнажают фактор причин отсталости функционального мышления в мировоззренческой культуре. Преподаватели вузов не занимаются технологиями воплощения знаний в реальную социально-экономическую практику обществ, что и отражает слабость социальных институтов (профсоюз и др.). Преподавательский состав

гуманитарных наук не может выйти из круга социальных интересов, в которых сильно влияние отношения хищник-жертва, не могут передать опыта, которого у них нет.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ С ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Гущева Ю.В., Нижний Новгород

Правовое регулирование культурного наследия, охраны памятников истории прослеживается на протяжении многих веков. Само понятие «памятник истории и культуры» вплоть до революции 1917 года обозначалась различными терминами.

Поэтому было сложно определить, что именно можно относить к памятникам, и каким образом они будут охраняться и сохраняться. В дореволюционной России была создана определенная система научных обществ, занимающихся сохранением историко-культурного наследия России. Положение обществ определялось принадлежностью и подведомственностью определенному министерству. Так непосредственное влияние осуществляли Министерство императорского Двора и Министерство внутренних дел.

Научные общества при университетах, включая сами университеты, были подвластны Министерству народного просвещения, епархиальные – Святому Синоду.

Из этого можно сделать вывод, что памятники истории и культуры в то время делились на светские и церковные памятники. Причем, как указывает Ю.Г. Галай и И.М. Чукова в своих трудах, охрана и сохранение памятников в дореволюционной России на тот момент оставляли желать лучшего. Во времена правления Петра I памятниками старины, в основном, признавались церкви, архиерейские дома, соборы и вся церковная утварь, так как Россия опиралась на религиозные правила и нормы того времени и лишь малая роль отводилась светским памятникам старины.

Контроль над сохранностью церковных памятников культуры осуществлялся Синодом, а не государством. Постепенно памятники начинают приобретать правовую защиту. Так 20 декабря 1720 года сенатский указ установил «смотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также книги исторические рукописные и печатные» губернаторам, вице-губернаторам и воеводам их переписать и прислать в Сенат.

Анна Иоанновна в свою очередь издала ряд указов, характеризуя памятники истории и культуры, как «старинные, уникальные, примечательные вещи чрезвычайной работы».

Постреволюционный период характеризуется наличием светского взгляда на памятники истории и культуры. Здесь, как показывает история, особое место уделялось охране памятников «искусства и старины», причем церковные памятники разрушались и уничтожались советским обществом.

Правовой основой того времени был Декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» принятый 5 октября 1918 года, который предписывал провести регистрацию «всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины, как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они не находились». Коллекционеры в течение месяца регистрировали свои коллекции, в последствие чего им выдавались охранные грамоты. С практической стороны Декрет трудно реализовывался на местах, к нему также дополнительно было издано обязательное постановление. Следить за исполнением Обязательного постановления, было поручено управляющим домами или домовыми комитетами. Но, к сожалению не всегда изданный закон, исполняется немедленно и не имеет изъянов. Декрет от 5 октября 1918 года во многом остался лишь правовым намерением, так как его практическая реализация затянулась на годы и привела к различным негативным издержкам административного и культурного плана.

В 1978 году был принят закон, который, на наш взгляд, более четко и подробно отразил объекты памятников истории и культуры, представив их как предметы старины, произведение изобразительного и декоративно-прикладного искусства, строение, рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Но и это определение не смогло в полной мере повлиять на охрану культурного наследия Советского государства.

В настоящее время в сложившейся ситуации экономического кризиса одной из важных проблем остается сохранение культурного наследия России. Всё больше культурных ценностей вывозится за рубеж и «оседает» в руках частных лиц, таким образом, современное поколение лишается возможности сохранения своей самобытности. А как мы знаем, народ, который теряет свои корни и отстраняется от исторической связи, просто перестает существовать. Поэтому в современной России государственная охрана памятников истории и культуры должна быть объявлена одной из первоочередных задач государственной политики, поддерживаясь мощной правовой базой.

И все-таки что мы понимаем под термином «культурное наследие» сегодня. Большой юридический словарь дает определение «культурное наследие народов РФ» – материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности РФ и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Теперь дадим правовое понятие «Объектам культурного наследия». Так, на основании ст. 3 ФЗ, объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации являются объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исто-

рических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды:

памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия);

ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Проанализировав понятие, данное сегодня в законе, можно сделать вывод, что законодатель видит в памятниках истории и культуры лишь недвижимые вещи, оставив за рамками правовой охраны многие предметы старины, указанные, например, в Законе 1978 года. Но для охраны даже тех памятников, которые на современном этапе подлежат защите, необходимо принятие региональных нормативно-правовых актов, которые и будут в полной мере осуществлять на должном уровне поддержание их нормального функционирования и сохранение подлинной сущности.

Так, на основании Доклада Законодательного Собрания Нижегородской области «Нижегородская область представляет собой уникальное исто-

рико-культурное пространство». С 1994 года Законодательным Собранием поставлено на государственную охрану около 1 тысячи объектов культурного наследия регионального значения на территории Нижегородской области. 3 июля 2007 года Законодательным Собранием Нижегородской области был принят Закон № 86-З «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ, расположенных на территории Нижегородской области», который регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ и выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Нижегородской области.

Проанализировав понятие «памятники истории и культуры», на протяжении многих веков, мы можем сделать вывод о том, что защита и сохранение этой категории вещей всегда осуществлялось на недолжном уровне, отразившись в потере многих исторически-культурных ценностей нашей страны, а это постепенно выливается в деградацию культуры нашего народа.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Зеленов А.Л., ННГАСУ

Культура, исторически представленная в культурном наследии, нуждается в сохранении и передаче от поколения к поколению. Это обеспечивается, прежде всего, различными материальными предметно-вещественными системами: архивы, хранилища, музеи, мемориальные комплексы, памятники, исторические центры и пр. Но все они являются своеобразным «мертвым языком» культуры, что точно выражено в названии, например, монографии В.А. Волдычевой «Культура как социальная память человечества» (Н. Новгород: Новация, 2009).

Эта память человечества должна жить, «работать», а для этого общество должно быть о ней информировано. Сегодня, благодаря широкому развитию средств массовой информации и коммуникации (печать, радио, телевидение, кино, система Интернет), созданы эффективные возможности для информирования населения, туристов, учащихся о достижениях культуры и ценностях культурного наследия всех этносов, всех народов на протяжении всей их истории. Тенденции глобализации стереть эту память, нивелировать культуры, превратить народы мира в «манкуртов» могут быть преодолены эффективным использованием современных информационных средств.

В частности, полезным оказалось создание канала «Культура в отечественном телевидении». Массово издаются книги, посвященные культуре прошлого России: ее истории, науке, искусству, архитектуре, дизайну, великим личностям, памятным датам: Великой Отечественной войне, Александру Невскому, Серафиму Саровскому, народным художественным промыслам и т.д.

Инициативная группа ученых Научно-образовательного центра «Новация» разработала программу издания в 2010 г. специального «Нижегородского сериала» (30 буклетов), посвященного культуре Нижегородского края. Это серия буклетов-брошюр с символическими названиями, рассказывающих и нижегородцам и туристам о Чкалове, Кузьме Минине, В. Дале, Р.Е. Алексееве, Сарове, Павлово, Балахне, Городце, Макарьеве, П.К. Анохине, Б.А. Королеве, Н. Боголюбове, нижегородских губернаторах, Пушкинском Болдине, Дивееве, Серафиме Саровском, ГАЗе, «Красном Сормове» и т.д.

Нижегородская земля богата исторически сформированными народными художественными промыслами. В стране их более 200, а 30% находятся в Нижегородском крае: Павловские изделия из металла, Выксунское художественное литье, Городецкая роспись, Семеновская хохлома и многие другие виды народного творчества, когда интегрально описанные при организации Нижегородской художественно-промышленной выставки в 1896 г. Материалы стареют, но культурная память хранит их и рассказать о них – задача современников.

Источник народного творчества не иссякает до сих пор. Даже в условиях «рыночной экономики» возникают и новые народные инициативы: музеи деревянного зодчества, спортивные народные игры, праздники, обряды, творческие мастерские, детские дома, деревенские гидростанции и пр. Не будем забывать, что сегодня в России действуют более 600 тысяч общественных объединений, 4,5 тыс. из которых на Нижегородской земле. Это все различные типы, виды и формы народной культуры.

Их опыт не исследуется, не обобщается, не распространяется. Широкая информация отсутствует. И опять-таки Научно-образовательный центр «Новация» не только собирает этот опыт, но и планирует издание «Энциклопедии народного опыта».

Иначе говоря, культурное наследие нуждается не только в сохранении и передаче, но и в информации о нем. Это важная патриотическая задача и выполнить ее – дело престижа нижегородцев.

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кондрашкина А.А., ГХИ ННГАСУ

Особенности современного политического процесса все чаще характеризуются через призму взаимоотношений государства и гражданского общества, где на первое место выступает необходимость совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам и, следовательно, затрагиваются многие аспекты той сферы, в которой осуществляется общественный диалог. Эта сфера получила название публичной; в классической трактовке это то общее пространство, в котором члены общества обсуждают вопросы, представляющие взаимный интерес.

Нарастание сложностей осуществления принципов представительной демократии в Европе и Северной Америке привело к критическому осмыслению понятий «публичная сфера», «общественное мнение», «публичная политика» в работах целого ряда авторов (Д.Дьюи, У.Липман, Х.Арендт, Ю.Хабермас и др.). С историко-антропологической точки зрения, речь идет о новых для европейской истории формах культурного опыта в сфере политики, этики, социальных институтов. Публичная сфера в их понимании представляет собой пространство свободного от внешнего контроля обмена информации и дискуссии, исход которой определяется исключительно силой аргументации, а не статусом участников.

Публичная сфера всегда воспроизводится через коммуникативное действие, которое в свою очередь характеризует социальное пространство, в котором оно осуществляется. При этом следует обратить внимание на то, что характеристики публичной сферы качественно меняются по мере расширения круга её участников, а также появления новых каналов коммуникации (аудиовизуальные телекоммуникации, Интернет и др.). Поэтому если традиционным обществам были свойственны замкнутые метафоры социального пространства (форум, сцена, арена), то для современных обществ скорее характерно виртуальное социальное пространство, создаваемое электронными масс-медиа, не требующее физического присутствия и расширяющее для каждого потенциального участника возможность вмешательства в процессы коммуникации.

Итак, публичную сферу можно определить как пространство коммуникации и социальных взаимодействий, в котором выделяются и обсуждаются общественно значимые темы и формируется общественное мнение, которое благодаря принципу публичности делает возможным контроль над деятельностью государства. Публичная сфера поддерживается гражданским обществом – сетью ассоциаций, организаций и движений, черпающих свои цели и ценности из публичных дебатов.

Возникновение и расцвет публичной сферы в России конца XVIII – начала XIX века происходило во многом под влиянием культурной модели французского Просвещения, в рамках которой выделяется новый антропологический тип – *homme de lettres* – «человек письменного слова», интеллектуал или литератор, в самом широком смысле слова (писатель, историк, ученый, журналист и т.д.). Политическая культура Просвещения характеризуется тем, что интеллектуалы, обладая возможностью участия в публичной дискуссии, берут на себя функции публичного политического деятеля и становятся наиболее влиятельной социально-политической силой.

Как считает В.Л.Каплун, *homme de letters* появляется в российской культуре конца XVIII – начала XIX века и характеризует собой процесс формирования самосознания русской публики как особой социальной группы. Её ключевой особенностью по сравнению с публикой в европейских странах является то, что она изначально выделяется почти исключительно из придворного общества. Таким образом публичная сфера функционировала в качестве отличительного признака аристократической формы жизни, социальной

идентичности ограниченного круга людей. Для обозначения данного принципа исключительности использовалось понятие *общества*, как выражения различий между цивилизованным и нецивилизованным населением, высшим и низшим сословием, образованными людьми и «подлым» людом. В свою очередь институциональная автономия аристократической публичной сферы диктовала определенные ограничения в отношении публично обсуждаемых вопросов и стиля дискуссии.

В XIX веке, несмотря на периоды ужесточения цензуры и политического контроля над общественной жизнью, происходит расширение границ публичной дискуссии, увеличение аудитории читающей публики и возникновение критического общественного мнения. Соответственно понятие *общества* стало отражать включенность в общественную, культурную жизнь, активность в публичной сфере и соотноситься с представлениями о гражданских обязанностях. Дальнейшая культурная консолидация и растущее отчуждение от государства «образованной публики» сопровождалось поиском общей идентичности за пределами существующих иерархий и сословных делений. Разложение аристократической публичной сферы требовало новых площадок для выражения мнений, позиций и политических предпочтений, что нашло своё выражение в формировании самого широкого спектра либеральных, демократических, народнических и радикальных идеологических течений второй половины XIX в.

Основные векторы трансформации публичной сферы в СССР/России показали её тесную взаимосвязь с процессами формирования и развития гражданского общества, с возможностями его существования как особого типа социального действия, ориентированного на плюрализм интересов и взглядов, независимость индивидов и их самоорганизацию. По выражению О.Ю.Малиновой, «публичная сфера в СССР – оксюморон, сочетание несочетаемого». И действительно, существование в СССР публичной сферы в классическом смысле, то есть как пространства рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон, представляется невозможным. Тем не менее, вопросы, представляющие общий интерес, безусловно обсуждались. Однако дискуссия осуществлялась в пределах двух сфер, которые были взаимоисключающими. Как справедливо отметил В.Воронков, в отличие от западных обществ, советская действительность характеризовалась доминированием неписаных правовых норм наряду с нормами официальными. Это удваивание стандартов коммуникации описывается в литературе как «социальная шизофрения» *homo soveticus*, а на практике выразилось в параллельном существовании двух публичных сфер – официальной и неофициальной. В рамках официальной публичной сферы основной задачей продолжительное время оставалась «ритуальная артикуляция официально одобренных мнений». И хотя, как отмечают некоторые исследователи, в рамках официальной идеологии существовали разные дискурсы, тем не менее, они не выходили за рамки «предписанных сверху».

Имитация обсуждения, вовлечения в свободную дискуссию привела к выделению «публично-приватной сферы», как пространству, в котором ста-

новились возможным высказывание взглядов, отличающихся от одобряемых официальной идеологией. Данная сфера была крайне фрагментированной и существовала в позднесоветском обществе в форме различных институтов: неформальные кружки, самиздат, радио-«голоса», «кухни», закрытые семинары, музыкальные клубы и т.д.

В период перестройки в связи с изменением правил и расширением рамок дискуссии, появлением новых площадок артикуляции разнообразных мнений и политических идей, границы двух публичных сфер становятся более проницаемыми. Формируется новый круг участников публичной сферы, в который помимо официальных лиц включены общественные организации, творческие союзы, неформальные организации, политические партии (с 1990г.) и просто граждане, участвующие в обсуждении социально значимых проблем. Становятся популярными площадки обсуждения, предполагающие личный формат общения, например, съезды депутатов, митинги, тематические ток-шоу. Решающую роль в развитии «мест дислокации» публичной сферы и распространении новых идеологий, подготовивших последующую политическую и экономическую трансформацию, сыграли СМИ. По мере ослабления политических запретов они становятся «четвертой властью», определяющей настроения и политические предпочтения аудитории.

В 90-е гг. очередная трансформация публичной сферы сопровождалась радикальным изменением структуры публичных коммуникаций, в результате чего основную роль в распространении политических идей и структурировании идеологического спектра начинают играть не печатные, а аудиовизуальные средства коммуникации. Последовавшая коммерциализация СМИ, а также «вброс политизированного капитала» в прессу привели к замене информационной и дискуссионной функции на развлекательную и рекламную; полемику заменил «политический спектакль», а рациональное обсуждение – политические технологии. Одновременно политические партии, как основные источники альтернативных идеологий, оказались отстранены от процесса выработки политического курса.

За последнее десятилетие в результате политических преобразований выстроилась принципиальная новая иерархия институтов и игроков в контексте усиления позиций федерального центра. Взаимодействия в политической системе стали менее конфликтными. Вместе с тем происходит сокращение качественных площадок общественного дискурса, некоторые из которых приобрели чисто демонстрационный характер. Деполитизация аудитории, снижение политического и социального статуса СМИ говорят об упадке публичной составляющей политического процесса, что сокращает возможности демократического контроля над деятельностью государства. Поэтому наряду с официальной публичной сферой возникают иные, альтернативные, выстраивающие горизонтальные информационные потоки. Сегодня пространством выражения альтернативных взглядов и просто площадкой для свободной дискуссии становится виртуальное пространство (блоги, ЖЖ, интернет-форумы и пр.).

Нетрудно заметить, что многие характеристики публичной сферы, выделенные ещё Ю. Хабермасом, хорошо описывают происходящее в виртуальном пространстве в процессе дискуссий на общественные темы. При общении в Интернете горизонтальные связи явно преобладают над вертикальными и, кроме того, выполняется одно из главных требований к рациональному дискурсу: ориентация на силу аргументации, а не на статус.

Однако необходимо признать, что политический диалог в виртуальной сфере представляет собой удаленную точку от центра принятия политических решений и не оказывает на него заметного влияния. С другой стороны, сайты, форумы и блоги в настоящий момент играют роль едва ли не единственной площадки для свободной дискуссии и реальной альтернативы официальной публичной сферы. В целом смещение коммуникации от центров публичной (политической) жизни на периферию, маргинализация альтернативных взглядов и политических идей, вытеснение плюрализма говорит о возвращении к традиционной схеме идеологической оппозиции: «официальная – неофициальная публичная сфера».

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Долидзе, Е. НПА

В первую очередь хотелось бы отметить, что понимается под культурным наследием. Итак, последнее означает материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности народа, его вклада в мировую цивилизацию.

Отношение к культурному наследию приобретает все более идеологический, общественно-политический характер. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства.

Россия в плане культурного наследия страна уникальная – она всегда была многонациональной, соответственно различные культуры переплетались, как привнося свой вклад в культуру, так и создавая что-либо новое. Поэтому за все годы существования нашего государства накоплен огромный багаж культурных ценностей. К ним относятся обряды, обычаи, фольклор, народные промыслы, памятники, архивы, музеи и многое другое.

Интересным является рассмотрение вопросов культурного наследия с точки зрения права. Казалось бы, что две эти категории совершенно из разных сфер жизни, но при изучении данной темы начинаешь понимать, что они неотделимы друг от друга. И оказывается, что право является частью культурного наследия народа, ведь его нормы принимаются гражданами страны в целях регулирования различных правоотношений. Таким образом оно проникает во все сферы общественной жизни.

Одной из важнейших функций современного государства является сохранение, реставрация, восстановление, а иногда и консервация культурных

ценностей. Все эти функции должны быть закреплены на законодательном уровне, такое закрепление является гарантией того, что данная обязанность будет выполняться.

В Российской Федерации существует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)», который регулирует отношения в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия народов РФ. Он также направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Закон создан с учетом новейшего европейского опыта и реальной экономической и социокультурной ситуации в стране. В нем подчеркивается ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейшего элемента историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников.

Вышеназванный закон регулирует большое количество моментов, связанных с охраной объектов культурного наследия. В последнее время чрезвычайно остро стоят вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Я бы хотела остановиться на этом моменте более подробно.

Памятники – ориентиры формирования нашей исторической памяти. Особенно велика их роль в формировании и сохранении ценностных представлений о прошлом. Память – основа не только культуры, но и мировосприятия. Сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений. Памятником считается все, что напоминает о прошлом, в правовом аспекте – это те культурные ценности, которые признаны объектами государственной охраны.

Лишь в сравнительно недавнее время стали акцентировать внимание и на научной ценности памятников, их значении для развития научных исследований и распространения научных знаний. Это существенно расширило само представление о круге памятников и об охранительных функциях общества и государства.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации. Государственная охрана наследия на уровне законов понимается как система правовых, организационных, финансовых, материальных и иных мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации, направленных на учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за их сохранением и использованием.

Законодатель определяет задачи государственных органов охраны памятников: контроль за соблюдением законодательства в области охраны, установление ответственности за повреждение или разрушение памятников, разработка проектов зон охраны объектов наследия, выдача разрешений на

проведение землеустроительных и хозяйственных работ на их территории, контроль за состоянием объектов культурного наследия.

Важное место в законе отведено решению проблемы учета культурного наследия. Во исполнение этой нормы создан Государственный реестр объектов культурного наследия, включающий в себя банк данных об объектах культурного наследия России.

Также подробно определяется механизм правового регулирования права собственности по отношению к объектам культурного наследия. Получили отражение вопросы, посвященные воссозданию памятников. В статье закона подчеркнута, что воссоздание утраченного объекта культурного наследия осуществляется посредством его реставрации при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания. Решение о воссоздании утраченного памятника истории и культуры за счет средств федерального бюджета принимается Правительством Российской Федерации на основании историко-культурной экспертизы по официальному заключению федерального органа охраны, согласованному с органом государственной власти, а также с учетом общественного мнения или мнения религиозных организаций, в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения.

Закон отразил наиболее актуальные проблемы сохранения культурного наследия в новых экономических и социально-политических условиях. Вместе с тем для реализации закона необходимы четкие, конкретные подзаконные акты, в которых были бы более детально разработаны вопросы сохранения и использования памятников истории и культуры, более четко регламентированы отношения новых владельцев памятников и государственных учреждений охраны. В настоящее время возникла необходимость реорганизации деятельности по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры.

Сейчас остро стоит проблема – погибает огромное количество памятников ввиду различных причин, но основной на мой взгляд является пренебрежение официальных представителей власти, не уделяющих должного внимания их охране и воспитанию у населения уважения к культурному наследию. Еще одной проблемой я считаю юридическую безнаказанность виновников разрушения культурного наследия. Она приводит к безнравственности, потере исторической памяти, забвению традиций, культуры. Сохраняется также принципиальное несоответствие масштабам проблемы тех средств и рычагов воздействия, которые имеются в распоряжении организаций и учреждений, занимающихся вопросами охраны и реставрации памятников истории и культуры

Следует отметить, что наряду с упомянутым Федеральным законом, нормы об охране культурных ценностей можно найти в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ, Основах законодательства Российской Федерации о культуре и других нормативных актах, соответствующих Конституции.

Но, несмотря на обилие правовых норм, регулирующих вопросы культурного наследия, одного этого недостаточно. Нормы принимаются для того, чтобы их исполняли. А менталитет нашего народа, что, кстати, я тоже считаю объектом культурного наследия, всегда предполагал уклонение от норм законодательства или хотя бы их игнорирование. В настоящее время уровень правового нигилизма русского народа по моему мнению достиг предельного уровня. Не замечать проблем долго не получится и нужно предпринимать все меры для сохранности нашего наследия, ведь без него не будет и нас.

Нация без культурного наследия деградирует, а позже и прекращает свое существование. Наши предки положили массу усилий для создания, развития и сохранения культурных ценностей и мы должны это понимать и ценить, более того стремиться к созданию новых объектов культурного наследия и восстановления уже существующих.

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О МУЗЕЙНОМ ФОНДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУЗЕЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Моргачева В.А., г. Нижний Новгород

Культурное наследие России представляет собой единый монолит культурных ценностей, принадлежащих на праве как государственной, муниципальной, так и частной собственности. Особый интерес сегодня представляет изучение культурного наследия именно с правовой точки зрения, так как охрана этих памятников должна осуществляться на основании законов. Поэтому, на наш взгляд, необходимо на примере конкретного закона проследить качественное выполнение сущности охраны и сохранения определенного вида культурного наследия.

Так, в частности Федеральный Закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее ФЗ) представляет культурные ценности как предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, определенным в статье 7 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Причем данные категории носят расширительный характер и нигде больше в законодательстве не уточняются. Тем более законодатель не приводит единого критерия, по которым можно выделить культурные ценности как таковые. Из этого вытекает следующее, что законодатель оставляет за уполномоченными лицами, которые осуществляют контроль и надзор в этой области решать, что на самом деле являются культурными ценностями, а что нет. Поэтому не можем в этом случае говорить об объективном подходе к данным объектам, потому что у каждого уполномоченного лица будет свой субъективный взгляд на тот или иной объект культурных ценностей. А эти незначительные мелочи оставляют «широкое поле для коррупции».

Что касается вопроса вывоза и ввоза культурных ценностей, то законодатель вступает сам с собой в противоречие, говоря в п.1 ст. 11 ФЗ о том, что музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, вывозу из Российской Федерации не подлежат. И тут же в п. 2 ст.11 указанного выше закона говорится о возможности временного вывоза данных предметов. Регулирование временного вывоза осуществляется на основании ст. 27 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Причем возможности вывоза, перечисленные в данной статье не являются исчерпывающими, то есть в пп.4 п.1 ст. 27 законодатель указывает на какие-то «иные необходимые случаи», о которых впоследствии на законодательном уровне нигде не говорится. Анализ статей, касающихся вывоза культурных ценностей, еще раз подчеркивает несовершенство нашей законодательной системы по вопросам регулирования и охраны музейных культурных ценностей.

Само понятие ценность, данное в законе, отражает сущность значимого явления для истории страны. Из этого можно сделать вывод, что ценность не может потерять свою природу быть таковой, даже, если подвергнется определенным изменением, ведь ее сущность всегда остается неизменной. Но законодатель вопреки всем законам логики вводит в ФЗ ст. 15, которая гласит: «Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, не подлежат отчуждению, за исключением случаев утраты, разрушения либо обмена на другие музейные предметы и музейные коллекции». На наш взгляд, нецелесообразно в законе указывать случаи возможности отчуждения ценности, при этом вначале нормы делать акцент на невозможность отчуждения. Тем самым мы еще раз убеждаемся, что законодатель оставляет право выбора вывода культурных ценностей из-под оборота, подлежащих охране государством и возможности распоряжаться ими впоследствии как обычными вещами.

ФЗ в ст.30 предусматривает возможность передачи частного имущества, носящего статус культурной ценности, в негосударственные музей на праве оперативного управления. Причем закон явно идет вразрез с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ), который указывает лишь на возможность передачи имущества в оперативное управление только «казенным предприятиям и учреждениям».

Так же п.3 ст. 30 гласит: «Недвижимое имущество, закрепленное за негосударственными музеями на праве оперативного управления, может быть изъято собственником только в случае использования этого имущества не по назначению либо в случае ликвидации музея». Данное положение, на наш взгляд, незаконным образом ограничивает понятие право собственности, указанное в ст. 209 ГК РФ, так как собственник имеет право «по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом,

отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом». А законодатель в статье 30 ФЗ вводит ограничение на право собственности, указывая на то, что собственник имеет право распорядиться своим имуществом, отданным в оперативное управление лишь только, если его имущество будет использоваться не по назначению, либо в случае ликвидации музея. А как быть, если собственник захочет отдать данное имущество в другой негосударственный музей или оставить в своем личном пользовании. В этом случае ФЗ вступает в противоречие с ГК РФ, тем самым нарушает конституционное право – право собственности.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что законодатель осуществляя такую важную функцию, как правовое регулирование музейных культурных ценностей, построил многие нормы статей ФЗ таким образом, что охрана, осуществляемая по отношению к данным ценностям не может выполняться на должном уровне, потому что под каждую ситуацию, которая нарушает нормальное функционирование культурных ценностей, можно найти и приметить любимое выражение нашего законодателя – «иные необходимые случаи».

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	3
А. Теоретические вопросы изучения и сохранения культурного наследия	3
СОЦИОДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ	
Зеленов Л.А., ННГАСУ	3
МНИМОСТИ В КУЛЬТУРЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	
Кондаков И.В., РГГУ, г.Москва	5
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ВЕНГРИИ	
Хоффер-Матий В., г. Будапешт, Венгрия	8
СПОСОБ ОБЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЙ В КУЛЬТУРЕ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
Колесова О. В., ННГУ им. Н. И. Лобачевского	12
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ЕЕ НОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	
Зеленов П.Л., ННГАСУ	15
Б. Изучение и сохранение традиционного культурного наследия.....	17
РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Савина Н.В., ВГИПУ	17
«ПРИНЦИП НЕЗАВЕРШЁННОСТИ» В ТРАДИЦИОННЫХ РУССКИХ ОБЫЧАЯХ	
Холодилова М.Н., ГХИ ННГАСУ	19
ИДЕАЛ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВДЫ	
Москвин К.С., ННГАСУ	21
ИДЕИ РЫЦАРСТВА И КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	
Карцева Т.В., РГГУ, г. Москва	24
АЛЬТЕРНАТИВА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВА	
Толмачева Д.В., ННГАСУ	27
РОССИЙСКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА	
Смирнова Т.Е., ННГАСУ	28
НА ПЕРЕКРЁСТКАХ СУДЬБЫ: ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ	
Нечайкин А.В., МОУ УСОШ, Республика Коми	31
СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ, ИСТОКИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	
Таниева Г. М., ННГУ им. Н.И. Лобачевского	33

ВАЛЬС В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX – XX ВЕКОВ Пуляева Е.В., ГИИ, г.Москва	36
НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ Овчинникова Е. А., НПА	38
ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЮЗ МУЗЫКИ И СПОРТА Таниева Г. М., ННГУ им. Н.И. Лобачевского	40
В. Современные аспекты изучения культурного наследия	43
ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ Савичев С.С., ННГАСУ	43
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ХОЛОДНО»/«ГОРЯЧО» Молчанова О. В., РГГУ, г. Москва	46
ИНТЕГРАЦИЯ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В КУЛЬТУРУ РУБЕЖА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Буткова О.В., г.Москва	49
УТРАТА «ВСЕОБЩЕГО» НАСЛЕДИЯ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА Стракович Ю.В., ГИИ, г.Москва.....	52
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ Темнухин В.Б., ННГАСУ	55
СИМВОЛИЗМ МЕСТА: ОБЪЕКТЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА Мерзляков В.Г., ННГУ им. Н.И Лобачевского.....	56
ФЕНОМЕН ЛЭНД-АРТА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ФЕСТИВАЛЯ «АРХСТОЯНИЕ» 2009 Шилина И.Н., ГХИ ННГАСУ	59
СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО КОСТЮМА Сироткина А. А., г.Нижний Новгород.....	62
МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ОСОБАЯ НЕФОРМАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА Горшкова Г.Б., ГХИ ННГАСУ	63
СЕКЦИЯ 2. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	66
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО 1930-Х ГОДОВ Сошнева А.А., ГХИ ННГАСУ	66
СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА 1920-1930-Х ГГ Рябова А. Б., ГИИ, г.Москва.....	69

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В БАРДОВСКОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» У Цзя-цин, РГГУ, г. Москва	72
ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО ПОСЛЕВОЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ МОСКВЫ Малахова Ю.В., ГИИ, г. Москва	73
ЛИЧНОСТЬ ТВОРЦА КАК КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ-АВАНГАРДИСТОВ ПАВЛА ФИЛОНОВА, КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА И ВЛАДИМИРА ТАТЛИНА) Савинова Е.А., ГИИ г.Москва	76
СЕКЦИЯ 3. РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.....	79
ФЕНОМЕН ПРАВОСЛАВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ Шталь М. А., ГИИ , г.Москва.....	79
ИСЛАМСКИЙ КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС «МЕДИНА» (С. МЕДЯНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ) Тухватулина, Н.Р. ННГУ им. Н.И. Лобачевского	82
НИЖЕГОРОДСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ Кудрявцев В.Н.,г. Нижний Новгород	84
СЕКЦИЯ 4. НИЖЕГОРОДСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ.....	87
УСТРОЙСТВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ 1896 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ «ГЛАЗАМИ» ЕЁ СОВРЕМЕННОКОВ Гаврилова С.А., ГХИ ННГАСУ	87
МУЗЫКАЛЬНАЯ СРЕДА НИЖНЕГО НОВГОРОДА В XIX ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ Соленова С.В., ГХИ ННГАСУ	90
НИЖЕГОРОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК Абаимова А.А., ГХИ ННГАСУ	93
СЕКЦИЯ 5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	96
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД Филиппов Ю.В., ГХИ ННГАСУ	96
РЕЗНОЕ НАСЛЕДИЕ XIX-XX ВЕКОВ: БОГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА И ИГРУШКА Бегунов И.Д., ГХИ ННГАСУ	99
ПРИМЕНЕНИЕ ОПЫТА ХОХЛОМСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ «АГИДЕЛЬ» (Г. УФА)	

Вахитова Р.Р., ГХИ ННГАСУ	102
ПОЛХОВ-МАЙДАНСКАЯ РОСПИСЬ	
Кабанова А.В., ГХИ ННГАСУ	106
СОЛОМОПЛЕТЕНИЕ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
Галкина А. К., ГХИ ННГАСУ	108
НАСЛЕДИЕ БОРНУКОВСКОЙ ПЕЩЕРЫ	
Бегунов И.Д., ГХИ ННГАСУ	111
БАЛАХНИНСКИЙ ИЗРАЗЦОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ XVI – XVIII ВЕКОВ	
Чичикалова И.С., ГХИ ННГАСУ	114
ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ	
Горохова О.А., ГХИ ННГАСУ	116
ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЫРЕЗКИ ИЗ БУМАГИ (KARPINIAI)	
Козубовская Р.В., гимназия им. М. Шемелениса, г. Лентварис, Литва	118
СЕКЦИЯ 6. РОЛЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	120
ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА	
Груша Я.А., ГХИ ННГАСУ	120
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕКИ ВОЛХОВ В 2005 – 2008 ГГ	
Чкалов А.В., ГХИ ННГАСУ	123
КРЕМЛЕВСКИЙ РАСКОП ВО ВЛАДЫЧНОМ ДВОРЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА 2008- 2009 ГГ. ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ	
Худанова П. А., ГХИ ННГАСУ	126
НОВГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ КЕРАМИКА X – XV ВЕКОВ	
Бондарева Т.А., ННГАСУ	128
ДВОЕВЕРИЕ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ БЫТА НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО	
Шабалин О.А., ГХИ ННГАСУ	130
СЕКЦИЯ 7. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ЯЗЫК, СЛОВО И ТЕКСТ.....	133
ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
Фирсова А.М., ГХИ ННГАСУ	133
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ	
Спицына М.С., ГХИ ННГАСУ	135

ИСКУССТВО ПИСЬМА, КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ Оброткина Е. В., НПА	137
ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ С НАЧАЛА XVIII – ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-ГО ВЕКОВ Никшикова Л.Ю., НГПУ	139
ПОИСК «РУССКОСТИ» В ТЕКСТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО HEAVY METAL (1990-2000 ГГ.) Ильин С., РГГУ г.Москва	141
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Никшикова Л.Ю., Фирсова А.М. НГПУ	143
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ. Блажева П.В., ННГАСУ	145
СЕКЦИЯ 8. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И СХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	151
МАРКЕТИНГ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ Зеленова А.Л, ННГАСУ	151
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕЖДУ ЭСТЕТИКОЙ И КОММЕРЦИЕЙ Брукк Ф.Л., ГИИ, г. Москва	152
СЕКЦИЯ 9. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖПОКОЛЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ	155
НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Филиппов Ю.В., Фирсова А.М., Ревягина Т.А., Вахитова Р.Р., Дрягалова Е.А.	155
ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ Пелеваниду А.П., г. Салоники, Греция	157
ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКА В РОССИИ В 60-70 ГОДАХ XVIII ВЕКА Е.Ю. Ипатова, НГПУ	158
ОБУЧЕНИЕ РИСОВАНИЮ В РОССИИ В XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ Гришина И.И., ГХИ ННГАСУ	160
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АКВАРЕЛИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ Ростовцев Н.А., НХУ, г. Нижний Новгород	163
СТРУКТУРА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА Ипатова Е.Ю., НГПУ	165

РУССКАЯ РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА Ростовцев Н.А., НХУ, г. Нижний Новгород	168
ШКОЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА Квасова М.Г., Шобонов Н.А., ГХИ ННГАСУ	170
ЗНАЧЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ ПОЖАРНОМУ ДЕЛУ В РОССИИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Продан И.А., г.Нижний Новгород	175
ОРГАНИЗАЦИЯ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ Ревягина Т.А., ГХИ ННГАСУ	176
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ – ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА Вербовская Е.В., ГХИ ННГАСУ	177
УЧЕТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ Шобонова А.Н., ГХИ ННГАСУ	183
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ К ДУХОВНЫМ ЦЕННОСТЯМ РУССКОГО НАРОДА Чистякова М.А., ГХИ ННГАСУ	184
ВОЗМОЖНОСТИ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИБЛИЖЕНИИ ДЕТЕЙ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ Сорокина Н.М., ГХИ ННГАСУ	187
ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК КАК НАРОДНЫХ СРЕДСТВ ВОСПИТАНИЯ Кольцова И.Н., ГХИ ННГАСУ	188
РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ КАК СЛАГАЕМОЕ КУЛЬТУРЫ ДВИЖЕНИЯ Кислинская Т. А., ГХИ ННГАСУ	190
РАЗВИВАЮЩИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ РЕБЕНКА К ШКОЛЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ Сорокина Н.М., Вербовская Е.В., ГХИ ННГАСУ	193
СЕКЦИЯ 10. СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ	198
РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ Сидоров А.Н., ВВАГС	198

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ Балакшин А.С., ВГАВТ.....	200
СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ Соколова Н.Л., ННГАСУ	202
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ Сидоров А.Н., ВВАГС.....	204
КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ Савичев С.С., ННГАСУ	206
ЮРИДИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГЕНЕТИКИ ОБЩЕСТВА Владимирский О. А., г. Нижний Новгород.....	208
ВНЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ Ермаков Р. М., ННГАСУ	210
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Оброткина Е. В., НПА.....	212
КОНСТРУКЦИЯ: СТРУКТУРА ФЕНОТИПА ОБЩЕСТВА РОССИИ Владимирский О. А., г. Нижний Новгород.....	216
ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ Горячева А.П., г.Нижний Новгород.....	218
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ С ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ Гущева Ю.В., Нижний Новгород	222
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ Зеленов А.Л., ННГАСУ.....	225
РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Кондрашкина А.А., ГХИ ННГАСУ	226
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Долидзе, Е. НПА.....	230
АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О МУЗЕЙНОМ ФОНДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУЗЕЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» Моргачева В.А., г. Нижний Новгород.....	233

Филиппов Юрий Владимирович
Фирсова Анна Михайловна

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Первая международная научно-практическая
конференция по культурологии

Сборник научных статей и докладов

Редактор:

Н.П. Гришуткина

Компьютерная верстка

С.В. Коротков

Подписано в печать Формат 60x88/16 Бумага газетная. Печать трафаретная.

Уч. изд. Л 14,7 Усл. печ. л 15,5 Тираж 500 экз. Заказ №

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

603950, Н. Новгород, Ильинская, 65

Полиграфцентр ННГАСУ, 603950, Н. Новгород, Ильинская, 65